

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН**

На правах рукописи

ИВАНОВ Антон Вячеславович

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ЯПОНИИ
СО СТРАНАМИ ЮВА В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ
НАПРЯЖЁННОСТИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
(ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Специальность 5.5.4 Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель
д.п.н. Плотников Николай Дмитриевич

Москва 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
Глава 1. Теоретико-методологические и исторические основания анализа политико-экономических стратегий Японии в ЮВА	27
1.1. Эволюция научных подходов к анализу внешнеполитических и экономических стратегий: от теории «мягкой силы» к институциональной интеграции	27
1.2. Методологические принципы и исследовательские подходы к анализу внешнеполитического поведения Японии в АТР	52
1.3. Национальные интересы Японии как основа политико-экономического взаимодействия с ЮВА	59
Глава 2. Эволюция и адаптация политико-экономической стратегии Японии в ЮВА в условиях региональной напряжённости.....	74
2.1. Историческая трансформация подходов Японии к взаимодействию с ЮВА: от репарационной помощи к стратегическому партнёрству	74
2.2. Современные механизмы взаимодействия Японии с ЮВА: институциональные форматы, инфраструктурные инициативы и ОПР	85
2.3. Новые вызовы для Японии в АТР и адаптация внешнеполитических приоритетов в отношении ЮВА	108
Глава 3. Современные вызовы и институциональное обновление политико-экономической стратегии Японии в ЮВА	121
3.1. Милитаризация внешнеполитического курса Японии в условиях изменения региональной архитектуры безопасности	121
3.2. Япония, Китай и США в оценках стран АСЕАН: сравнительный анализ стратегических предпочтений	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	158
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	161

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современные международные процессы, вызванные глобализацией, ростом геополитической напряжённости и изменением миропорядка, существенно изменили характер внешнеполитических стратегий ведущих государств. Применение военной силы в международных отношениях всегда связано с высокой стоимостью и значительными рисками, поэтому государства исторически старались избегать её в качестве первоочередного инструмента внешней политики. Как указывал Карл фон Клаузевиц, война выступает крайним проявлением конфликтных отношений, к которому прибегают лишь после исчерпания всех прочих средств. В качестве таких средств исторически выступали экономические, финансовые и дипломатические инструменты, позволяющие государствам достигать внешнеполитических целей и расширять своё влияние без непосредственного военного противостояния¹.

Начиная с 1970-х годов, государства активнее стали использовать экономические меры как первичные инструменты внешней политики. Для Японии, лишённой права на применение силы в международных конфликтах, ключевым средством политического влияния, особенно в Азии, стали разнообразные экономические механизмы и формы сотрудничества². Это проявляется в приоритетном развитии инвестиционных, кредитных и торговых механизмов взаимодействия.

Использование Японией экономических инструментов и развитие комплексных форм взаимодействия стали определяющими в ее стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), особенно в условиях растущей конкуренции с Китаем и США за влияние в регионе. Юго-Восточная Азия (ЮВА), характеризующаяся высоким уровнем экономического роста (по данным

¹ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs. 2004. 192 p.

² Bayne N., Woolcock S. *The New Economic Diplomacy: Decision-Making and Negotiation in International Economic Relations*. Ashgate Publishing. 2011. P. 75.

Всемирного банка, в 2024 г. средний рост ВВП стран ЮВА составил около 5,6%³), стратегическим геополитическим положением и активной интеграцией через Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), представляет для Японии стратегическую важность. По данным Министерства финансов Японии, объём торговли со странами АСЕАН в 2022 г. достиг 240 млрд долл. США⁴, а общий объём японских инвестиций в регион превышает 23 млрд долл. ежегодно. Эти цифры подчёркивают значимость ЮВА как основного направления японской внешней политики.

Однако усиление влияния Китая в регионе создаёт значительные вызовы для Японии. Китай, являясь крупнейшим торговым партнёром АСЕАН с долей 19% в общем товарообороте⁵, активно использует инвестиционные и инфраструктурные проекты для укрепления своих позиций. В ответ Япония вынуждена адаптировать свою экономическую дипломатию, расширяя спектр инструментов «мягкой силы», включая программу официальной помощи развитию (ОПР), образовательные программы и проекты культурного обмена. В рамках ОПР Япония в 2021 г. профинансировала инфраструктурные и социальные проекты в Лаосе, Камбодже и Филиппинах, включая модернизацию дорог, госпиталей и учреждений профобразования. Эти инициативы были направлены на укрепление японских интересов и снижение зависимости от китайских кредитов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП)⁶.

Одним из ключевых направлений является инвестиционное сотрудничество. Япония является одним из крупнейших инвесторов в странах АСЕАН. По данным Японской организации внешней торговли (JETRO), общий объём прямых иностранных инвестиций Токио в регион в 2024 г. превысил 23 млрд

³ GDP (current US\$) // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed: 03.12.2024).

⁴ Trade Statistics of Japan // Customs and Tariff Bureau of Japan. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/info/tsdl_e.htm (accessed: 03.12.2024).

⁵ ASEAN Statistics: Statistical Yearbook 2023. Jakarta: ASEAN Secretariat. 2023. 123 p.

⁶ Official Development Assistance // Ministry of Finance Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/index.html> (accessed: 23.12.2023).

долл. США⁷. Инвестиции направлены в такие секторы, как инфраструктура, энергетика, информационные технологии и производство, что способствует технологическому развитию стран ЮВА и одновременно усилению японских позиций.

Экологическое измерение также занимает значимое место в системе внешнеэкономической и внешнеполитической активности Японии. Регион сталкивается с серьёзными проблемами в сфере природопользования, включая изменение климата, деградацию окружающей среды и дефицит ресурсов. Особенно остро данные проблемы стоят перед населением субрегиона бассейна реки Меконг, по данным ООН, на данной территории проживает около 65 млн чел., 80% из которых зависят от водных ресурсов в контексте обеспечения продовольственной безопасности⁸. В условиях увеличения экологических рисков Япония инвестирует в проекты по охране окружающей среды и устойчивому развитию, такие как модернизация водохозяйственной инфраструктуры в Мьянме, Лаосе и Камбодже⁹.

Особую актуальность тема приобретает в условиях усиления напряжённости в Южно-Китайском море, роста национализма и усиления конкуренции за природные ресурсы. Японские проекты, такие как Партнёрство за качественную инфраструктуру (ПКИ), в рамках которого только с 2016 по 2022 гг. было направлено более 110 млрд долл. США на развитие транспортной и энергетической инфраструктуры¹⁰, помогают усилить позиции Японии в странах ЮВА в условиях внешних вызовов. Тем не менее, влияние этих инициатив на устойчивость региона и их роль в стратегическом противостоянии с Китаем требуют дальнейшего анализа.

⁷ ASEAN の貿易投資年報 [Годовой отчет по торговле и инвестициям АСЕАН] // 独立行政法人日本貿易振興機構 [Японская организация внешней торговли (независимое административное агентство)]. URL: <https://www.jetro.go.jp/world/asia/asean/gtir.html> (accessed: 23.12.2023).

⁸ Global Issues Water // United Nations. URL: <https://www.un.org/en/global-issues/water> (accessed: 02.12.2024).

⁹ Confronting the threat of climate change with Partner countries // JICA. URL: https://www.jica.go.jp/Resource/english/our_work/thematic_issues/climate/fh2q4d00000pg1q-att/agenda_01.pdf (accessed: 02.12.2024).

¹⁰ Policy Speech by Prime Minister Kishida Fumio to the G20 Bali Summit side-event on Partnership for Global Infrastructure and Investment // Prime Minister's Office of Japan. URL: https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/statement/202211/_00005.html (accessed: 02.12.2024).

Несмотря на значимость экономических и политико-экономических механизмов во внешней политике государств, их влияние на региональную стабильность, конфигурацию межгосударственных связей и стратегическое поведение стран ЮВА остаётся исследованным недостаточно полно. Значительная часть научных работ сосредоточена преимущественно на торгово-экономических параметрах взаимодействия, тогда как вопросы использования экономических инструментов для укрепления политического влияния, формирования устойчивых моделей сотрудничества и продвижения национальных интересов государств нередко остаются вне центра внимания. Между тем именно эти аспекты приобретают особую значимость в условиях трансформации АТР, усиления соперничества между Китаем и США, а также возрастания роли Японии как самостоятельного актора региональной политики. В складывающейся обстановке Токио не только адаптирует свои механизмы взаимодействия со странами АСЕАН к меняющимся условиям, но и сочетать экономические инструменты с более широкими задачами укрепления собственных стратегических позиций.

Понимание специфики японской политико-экономической стратегии, её институциональных форм, механизмов реализации и практических последствий имеет важное научное и прикладное значение. Опыт Японии показывает, что содействие развитию, инвестиционная активность, инфраструктурные инициативы и иные формы сотрудничества со странами АСЕАН могут выступать не только средствами поддержки регионального развития, но и инструментами последовательного продвижения национальных интересов государства. Анализ данной модели позволяет глубже понять особенности современного взаимодействия Японии со странами ЮВА, выявить факторы устойчивости её позиций в регионе и точнее оценить её роль в меняющейся архитектуре региона. В условиях нарастающей международной напряжённости такое исследование приобретает особую значимость как для теоретического осмысления политических процессов в АТР, так и для выработки практических подходов к взаимодействию с государствами региона.

Научная задача исследования заключается в недостаточной изученности механизмов и инструментов японского внешнеэкономического влияния как ключевого фактора обеспечения национальных интересов страны. Политическая турбулентность, рост международной конкуренции и изменчивость политического вектора США в регионе создают для Японии вызовы, связанные с усилением позиций Китая. В тоже время, недостаточная изученность японских инструментов экономического влияния существенно затрудняет понимание механизма реализации стратегии Токио в ЮВА. Подобное положение вещей ограничивает возможности прогнозирования будущих действий Японии и формулирования эффективной политики взаимодействия со странами АСЕАН.

Объект исследования – политико-экономические отношения Японии со странами ЮВА как одно из ключевых направлений её внешнеполитической деятельности в АТР.

Предмет исследования – трансформация механизмов, стратегий и инструментов политико-экономического взаимодействия Японии со странами ЮВА в условиях усиления геополитической напряжённости в АТР, а также их использование для продвижения поставленных Токио задач и адаптации японской политики к изменяющейся региональной архитектуре безопасности.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1950-х годов по 2026 г. Выбор данного временного диапазона обусловлен необходимостью проследить основные этапы трансформации политики Японии в отношении стран ЮВА в условиях меняющейся региональной и глобальной обстановки. Начальная граница связана с послевоенным восстановлением внешнеполитических позиций Японии и постепенным формированием её долгосрочной стратегии присутствия в ЮВА, основанной на экономическом сотрудничестве, репарационных механизмах, инвестициях и последующем развитии программ официальной помощи развитию. Данный период позволяет показать, как Япония прошла путь от преимущественно экономического взаимодействия к более сложной политико-экономической модели, сочетающей

инструменты развития, дипломатического влияния и элементы стратегического балансирования. Конечная граница, установленная на 2026 г., дает возможность включить в анализ новейшие изменения, связанные с усилением геополитической конкуренции в АТР, ростом военно-политической активности Японии и адаптацией её стратегии к новой региональной архитектуре.

Цель исследования состоит в анализе политико-экономической стратегии Японии в отношении стран ЮВА, выявлении трансформации её основных механизмов и инструментов в условиях усиления геополитической напряжённости в АТР, а также в определении того, каким образом данные инструменты используются Токио для продвижения собственных интересов, укрепления политического и экономического влияния в регионе и адаптации к изменяющейся архитектуре безопасности.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **научных задач**:

– проанализировать эволюцию научных подходов к изучению политико-экономических стратегий государств и систематизировать ключевые концепты, применимые к исследованию политики Японии в отношении стран ЮВА;

– исследовать современные инструменты политико-экономической стратегии Японии в ЮВА, включая официальную помощь развитию, инвестиции, инфраструктурные проекты, торгово-экономические соглашения и технологическое сотрудничество, и определить их значение для продвижения национальных интересов Токио;

– выявить, каким образом экономические механизмы взаимодействия Японии со странами АСЕАН сочетаются с задачами укрепления её политического влияния, формирования благоприятной для нее внешней среды и поддержания соответствующего баланса сил;

– проанализировать усиление военно-политического компонента внешней политики Японии в условиях трансформации архитектуры безопасности в АТР и определить его влияние на характер японской стратегии в ЮВА;

– рассмотреть восприятие Японии странами АСЕАН в сравнении с Китаем и США, выявить особенности формирования их отношений с Токио и определить основные факторы устойчивости и ограничения японской политики в регионе.

Гипотеза исследования заключается в том, что политико-экономическая стратегия Японии в отношении стран ЮВА представляет собой не только форму содействия их развитию, но и важнейший инструмент продвижения собственных национальных интересов Токио в условиях усиления геополитической конкуренции в АТР. Использование таких механизмов, как официальная помощь развитию, прямые инвестиции, инфраструктурные проекты, торгово-экономические соглашения и технологическое сотрудничество, позволяет Японии одновременно укреплять свои экономические и политические позиции в ЮВА, формировать благоприятную для себя внешнюю среду и поддерживать соответствующий баланс сил. При этом по мере изменения архитектуры безопасности в АТР данная стратегия всё в большей степени дополняется военно-политическим компонентом, что повышает уровень региональной напряжённости, но не ведёт к утрате доверия к Японии со стороны стран АСЕАН. Эффективность японской политики при этом ограничивается внутренними ресурсными факторами, усилением Китая и общей нестабильностью внешнеполитической среды, что требует от Токио постоянной адаптации форм и инструментов взаимодействия с регионом.

Теоретико-методологическая база исследования опирается на совокупность современных подходов теории международных отношений, которые позволяют рассматривать экономическую дипломатию Японии в ЮВА не как набор разрозненных мер, а как элемент стратегии в меняющейся архитектуре региональной политики. В основу положены структурный реализм и неолиберализм, концепция международных режимов.

Структурно-реалистическая перспектива, связанная с работами К. Уолтца, задаёт рамку анализа баланса сил и объясняет, почему экономические инструменты для Японии выступают способом укрепления позиций в условиях

конкуренции крупных держав¹¹. Одновременно используются идеи неолиберализма Р. Кеохейна и Дж. Найя, фиксирующие роль институтов, взаимозависимости и переговорных режимов в поддержании устойчивого сотрудничества, что особенно релевантно для практик Японии в форматах АСЕАН и сопряжённых механизмов¹².

Логика международных режимов в интерпретации С. Краснера позволяет операционализировать экономическую дипломатию через нормы, правила и соглашения, то есть через те регуляторные контуры, в которых действуют торговые и инвестиционные механизмы¹³. Отдельный слой формирует концепция «мягкой силы» Дж. Найя. Она даёт теоретическое основание для анализа культурных, образовательных и гуманитарных инициатив Японии как ресурса легитимации и доверия в ЮВА, а не только как сопутствующей активности¹⁴.

Методологически работа построена на сочетании системного анализа и набора прикладных методов, позволяющих связать эмпирику с причинными механизмами. Системный анализ (в логике Уолтца) рассматривает ЮВА как сложную систему с экономическими, политическими и социальными подсистемами и позволяет выявлять связность процессов внутри АСЕАН и их зависимость от надсистемы АТР; в частности, через него анализируется связка инфраструктурных инициатив Японии, включая ПКИ, с параметрами региональной устойчивости. Далее применяются элементы качественного дискурс-анализа стратегических документов Японии и АСЕАН, программ ОПР, отчётов международных организаций и национальных стратегий, что даёт возможность реконструировать приоритеты и язык политики по направлениям инфраструктуры, здравоохранения и образования.

¹¹ Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Reading, Mass.: Addison-Wesley. 1979. 251 p.

¹² Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown. 1977. 268 p.; Keohane R.O. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press. 1984.

¹³ Krasner S.D. *International Regimes*. Ithaca: Cornell University Press. 1983. 372 p.

¹⁴ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs. 2004. 192 p.; Nye J.S. *The Future of Power*. New York: PublicAffairs. 2011. Vol. 64, No. 3. P. 45-52.

Компаративный метод используется для сопоставления внешнеэкономических стратегий Японии, Китая и США в регионе, чтобы выявить отличительные черты японского подхода, включая акцент на качественную инфраструктуру и ресурс «мягкой силы», а также уточнить пределы его эффективности. Ретроспективный метод обеспечивает периодизацию эволюции японской линии с 1950-х годов и позволяет показать переход от поддержки экспорта и кредитования к инвестиционным проектам и программам обменов. Прогностический метод применяется для построения сценариев адаптации японской политики при изменении баланса сил и внешнеполитических установок США, а анализ и синтез интегрируют данные по инвестициям, образовательным инициативам и инфраструктурным проектам в единую модель воздействия. Завершает методический контур кейс-стади, ориентированный на разбор конкретных успешных инициатив, включая ПКИ и образовательных программ, с оценкой не только непосредственных эффектов, но и их долгосрочных политических последствий.

Источниковая база исследования основывается на материалах, отражающих инструменты и механизмы японской внешнеэкономической политики и её взаимодействие со странами ЮВА в контексте реализации собственных интересов Токио. Источники включают в себя документы международных организаций, национальные стратегии, публикации аналитических центров, статистические базы, средства массовой информации и рейтинги глобального влияния.

Важной группой источников являются официальные документы Японии и государств ЮВА, регламентирующих вопросы внешней политики, обороны и безопасности. В данную категорию входят стратегические доктрины, концепции национальной безопасности, межправительственные соглашения, декларации о сотрудничестве и иные нормативные акты, определяющие общие рамки политики в регионе. Кроме того, сюда включены отчеты и материалы международных организаций, таких как АСЕАН, АТЭС, Восточноазиатский саммит и ВРЭП.

Данные источники позволяют изучить официальные позиции стран в регионе. С помощью анализа этих материалов можно выявить динамику изменений в политических и экономических приоритетах и оценить степень вовлеченности государств в процессы региональной интеграции. В частности, такие документы, как Белые книги по обороне, многолетние планы экономического сотрудничества и межправительственные соглашения позволяют глубже понять механизмы принятия решений и их последствия для экономического роста, что крайне важно для анализа текущей политической обстановки и долгосрочного прогнозирования её развития.

Информация, публикуемая международными организациями, играет ключевую роль в понимании экономических процессов и дипломатической политики стран АСЕАН. Основными источниками являются отчёты АСЕАН, предоставляющие данные о торговых потоках, инвестиционной активности и интеграционных инициативах¹⁵. Всемирный банк публикует обзоры экономического состояния региона, включая отчёты о бедности и устойчивом развитии, например, «World Development Indicators» и «Doing Business Report»¹⁶. Азиатский банк развития (АБР) предоставляет данные о крупных инфраструктурных проектах, реализуемых в ЮВА, включая программы регионального экономического сотрудничества, такие как «Greater Mekong Subregion Economic Cooperation Program»¹⁷. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) через свои отчёты, такие как «OECD Economic Outlook for Southeast Asia, China, and India», предлагает аналитические данные о динамике экономического роста региона¹⁸. Дополнительно анализировались материалы

¹⁵ ASEAN Economic Community Blueprint 2025 // The ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/book/asean-economic-community-blueprint-2025/> (accessed: 03.12.2024).

¹⁶ World Development Indicators // World Bank Group. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 03.12.2024).

¹⁷ Greater Mekong Subregion Economic Cooperation Program: Overview // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29387/gms-ecp-overview-2015.pdf> (accessed: 03.12.2024).

¹⁸ Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2024 // Organisation for Economic Cooperation and Development. URL: https://www.oecd.org/en/publications/economic-outlook-for-southeast-asia-china-and-india/volume-2024/issue-1_3bbe7dfe-en.html (accessed: 03.12.2024).

программ развития ООН UNDP и UNCTAD, включая «World Investment Report»^{19, 20}.

Важными источниками являются и отдельные официальные документы правительства Японии и стран ЮВА, в частности: «Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Free and Open Indo-Pacific Strategy, FOIP), разработанная Японией, включает положения о сотрудничестве в области безопасности, инфраструктуры и торговли²¹. Национальные планы развития стран ЮВА, такие как «Philippine Development Plan» или «Vietnam Socio-Economic Development Strategy», предоставляют данные о приоритетах и стратегиях экономического развития^{22,23}. Коммюнике саммитов АСЕАН и Японии содержат ключевые положения о партнёрстве и координации усилий между странами региона²⁴. Дополнительно анализировались региональные соглашения, включая ВРЭП, которые раскрывают особенности экономической интеграции в ЮВА²⁵.

Важной группой источников являются публикации аналитических и исследовательских институтов. К примеру, The Japan Institute of International Affairs (JIА) публикует аналитические отчёты о стратегиях внешней политики Японии в ЮВА²⁶. East-West Center и Brookings Institution предоставляют

¹⁹ World Investment Report // United Nations Conference on Trade and Development. URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (accessed: 03.12.2024).

²⁰ Human Development Report 2025 // United Nations Development Programme. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025> (accessed: 03.12.2024).

²¹ New Plan for a «Free and Open Indo-Pacific (FOIP)» // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000430632.pdf> (accessed: 03.12.2024).

²² Philippine Development Plan (PDP) 2023-2028 // Philippine Development Plan. URL: <https://pdp.depdev.gov.ph/philippine-development-plan-2023-2028> (accessed: 03.12.2024).

²³ Socio-economic development plan for 2021-2025 // Vietnam government portal. URL: <https://vietnam.gov.vn/socio-economic-development-plans/socio-economic-development-plan-for-2021-2025-12056314> (accessed: 03.12.2024).

²⁴ 2nd Meeting of the East Asia Summit Group convenes at the ASEAN Headquarters // ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/2nd-meeting-of-the-east-asia-summit-group-convenes-at-the-asean-headquarters-asean-secretariat> (accessed: 03.12.2024).

²⁵ RCEP Statements // RCEP. URL: <https://rcepsec.org/wp-content/uploads/2024/07/RCEP-PSR-in-HS-2022-adopted-by-RJC-30June2022-corrected20Aug2022.pdf> (accessed: 03.12.2024).

²⁶ Event Report // The Japan Institute of International Affairs. URL: <https://www.jiia.or.jp/en/eventreport> (accessed: 03.12.2024).

оценки конкуренции за влияние между Японией, Китаем и США^{27,28}. ASEAN Studies Centre (ISEAS-Yusof Ishak Institute) публикует ежегодные доклады о состоянии и перспективах региональной интеграции^{29,30}.

Кроме того, в целях проведения количественного анализа использовались международные статистические базы. Так, при помощи UN Comtrade изучались данные о двусторонней торговле и динамике торговых потоков между странами региона и Японией³¹. Данные CEIC Data и World Bank Data послужили для анализа показателей экономического роста, инвестиционной активности и эффективности ОПР^{32,33}. Также использовались базы данных АБР, содержащие информацию о региональных инвестиционных проектах³⁴.

В ходе исследования активно использовались публикации ведущих изданий, таких как The Japan Times, Nikkei Asia, Bangkok Post, The Irrawaddy и VietnamNet. Также были проанализированы материалы специализированных журналов, таких как The Diplomat, Asian Power и ERIA Reports, которые освещают экспертные оценки японской политики в ЮВА. Для оценки роли Японии в ЮВА применяются международные индексы, такие как Asia Power Index (Lowy Institute), Global Power Index и Global Firepower Index, которые позволяют количественно оценить влияние страны по сравнению с другими акторами региона.

Степень научной разработанности темы исследования. В рамках исследования внешнеэкономической политики Японии со странами ЮВА, в контексте укрепления ее позиций в регионе, был проведен всесторонний анализ

²⁷ East-West Center Annual Report 2024 // East-West Center. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/east-west-center-annual-report-2024> (accessed: 05.12.2024).

²⁸ Research and commentary // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/centers/center-for-asia-policy-studies/research-and-commentary> (accessed: 05.12.2024).

²⁹ The State of Southeast Asia 2025 Survey // Yusof Ishak Institute. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/03/The-State-of-SEA-2025-1.pdf> (accessed: 05.12.2024).

³⁰ Activity report 2024 // Institute of Strategic and International Studies (ISIS) Malaysia. URL: <https://www.isis.org.my/wp-content/uploads/2025/07/Activity-report-2024-v2.pdf> (accessed: 05.12.2024).

³¹ UN Comtrade database // UN Comtrade Analytics. URL: <https://comtrade.un.org/labs/data-explorer> (accessed: 05.12.2024).

³² Southeast Asia Economic Data // CEIC Data. URL: <https://www.ceicdata.com/ko/indicators> (accessed: 05.12.2024).

³³ Net bilateral aid flows from DAC donors, Japan (current US\$) // The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/DC.DAC.JPNL.CD> (accessed: 05.12.2024).

³⁴ Greater Mekong Subregion Economic Cooperation Program: Overview // ADB. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29387/gms-ecp-overview-2015.pdf> (accessed: 03.12.2024).

научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, что позволило выделить основные направления исследования и определить ключевые проблемы рассматриваемой тематики. Литературу, касающуюся данного вопроса, целесообразно классифицировать на несколько групп, что обеспечивает комплексный подход к изучению проблемы и позволяет охватить все значимые аспекты.

Первая группа состоит из трудов отечественных и зарубежных исследователей, освещающих политические, экономические и безопасность аспекты взаимодействия Японии с государствами ЮВА. Работы таких авторов, как Канаев Е.А., Панов А.Н., Добринская О.А., Елкин М.Е., Вода К.Р., Киреева А.А., Севастьянов С.В., Носова И.А., Шувалов И.И., Хабриева Т.Я., Капустин А.Я., Батакова А.А., Татарина А.В., Аргирова В.Г., Китаока С., Мацуура К., Денисов В.И., Иванов И.Д., Столяров Ю.С., Нисида Ц., Богатуров А.Д., Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Королев А.С., Муратшина К.Г., а также зарубежных авторов, таких как А. Acharya, С.М. Dent, R. Emmers, J. Rathus, R. Higgott и X. Gong позволяют проанализировать ключевые аспекты взаимодействия, включая экономические и политические факторы, способствующие реализации Японией своих национальных интересов³⁵. Труды

³⁵ Канаев Е.А. Безопасность на основе сотрудничества в Восточной Азии и конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: дис. д-р истор. наук: 07.00.03. М., 2008. 430 с.; Добринская О.А. Эволюция политики Японии в области обеспечения национальной безопасности после крушения биполярной системы международных отношений: дис. канд. истор. наук: 07.00.03. М., 2005. 234 с.; Елкин М.Е. Концепция комплексного национального обеспечения безопасности Японии: дис. канд. истор. наук: 07.00.03. Томск, 2020. 243 с.; Вода К.Р. Политика Японии в Тихоокеанской Азии в начале XXI века: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2016. 202 с.; Киреева А.А. Роль великих держав (Китай, Япония, Индия, США, Россия) в структурировании макрорегионального пространства Восточной Азии: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2013. 261 с.; Севастьянов С.В. Модели регионализма и регионализации Восточной Азии: дис. д-р. полит. наук: 23.00.04. Владивосток, 2009. 370 с.; Носова И.А. Внешнеполитические аспекты энергетической безопасности Японии (1973 г. - 2011 г.): дис. канд. истор. наук: 07.00.15. М., 2012. 178 с.; Батакова А.А. Проблемы прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии (конец XX – начало XXI вв.): дис. канд. истор. наук: 07.00.15. М., 2017. 260 с.; Татарина А.В. Образ России в Японии, Китае и Юго-Восточной Азии: дис. канд. истор. наук: 07.00.15. М., 2022. 210 с.; Аргирова В.Г. Политика в Юго-Восточной Азии после провала американской агрессии в Индокитае (1973-1983 гг.): дис. канд. полит. наук: 07.00.03. М., 1985. 221 с.; Кожин Е.Г. Влияние сотрудничества и соперничества в АТР на моделях институционального регионализма (международно-политические аспекты): дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2020. 215 с.; Шувалов И. И., Хабриева Т. Я., Капустин А. Я. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): моногр. / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин. М., 2016. 320 с.; 北岡 伸一. 日本政治史 外交と権力 [Синъити Китаока. Политическая история Японии: внешняя политика и власть]. 東京: 有斐閣 [Токио: Юхикаку]. 2011. 342 p.; 松浦 正孝. アジア主義に多方面から光を [Масакацу Мацуура. Рассматривая с разных сторон проявления азиатизма] // 外交フォーラム [Дипломатический форум]. 2008. № 245. P. 38-40.; Иванов А. В. Состояние и перспективы решения территориальных споров между Японией и ее соседями: Республикой Корея и Китайской Народной Республикой // Ежегодник ИМИ. 2012. №12. С. 401-414.; Столяров Ю. С. Япония

данных авторов помогают глубже понять сложную систему отношений между акторами региона.

Вторая группа представлена исследованиями, посвященными концепциям регионализма и интеграции в АТР. Важный вклад в разработку данной проблематики внесли такие авторы как Кожин Е.Г., Севастьянов С.В., Торкунова А.В., Стрельцов Д.В., Арапова Е.Я., а также зарубежные исследователи, в частности, R. Emmers, A. Acharya и С.М. Dent³⁶. Исследования данных авторов подчеркивают значимость региональных механизмов интеграции и их вклад в формировании политической конъюнктуры региона.

Третья группа охватывает исследования, направленные на анализ внешнеполитических и энергетических аспектов взаимодействия Японии с государствами ЮВА. В эту группу входят труды таких ученых как Носова И.А.,

в системе мирохозяйственных связей. М.: Наука, 1977. 345 с.; Нисида Ц. 総合安全保障と外交 [Комплексная безопасность и дипломатия]. Токио: Кэйдзай-то гайко. 1981. № 705. P. 211.; А. С. Манькин, А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталеv. Очерки теории и политического анализа международных отношений // Минск: Белорусская электронная библиотека. URL: <https://biblioteka.by/m/articles/view/А-Д-Богатуров-Н-А-Косолапов-М-А-Хрусталеv-очерки-теории-и-политического-анализа-международных-отношений> (дата обращения: 10.08.2025); Асланова О. С. Япония США в XXI веке: региональные факторы упрочения альянса // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2; Колдунова Е. В. АСЕАН на современном этапе и проблемы региональной стабильности // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2015. № 28; Королёв А. С. Переосмысление опыта построения сообществ безопасности. Пример АСЕАН // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 3 (58). С. 80-98; Муратшина К. Г. Страны АСЕАН и американо-японская инициатива Транстихоокеанского партнерства // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strany-asean-i-amerikano-yaponskaya-initsiativa-transtihookeanskogo-partnerstva> (дата обращения: 09.12.2024); Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order. NY: Routledge, 2001. 234 p.; Dent M. East Asian Regionalism. New York: Routledge. 2008. 320 p.; Emmers R. ASEAN minus X: Should This Formula be Extended? // RSIS Commentary. 2017. URL: <https://rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/co17199-asean-minus-x-should-this-formula-be-extended> (дата обращения: 03.04.2020); Rathus J. Indonesia and ASEAN Plus Three Financial Cooperation: Domestic Politics, Power Relations, and Regulatory Regionalism // Bulletin of Indonesian Economic Studies. 2018. № 54. P. 131-133; Higgott R., Robison R. Southeast Asia (Routledge Revivals) Essays in the Political Economy of Structural Change. New York: Routledge. 2014. 348 p.; Gong X. Non-Traditional Security Cooperation between China and South-East Asia: Implications for Indo-Pacific Geopolitics // International Affairs. 2020. № 96. P. 29-48.

³⁶ Кожин Е. Г. Влияние сотрудничества и соперничества в АТР на модели институционального регионализма (международно-политические аспекты): дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2020. 215 с.; Севастьянов С. В. Модели регионализма и регионализации Восточной Азии: дис. д-р. полит. наук: 23.00.04. М., 2009. 370 с.; Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России // Под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. Монография. М., Аспект Пресс. 2019. 432 с.; Арапова Е.Я. Регионализация в Восточной Азии в условиях диверсификации источников экономического роста / Е.Я. Арапова. М.: Проспект. 2016. 232 с.; Emmers R. Cooperative Security and the Balance of Power in ASEAN and the ARF. NY: Routledge, 2003. 216 p.; Higgott R., Stubbs R. Competing Conceptions of Economic Regionalism: APEC versus EAEC in the Asia Pacific // Review of International Political Economy. 1995. № 2. P. 516-535.

Меламед И.И., Терентьева Е.А., Абрамова А.Л., а также работы зарубежных коллег, таких как R. Emmers, R. Higgott и С.М. Dent³⁷.

Четвертая группа включает исследования, посвященные вопросам стратегического соперничества и партнерства Японии с Китаем и другими ключевыми акторами в АТР. В эту группу входят работы Михеева В.В., Киреевой А.А., Торкунова А.В., Стрельцова Д.В., Кожина Е.Г., а также исследования зарубежных авторов, таких как J. Rathus, A. Acharya и R. Emmers³⁸.

В российской научной литературе заметное место занимают работы Е. В. Колдуновой, Д. В. Мосякова, О. А. Добринской и Е. А. Канаева. Этот круг авторов действительно показателен. В исследованиях Е. В. Колдуновой, выполненных в русле анализа регионализма и институциональной адаптивности АСЕАН, основное внимание уделяется тому, как меняются многосторонние форматы в Восточной Азии и каким образом Япония использует их для закрепления своих позиций в регионе; особенно важен здесь акцент на институциональной среде, а не только на двусторонней дипломатии. Такой ракурс позволяет точнее показать, почему для Токио взаимодействие с ЮВА строится не просто через двусторонние каналы, а через поддержание асеаноцентричной конфигурации регионального порядка.

³⁷ Носова И.А. Внешнеполитические аспекты энергетической безопасности Японии: 1973-2011 гг.: дис. канд. истор. наук: 07.00.15. М., 2012. 178 с.; Меламед И.И., Терентьева Е.А., Абрамов А.Л. [и др.] Организации и объединения стран Тихоокеанского кольца: монография // Владивосток: издательский дом Дальневосточного федерального университета. 2012. 624 с.; Emmers R. ASEAN and the Institutionalization of East Asia. London: Routledge. 2013. 248 p.; Higgott R., Stubbs R. Competing Conceptions of Economic Regionalism: APEC versus EAEC in the Asia Pacific // Review of International Political Economy. 1995. № 2. P. 516-535.; Dent M. The new economic bilateralism in Southeast Asia: Region-convergent or region-divergent? // International Relations of the Asia-Pacific. 2005. № 8. P. 81-111.

³⁸ Михеев В.В. Китай-Япония. Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М., Издательство Руслана Элинина. 2009. 360 с.; Киреева А.А. Роль великих держав (Китай, Япония, Индия, США, Россия) в структурировании макрорегионального пространства Восточной Азии: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2013. 261 с.; Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России // Под ред. А.В.Торкунова, Д.В.Стрельцова. Монография. М., Аспект Пресс, 2019. 432 с.; Кожин Е. Г. Влияние сотрудничества и соперничества в АТР на модели институционального регионализма (международно-политические аспекты): дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2020. 215 с.; Rathus J. Japan, China and Networked Regionalism in East Asia. London: Palgrave Macmillan. 2011. 235 p.; Yoshimatsu H. China, Japan and the South China Sea Dispute: Pursuing Strategic Goals Through Economic and Institutional Means // Journal of Asian Security and International Affairs. 2017. № 4. P. 294-315.; Wilkins T. Middle power hedging in the era of security/economic disconnect: Australia, Japan, and the «Special Strategic Partnership» // International Relations of the Asia-Pacific. 2021. № 23. P. 93-127.

Д.В. Мосяков рассматривает Японию прежде всего в контексте меняющегося баланса сил в ЮВА и усиления японо-китайской конкуренции. Здесь важен стратегический слой. В его работах инфраструктурные и инвестиционные проекты Токио интерпретируются не как нейтральное сопровождение торговли, а как инструмент позиционирования в условиях нарастающей борьбы за правила и каналы влияния в АТР. О.А. Добринская, в свою очередь, показывает, что японская линия в отношении АСЕАН давно уже не сводится к экономике в узком смысле: в своих статьях она анализирует одновременно роль ОПР, трансформацию внешнеполитических установок Японии и новые тенденции военно-политического сотрудничества Японии с АСЕАН.

Работы Е.А. Канаева значимы прежде всего тем, что вводят в анализ АСЕАН более широкий контекст региональной фрагментации, цифровой трансформации и конкуренции интеграционных проектов. Это важное уточнение. Его публикации опираются на разбор конкретных многосторонних треков, в том числе экономического сообщества АСЕАН, цифровой повестки и сопряжения внешних инициатив, что делает их полезными для анализа того, как Япония встраивается в региональные режимы и где проходят пределы её влияния.

При этом, несмотря на солидный массив исследований, по-прежнему заметен перекос в сторону институциональных схем, торговых параметров и общих характеристик регионализма. Политико-экономическая связь раскрыта слабее. Недостаточно подробно прослежено, каким образом японские инструменты ОПР, инициативы в сфере качественной инфраструктуры, а позднее и механизмы Japan-ASEAN Connectivity Initiative конвертируются в устойчивое политическое влияние, в управляемую взаимозависимость и в поддержание благоприятного для Токио баланса сил.

В настоящем исследовании сделана попытка восполнить указанные пробелы, в частности выявить ключевые механизмы внешнеэкономической политики Японии, её адаптацию к изменениям в международной среде.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении политико-экономической стратегии Японии в отношении стран ЮВА как системы инструментов, направленных на последовательное продвижение интересов Токио в условиях усиливающейся геополитической конкуренции в АТР. В работе показано, что такие механизмы взаимодействия, такие как ОПР, инфраструктурные инвестиции, технологическое и образовательное сотрудничество, выполняют двойную функцию: с одной стороны, способствуют укреплению региональной взаимосвязанности, а с другой – создают условия для расширения экономического присутствия Японии, укрепления её политического влияния и поддержания выгодного ей стратегического баланса сил в регионе.

В исследовании обосновано, что данная стратегия реализуется параллельно с усилением военно-политического компонента японской внешней политики. Показано, что курс на ускоренную милитаризацию, проводимый правительством Санаэ Такаити с 2025 г., способствует росту напряжённости в АТР, однако не приводит к снижению уровня отношений с Японией со стороны стран АСЕАН, которые продолжают рассматривать её как предсказуемого партнёра в условиях усиления региональной конкуренции.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политика Японии в отношении стран ЮВА представляет собой самостоятельное направление её внешней политики, посредством которого Токио не только участвует в инициативах по развитию региона, но и последовательно укрепляет собственные политические, экономические и стратегические позиции.

2. Официальная помощь развитию, инфраструктурные инвестиции, торгово-экономические соглашения, технологическое сотрудничество и продвижение японских управленческих, технических и цифровых стандартов сформировали основу устойчивого влияния Японии в ЮВА. С помощью данных инструментов Токио не только расширяет присутствие своих компаний на региональных рынках, но и создает зависимость стран региона от японских

технологий, нормативных решений и правил взаимодействия, закрепляя за собой положение одного из ключевых внешних партнёров государств АСЕАН.

3. Трансформация политики Японии в ЮВА выражается в переходе от модели, основанной преимущественно на экономической помощи, инвестициях и торговле, к более широкой модели воздействия, в которой экономические инструменты сочетаются с институциональным влиянием, дипломатической координацией и мерами в сфере безопасности. Япония в этих условиях выступает в регионе не только как донор и инвестор, но и как государство, влияющее на правила сотрудничества, параметры инфраструктурного развития, цифрового регулирования и механизмы регионального взаимодействия. Такой переход означает, что экономическое присутствие Токио перестало быть самоцелью и стало частью более широкой линии, направленной на формирование благоприятного для Японии регионального порядка и ограничение усиления конкурирующих центров силы.

4. Усиление военно-политического компонента японской политики в ЮВА связано с ускоренной милитаризацией Японии в условиях изменения региональной архитектуры безопасности и особенно отчётливо проявилось при правительстве Санаэ Такаити. Новый курс выражается в продолжении наращивания оборонных расходов, пересмотре стратегических документов, расширении функций Сил самообороны и разведслужб, развитии ударных и беспилотных средств, активизации военно-логистических соглашений с партнёрами, а также в более жёсткой политической линии по вопросам Тайваня, ядерного сдерживания и участия Японии в обеспечении безопасности в АТР.

5. Несмотря на усиление милитаризации и рост жёсткости внешнеполитического курса Токио, большинство стран АСЕАН продолжают рассматривать Японию как более приемлемого партнёра, чем другие ведущие внешние акторы.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно расширяет научное представление о внешнеэкономических инструментах как о значимом компоненте внешнеполитической стратегии государства в условиях

перестройки современного международного порядка. На материале отношений Японии со странами ЮВА это показано предметно. Анализ позволяет не только зафиксировать связь между экономическими инициативами Токио и его региональными интересами, но и уточнить сами механизмы такой связи.

Полученные результаты важны и в более широком теоретическом плане. Речь идет прежде всего о дальнейшем изучении сходных политико-экономических процессов в других регионах Азии и за ее пределами, где государства также сочетают торговые, инвестиционные, технологические и гуманитарные инструменты с задачами стратегической адаптации.

Практическая значимость работы определяется тем, что его результаты могут быть использованы при выработке внешнеполитических и внешне-экономических стратегий, ориентированных на укрепление сотрудничества с государствами ЮВА в условиях усиливающейся глобальной конкуренции и продолжающейся перестройки международной системы. В частности, проведенный анализ японской политики в регионе формирует эмпирическую базу и аналитический инструментарий, представляющие интерес для специалистов в области международных отношений, дипломатии, регионоведения и внешне-экономической деятельности.

Особую ценность результаты исследования имеют для уточнения возможных направлений российской стратегии в ЮВА. Здесь важен сравнительный ракурс. Осмысление японского опыта позволяет не механически заимствовать отдельные решения, а точнее оценивать, какие инструменты способны работать на укрепление российских позиций в регионе, повышение плотности экономического взаимодействия и формирование более устойчивых партнёрских связей со странами АСЕАН. В данном ключе исследование может быть полезно как для государственных структур, так и для экспертного сообщества, участвующего в подготовке рекомендаций по азиатскому направлению.

Результаты диссертационного исследования могут быть также использованы в учебном процессе в рамках обучения студентов высших учебных

заведений по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение».

Апробация результатов исследования была проведена в ходе десяти научных мероприятий, в том числе:

международная научно-практическая конференция «Россия и регионы мира: контуры будущего» (Москва, 2024 г.);

международная научно-практическая конференция «Новое мироустройство: принципы построения, перспективы, вызовы» (Москва, 2024 г.);

III ежегодной международной научно-практической конференции «Россия и регионы мира: на пути к новому международному порядку» (Москва, 2024 г.);

29-я всероссийская научно-практическая конференция «Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития» (Москва, 2024 г.);

45-я всероссийская научно-практическая конференция «Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем: история, экономика, политика, культура» (Москва, 2024 г.);

всероссийская научно-практическая конференция «Проблема сохранения единства АСЕАН и перспективы развития асеаноцентричных форматов сотрудничества» (Москва, 2025 г.);

межинститутская научная конференция «100 дней законотворчества Д. Трампа: успехи и сложности новой администрации» (Москва, 2025 г.);

III международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы науки и образования» (Москва, 2025 г.);

IX всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук» (Брянск, 2026 г.);

III международная научно-практическая конференция «Традиционный и современный Восток: тенденции развития» (Москва, 2026 г.).

По теме диссертации опубликованы статьи в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

Иванов А.В. Теоретические подходы к исследованию экономического сотрудничества Японии как инструмента внешней политики и его влияния на региональную интеграцию // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2024, Том 3, № 3 (64). С. 52-61. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-3-3-64-052-061.

Иванов А.В. Экономическая дипломатия Японии в ЮВА на фоне смены внешнеполитических ориентиров США и усиления влияния КНР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 2, № 2 (67). С. 79-92. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-2-2-67-079-092.

Иванов А.В. Японская экономическая дипломатия в ЮВА: от донорства к нормативному лидерству // Социально-гуманитарные знания, 2025, № 5. С. 424-427. EDN GDFANN.

Иванов А.В. Япония и вопрос ядерного вооружения: сценарии, риски и международно-правовые ограничения // Закон и власть, 2026, № 2. С. 26-30.

Помимо этого, выпущены ряд статей, затрагивающих отдельные аспекты рассматриваемой в исследовании проблематики:

Иванов А.В. Реакция стран ЮВА на торговую войну США и КНР // Актуальные вопросы науки и образования 2025: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2025, Т. 1. С. 180-182.

Иванов А.В. Роль Японии в обеспечении безопасности морских путей в ЮВА: противодействие морскому пиратству и незаконному трафику // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями, 2025, № 3. С. 74-78.

Иванов А.В. Корейский конфликт: планы США, Южной Кореи и Японии по ядерному разоружению КНДР // Новое мироустройство: принципы построения, перспективы, вызовы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Москва: МГЛУ, 2025. С. 273-277.

Иванов А.В. Военно-логистические соглашения Японии и Филиппин и трансформация механизмов региональной безопасности в АТР // Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции / под ред. С.А. Коньшаковой. Брянск: БГИТУ, 2026. С. 59-62.

Кроме того, результаты работы использовались в Центре научно-аналитической информации Института востоковедения РАН при подготовке информационно-аналитических материалов для федеральных органов власти (Администрации Президента РФ, Совета Безопасности РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Министерства иностранных дел РФ, Минобороны РФ и других органов).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» ВАК Минобрнауки России, а именно: пунктам 2 «Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин», 3 «Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики» и 12 «Внешняя политика и дипломатия».

Объем и структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы.

Первая глава «Теоретико-методологические и исторические основания анализа политико-экономических стратегий Японии в ЮВА» посвящена раскрытию концептуальных и методологических основ исследования японской политики в отношении стран ЮВА. В ней рассматривается эволюция научных подходов к анализу внешнеполитических и экономических стратегий

государств, включая переход от трактовки «мягкой силы» к более широкому пониманию институциональной интеграции и стратегического взаимодействия. Особое внимание уделяется методологическим принципам изучения внешнеполитического поведения Японии в АТР, а также анализу интересов Токио как основы его политико-экономического взаимодействия со странами ЮВА. Тем самым первая глава формирует теоретическую и понятийную рамку для последующего анализа трансформации японской стратегии в условиях изменения региональной среды.

Вторая глава «Эволюция и адаптация политико-экономической стратегии Японии в ЮВА в условиях региональной напряжённости» направлена на исследование практической трансформации подходов Токио к взаимодействию со странами региона. В ней прослеживается путь японской политики от послевоенных репарационных механизмов и экономической помощи к модели стратегического партнёрства, сочетающей официальную помощь развитию, институциональные форматы сотрудничества, инфраструктурные инициативы и иные инструменты внешнеполитического влияния Токио. Отдельное внимание уделяется современным механизмам взаимодействия Японии с ЮВА, а также тем вызовам, которые формируются под воздействием роста китайского влияния, изменений политики США и общей трансформации архитектуры безопасности в АТР. В результате глава показывает, что адаптация японской стратегии носит не ситуативный, а системный характер и подчинена задаче сохранения и укрепления позиций Японии в регионе.

Третья глава «Современные вызовы и институциональное обновление политико-экономической стратегии Японии в ЮВА» посвящена анализу наиболее острых изменений, определяющих современный этап японской политики в регионе. В центре внимания находятся, с одной стороны, милитаризация внешнеполитического курса Японии в условиях изменения региональной архитектуры безопасности, а с другой – восприятие Японии странами АСЕАН в сравнении с Китаем и США. Глава показывает, что усиление военно-политического компонента японской стратегии не отменяет значения

политико-экономических механизмов, а, напротив, встраивается в более широкую линию на укрепление стратегических позиций Токио в ЮВА. Одновременно сравнительный анализ оценок Японии, Китая и США в странах АСЕАН позволяет выявить особенности регионального восприятия японской политики, степень доверия к ней и пределы её дальнейшего укрепления в условиях нарастающей конкуренции великих держав.

В заключении отражается, что трансформация отношений Японии со странами ЮВА представляет собой длительный и системный процесс, в ходе которого экономические механизмы взаимодействия постепенно приобрели выраженное политическое и стратегическое значение. Подчёркивается, что современная политика Токио в регионе не сводится к задачам торгово-инвестиционного сотрудничества или содействия развитию, а выступает составной частью более широкой стратегии, направленной на обеспечение интересов Японии, укрепление её региональных позиций и адаптацию к изменяющемуся балансу сил в АТР. Делается вывод, что официальная помощь развитию, инвестиции, инфраструктурные и технологические проекты, а также институциональные форматы сотрудничества позволяют Японии сохранять устойчивое влияние в ЮВА, несмотря на усиление конкуренции с Китаем и сохраняющуюся зависимость региональной безопасности от политики США. Вместе с тем показано, что по мере изменения архитектуры безопасности политико-экономическая стратегия Японии всё более дополняется военно-политическим компонентом, что способствует росту напряжённости, но не приводит к уменьшению сотрудничества с Токио со стороны большинства стран АСЕАН, продолжающих рассматривать Японию как относительно предсказуемого партнёра.

Глава 1. Теоретико-методологические и исторические основания анализа политико-экономических стратегий Японии в ЮВА

1.1. Эволюция научных подходов к анализу внешнеполитических и экономических стратегий: от теории «мягкой силы» к институциональной интеграции

Использование экономических инструментов во внешней политике имеет глубокие исторические корни, восходящие к тем временам, когда государства начали устанавливать торговые связи и заключать соглашения о коммерческом обмене. Некоторые исследователи отмечают, что элементы экономической дипломатии присутствовали уже в древности. Так, по мнению Т.В. Зоновой, специального ничего принципиально нового в экономической дипломатии нет – в прошлом она фактически выступала под названием «торговая дипломатия»³⁹. Например, упоминается существование прототипов экономико-дипломатических соглашений ещё 1750 г. до н.э. в эпоху ассирийских торговых колоний, когда заключались договорённости о торговле и обеспечивались иммунитеты купцов даже во время военных конфликтов⁴⁰. Это свидетельствует о том, что стремление добиться внешнеполитических целей при помощи экономических инструментов явление не новое, а исторически обусловленное.

Если древние и средневековые дипломатические отношения в значительной степени опирались на династические союзы, военную силу и интриги, то начиная с XVII-XVIII вв. в международной жизни все более важную роль начинает играть экономический фактор. Уже в первой половине XVII в. французский мыслитель Эмерик Крузе отмечал, что «для благополучия народа купец полезнее солдата», призывая к развитию торговли и улучшению инфраструктуры как основы мирного процветания⁴¹. Просвещённые умы XVIII

³⁹ Зонова Т.В. Экономическая дипломатия // Внешнеэкономические связи. 2005. № 6. С. 54-62. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/34240/> (дата обращения: 13.11.2024).

⁴⁰ Там же. С. 58.

⁴¹ Crucé E., Willing T. The new Cyneas of Émerie Crucé. Philadelphia: University of California Libraries. 2019. 406 p.

столетия даже провозгласили его «веком торговли», пришедшим на смену «эпохе войны». Это отражало зарождение понимания того, что торговля и экономические связи могут служить альтернативой силовым методам в достижении государственных интересов. Тем не менее, вплоть до Нового времени традиционная дипломатия зачастую воспринималась как искусство хитрости и обмана ради государственных интересов, а экономические вопросы были во многом подчинены политико-военным.

Рубеж XIX-XX вв. и особенно период после Второй мировой войны ознаменовались качественным скачком в развитии экономической дипломатии. Осознание взаимозависимости национальных экономик привело к созданию механизмов многостороннего экономического сотрудничества: от Бреттон-Вудских институтов (МВФ, МБРР) и Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) до последующих Всемирной торговой организации (ВТО) и региональных интеграционных объединений⁴². Во второй половине XX в., на фоне ядерного сдерживания и постепенного ограничения применения прямой военной силы, экономика выдвинулась на передний план в арсенале внешнеполитических средств. Как отмечает Д. И. Зеликсон «к началу XXI в. культурная, экономическая, религиозная и публичная дипломатия заняли ведущие позиции во внешнеполитическом инструментарии в качестве достойной альтернативы силовым методам»⁴³. В частности, экономическая дипломатия стала одной из наиболее распространённых форм реализации внешней политики, призванной обеспечивать распространение политического влияния через использование финансово-экономических рычагов.

Подъем экономической дипломатии в послевоенный период хорошо иллюстрирует динамика глобальной торговли. На протяжении XX в. доля мировой торговли в отношении к глобальному ВВП неуклонно росла, особенно

⁴² Акимов Н. Н. Взаимодействие норм права ВТО и региональных интеграционных объединений // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-norm-prava-vto-i-regionalnyh-integratsionnyh-obedineniy> (дата обращения: 03.03.2025).

⁴³ Зеликсон Д. И. Экономическая дипломатия как инструмент внешней политики Греции на Балканах: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 150 с.

после 1970-х годов, что получило название эры глобализации⁴⁴. Ниже представлена историческая траектория показателя открытости мировой экономики (отношение суммарного экспорта и импорта к мировому ВВП) за последние пять столетий, с резким ростом в конце XX – начале XXI вв., свидетельствующим о возрастании роли экономических связей между странами (рисунок 1.1). По мере вступления мира в эпоху глобализации доля международной торговли в экономической активности достигла рекордных значений, что отражает возросшую значимость экономической дипломатии.

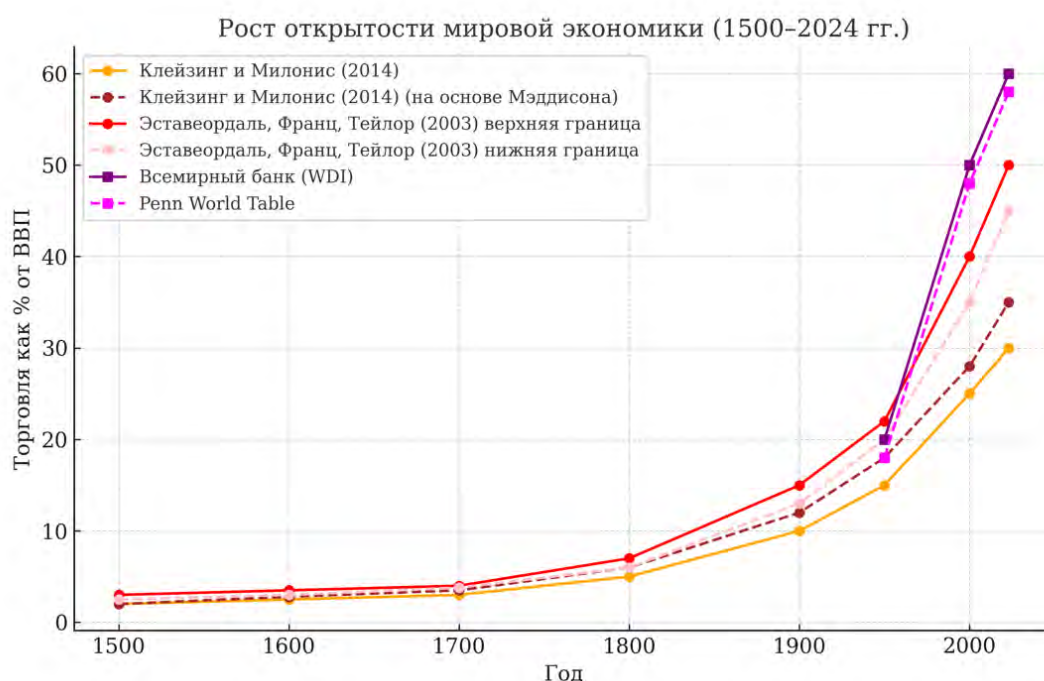

Рисунок 1.1 – Рост открытости мировой экономики (торговля как % от ВВП) за период 1500-2024 гг.

Источник: Всемирный банк, Our World in Data. Growth of Global Economic Openness (Trade as % of GDP), 1500-2024. World Bank, Our World in Data, 2024. URL: <https://ourworldindata.org/> (дата обращения: 02.01.2025).

Как видно из исторических трендов, в конце XX – начале XXI вв. экономические инструменты прочно утвердились в роли ключевых средств достижения национальных интересов. Действительно, в течение второй половины XX в. экономический инструментарий вышел на лидирующие позиции и стал

⁴⁴ Загашвили В.С. Мировая торговля через 100 лет // Российский совет по международным делам. 2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirovaya-torgovlya-cherez-100-let> (дата обращения: 03.03.2025).

для большинства стран основным средством реализации своих национальных интересов. С окончанием холодной войны и углублением процессов глобализации, государства все чаще прибегают к экономической дипломатии для решения внешнеполитических задач, рассматривая её как более гибкий и «мягкий» инструмент по сравнению с военной силой⁴⁵.

Следует подчеркнуть, что экономическая дипломатия эволюционировала и по своему содержанию. В XX в. она прошла путь от преимущественно торговой дипломатии (сфокусированной на тарифах, торговых соглашениях и рынках сбыта) к более широкому явлению – дипломатии глобализированной экономики, охватывающей вопросы инвестиций, финансов, развития, энергетической безопасности и др. Французский исследователь Г. Каррон де Ла Каррьер предложил различать «макроэкономическую дипломатию» на уровне стратегических межправительственных переговоров, и «микроэкономическую дипломатию» на уровне установления прямых контактов бизнеса за рубежом при поддержке государства⁴⁶. Это отражает усложнение структуры экономической дипломатии в современную эпоху, которая ныне включает множество форматов взаимодействия: от многосторонних экономических саммитов и организаций до двустороннего инвестиционного сотрудничества и адресной поддержки национальных компаний на внешних рынках.

Исторически экономическая дипломатия превращалась в неотъемлемый инструмент международных отношений. Ее значимость особенно возросла с нарастанием геоэкономической конкуренции в конце XX – начале XXI вв., когда успех страны на мировой арене всё в большей степени стал зависеть от способности использовать экономические ресурсы и связи для укрепления своего влияния и безопасности. Далее рассмотрим, как эта проблематика

⁴⁵ Нарышкин А.А. Экономическая дипломатия во внешнеполитической деятельности Российской Федерации в период современной трансформации международных отношений: дис. д-р. полит. наук: 23.00.04. М., 2023. 322 с.

⁴⁶ Каррон де ла Каррьер Г. Экономическая дипломатия. Дипломат и рынок. 1-е изд. М.: Издательство Символ-Плюс, 2003. 296 с.

отражена в научной литературе и какие теоретические подходы используются для анализа экономической дипломатии.

Являясь относительно новым направлением исследований в политологии и международных отношениях, экономическая дипломатия пока не имеет единообразно принятого научного определения. Анализ литературы показывает, что разные авторы трактуют данное понятие по-разному, исходя из своих научных школ и целей исследования. В отечественной и зарубежной литературе накоплен значительный массив работ, посвящённых смежным аспектам: внешнеэкономической политике, экономическим инструментам внешней политики, международным экономическим отношениям, однако собственно термин «экономическая дипломатия» часто интерпретируется неоднозначно.

Изучение экономической дипломатии в отечественной науке имеет более длительную историю, чем иногда предполагается. Первые системные исследования появились ещё в 1980-х годах. Так, И.А. Орнатский в монографии «Экономическая дипломатия» заложил основы понимания данного феномена как инструмента реализации внешнеполитических целей государства⁴⁷. В последующем И.Д. Иванов в работе «Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия» подчеркнул неразрывную связь между экономическими и политическими инструментами, акцентируя внимание на политической целесообразности использования экономических рычагов⁴⁸.

Отечественные и зарубежные исследователи, как правило, обходят строгую конкретизацию понятия дипломатии, и тем более экономической дипломатии. Тем не менее, ее возросшая практическая роль стимулировала учёных давать ей авторские определения и классификации. Например, М.В. Карабанова в своей работе «Проблема экономической дипломатии в современной политической науке: теоретический аспект», предпринимает попытки осмыслить феномен экономической дипломатии в условиях глобализации. В своем определении автор делает акцент на использовании экономической

⁴⁷ Орнатский И.А. Экономическая дипломатия // Междунар. отношения, 1980. С. 32

⁴⁸ Иванов И.Д. Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия. М.: РОССПЭН, 2001. 318 с.

дипломатии как современного инструмента внешней политики государства, приобретшего особую значимость в современных международных отношениях⁴⁹.

В то же время другой российский государственный деятель и исследователь И.Д. Иванов (бывший министр иностранных дел РФ), в том же периоде предложил понимание экономической дипломатии, включающее организационно-правовые механизмы реализации внешнеэкономической политики и ориентированное на достижение целей устойчивого развития и обеспечения экономической безопасности. И.Д. Иванов тем самым подчеркнул, что использование методов экономической дипломатии не является абсолютно новым явлением, правительства прибегали к экономическим мерам во внешней политике задолго до эпохи глобализации, хотя именно глобализация вывела эти вопросы на качественно новый уровень актуальности⁵⁰.

Среди отечественных исследователей последних десятилетий значительный вклад в теорию экономической дипломатии внесла Т.В. Зонова. Она рассматривала экономическую дипломатию преимущественно в историческом контексте и, как уже отмечалось, фактически отождествляла её с традиционной торговой дипломатией прошлых эпох. По мнению Зоновой, «экономическая дипломатия – это часть традиционной дипломатии, которая занимается экономическими проблемами», сформировавшая со временем собственный «универсум» институтов и форумов в мировой экономике⁵¹. Этот подход важен тем, что подчёркивает институциональное оформление экономической дипломатии в современную эпоху (торгово-экономические организации, многосторонние переговорные процессы и пр.), однако критикуется рядом авторов за узость – сведение сущности явления лишь к торговле. Действительно, современная экономическая дипломатия выходит за рамки простой торговли,

⁴⁹ Карабанова М.А. Проблема экономической дипломатии в современной политической науке: теоретический аспект // Проблемы Науки. 2016. № 4 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ekonomicheskoy-diplomatii-v-sovremennoy-politicheskoy-nauke-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 04.12.2024).

⁵⁰ Иванов И.Д. Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия. 1-е изд. М.: РОССПЭН, 2001. 318 с.

⁵¹ Зонова Т.В. Экономическая дипломатия // Внешнеэкономические связи. 2005. № 6. С. 54-62. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/855/85500adfadc85b07da0e2bb40b1afdf1.pdf> (дата обращения: 13.11.2024).

включая инвестиции, финансовое регулирование, санкционную политику, помощь развитию и другие формы.

Одним из наиболее обстоятельных исследований понятия стал труд А.Е. Лихачёва «Экономическая дипломатия России: новые вызовы и возможности в условиях глобализации». Лихачёв дает расширенное определение, учитывающее многообразие акторов и инструментов. В собственной дефиниции он исходит из трактовки дипломатии вообще, «...как средства осуществления внешней политики государства, представляющего собой совокупность невоенных практических мер, методов и официальной деятельности по реализации целей внешней политики и защите интересов государства за рубежом»⁵². Соответственно, под экономической дипломатией Лихачёв понимает «инструмент реализации внешнеэкономической политики государства и официальную деятельность по осуществлению целей и задач, направленных на экономические интересы государства, предприятий и предпринимателей, вовлечённых во внешнеэкономические отношения»⁵³.

Его авторское определение гласит: «экономическая дипломатия – это совместная деятельность государства (включая общественные и деловые круги) и бизнеса по реализации национальных экономических интересов в системе мирового хозяйства, использующая инструментарий традиционной и современной дипломатии, комплекс отечественных внешнеэкономических институтов, региональных и многосторонних структур и ставящая своей целью повышение международной конкурентоспособности страны»⁵⁴. Такое всеобъемлющее определение подчёркивает партнерство государства и частного сектора, многоуровневость (от национальных институтов до международных организаций) и конечную стратегическую цель – укрепление конкурентных позиций страны на мировом рынке.

⁵² Лихачев А. Е. Экономическая дипломатия России в условиях глобализации: дис. д-р. экон. наук: 08.00.14. М., 2006. 435 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/ekonomicheskaya-diplomatiya-rossii-v-usloviyakh-globalizatsii> (дата обращения: 11.11.2024).

⁵³ Там же. С. 47

⁵⁴ Там же. С. 48.

Следует отметить, что к изучению экономической дипломатии привлекается внимание не только политологов, но и практиков дипломатической службы. Например, российский дипломат А.Г. Савойский в своей статье охарактеризовал экономическую дипломатию как существенный фактор устойчивого развития национальной экономики, значение которого возрастает в условиях глобализации и взаимозависимости⁵⁵. Он перечислил конкретные задачи экономической дипломатии России: минимизация рисков интеграции страны в мировую экономику, обеспечение экономической безопасности, формирование справедливой международной торговой системы, продвижение интересов в международных экономических организациях, диверсификация внешнеэкономических связей и пр.⁵⁶ Фактически, А.Г. Савойский очерчивает прикладное поле экономической дипломатии, связывая её с национальной экономической стратегией.

Анализ отечественной литературы позволяет выделить два основных подхода к пониманию сущности и задач экономической дипломатии, визуализированных в таблице 1.1. Первый подход (И.А. Орнатский, И.Д. Иванов, Т.В. Зонова) рассматривает экономическую дипломатию прежде всего как инструмент внешней политики, где экономические средства подчинены политическим целям. Сторонники данного подхода подчёркивают, что экономические соглашения, торговые преференции и инвестиционные проекты используются для достижения геополитических интересов, укрепления союзнических отношений и сдерживания конкурентов. Ключевым критерием эффективности выступает политическая целесообразность.

Второй подход (А.Е. Лихачёв, Д.А. Дегтерёв, М.В. Карбанова) акцентирует внимание на использовании политико-дипломатических средств для достижения преимущественно экономических целей. В данной парадигме экономическая дипломатия рассматривается как механизм защиты национальных

⁵⁵ Савойский А.Г. Экономическая дипломатия как феномен международной жизни // Международная жизнь. 2013. № 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/807> (дата обращения: 13.12.2024).

⁵⁶ Там же.

экономических интересов за рубежом, продвижения экспорта, привлечения инвестиций и обеспечения доступа к ресурсам. Политические инструменты выступают в роли вспомогательного механизма.

Для целей настоящего исследования представляется целесообразным синтез указанных подходов. Японская модель экономической дипломатии демонстрирует одновременное преследование политических и экономических целей: с одной стороны, укрепление влияния в АТР, сдерживание соперников и формирование благоприятного политического окружения; с другой – обеспечение долгосрочного доступа к рынкам и ресурсам, поддержка национальных корпораций и продвижение технологического лидерства. Такой двойной фокус позволяет рассматривать экономическую дипломатию как инструмент, находящийся на пересечении внешней и внешнеэкономической политики.

Таблица 1.1 – Подходы к определению термина «экономическая дипломатия» в отечественной науке

№	Автор (год)	Подход	Ключевой акцент
1	И.А. Орнатский (1980)	политический	Экономические инструменты как средство внешней политики
2	И.Д. Иванов (2001)	политический	Политическая целесообразность, хозяйственные интересы государства
3	Т.В. Зонова (2005)	политический	Институциональное оформление, торговая дипломатия
4	А.Е. Лихачёв (2006)	экономический	Повышение международной конкурентоспособности страны
5	Д.А. Дегтерёв (2010)	экономический	Экономика, политика, право – триада экономической дипломатии
6	М.В. Карабанова (2016)	экономический	Современный инструмент в условиях глобализации

Источник: составлено автором на основе анализа источников.

Как видно из вышеизложенного и таблицы, точки зрения варьируются от торгово-дипломатической до комплексной межсекторной интерпретации. Кроме того, большое число исследований посвящено отдельным аспектам

экономической дипломатии, не всегда формулируя чёткое определение, но раскрывая содержания понятия через конкретные практики.

В целом, степень изученности проблемы экономической дипломатии можно охарактеризовать как высокую, хотя и фрагментированную. Повышенный интерес академического сообщества к экономическим инструментам внешней политики выразился в большом количестве работ, как отечественных, так и зарубежных. Рассматриваемый феномен исследовали, в частности, такие российские авторы, как И.А. Орнатский, М.В. Братерский, А.Н. Барковский, Д.А. Дегтярёв, А.Е. Лихачёв, А.Г. Савойский и др., а из зарубежных – А. Хиршман, Р. Кеохейн, Дж. Най, Х. Вагнер, Д. Болдуин, М. Кресцензи и другие⁵⁷. В их работах анализировались формы и инструменты экономической дипломатии, соотношение экономических и политических рычагов влияния, факторы эффективности экономико-дипломатических шагов государства и т.д. Однако большинство этих исследований фокусировалось на отдельных проявлениях (например, торговые соглашения, санкции, помощь развитию, инвестиции) либо на опыте конкретных стран и регионов. Комплексный теоретический анализ экономической дипломатии как целостного феномена – задача, которая активно разрабатывается в последнее десятилетие и, по сути, продолжает оставаться актуальной научной проблемой.

На основании вышеизложенного, можно заключить, что терминология и концептуальные рамки экономической дипломатии ещё находятся в стадии становления. На основе анализа существующих подходов, в рамках настоящего исследования под экономической дипломатией понимается

⁵⁷ Орнатский И.А. Экономическая дипломатия // *Междунар. отношения*, 1980. 272 с.; Невоенные рычаги внешней политики России: региональные и глобальные механизмы / под ред. М. В. Братерского. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 282 с.; Барковский А.Н. Научно-институциональные основы экономической дипломатии России. М.: Институт экономики РАН, 2011. 31 с.; Дегтярёв Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право / Д.А. Дегтярёв. М.: МГИМО-Университет; Навона, 2010. 176 с.; Савойский А.Г. Экономическая дипломатия современной России в отношении США на международной арене: моногр. 2-е изд. М.; Пятигорск: РИА-КМВ, 2011. 368 с.; Hirschman A. *National Power and the Structure of Foreign Trade*. Berkeley: University of California Press. 1980. 172 p.; Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown. 1977. 268 p.; Wagner H. *Economic interdependence, bargaining power, and political influence* // *International Organization*. 1988. № 42. P. 461-483; Baldwin D.A. *Interdependence and Power: A Conceptual Analysis* // *International Organization*. 1980. № 4. P. 471-506; Crescenzi M. *Economic Interdependence and Conflict in World Politics*. Oxford: Lexington Books, 2005. 173 p.

целенаправленная деятельность государства по реализации и продвижению национальных внешнеполитических интересов преимущественно экономическими средствами (торговые и инвестиционные соглашения, официальная помощь развитию, финансовая и технологическая поддержка, участие в международных экономических и интеграционных организациях, а также финансирование и организационное обеспечение образовательных, научно-технических и культурных программ), направленная на достижение дипломатических целей, таких как укрепление регионального и глобального влияния, обеспечение национальной и региональной безопасности, развитие долгосрочного сотрудничества и формирование благоприятного внешнеполитического окружения.

Особенностью данного подхода является то, что экономическая дипломатия трактуется как комплекс государственных мер, которые включают не только официальную деятельность государственных органов (МОФА, ЈСА, ЈВІС, МЕТІ), но и финансирование и координацию внешнеэкономической и гуманитарной активности частного сектора, университетов и научных учреждений, осуществляемую в рамках внешнеполитических приоритетов государства, что позволяет наиболее точно отразить специфику японской модели экономической дипломатии, применяемой в сотрудничестве со странами ЮВА и направленной на достижение стратегических внешнеполитических целей.

Необходимость дальнейшего теоретического осмысления обуславливает обращение к базовым теориям международных отношений: реализму, либерализму, конструктивизму, через призму которых в следующем разделе будет рассмотрена экономическая дипломатия. В анализе экономической дипломатии полезно опираться на основные парадигмы теории международных отношений, каждая из которых по-своему объясняет роль экономических инструментов во внешней политике государства. Ниже представлены ключевые положения подходов реализма, либерализма и конструктивизма применительно к феномену экономической дипломатии.

С точки зрения реалистической школы, государство является главным актором международных отношений, преследующим свои национальные интересы в условиях анархичной международной системы и стремящимся нарастить свою мощь относительно других⁵⁸. Экономические связи и дипломатия рассматриваются реалистами прежде всего сквозь призму баланса сил и геополитического соперничества. Экономическая дипломатия в реалистическом понимании – это один из инструментов государства для достижения своих стратегических целей, наряду с военными и политическими средствами. Еще классик политического реализма Э. Карр отмечал в межвоенный период, что «контроль над внешней торговлей может использоваться как оружие нации для давления на оппонентов»⁵⁹. В духе этой традиции А. Хиршман показал, как асимметричные торговые зависимости позволяют более сильной стороне получать политическое влияние над более слабой стороной, что легло в основу концепции экономического принуждения⁶⁰. Современные реалисты и близкие к ним теоретики геоэкономики (Э. Люттвак и др.) подчеркивают, что «в эпоху после холодной войны сила все чаще проявляется в экономических формах через санкции, торговые войны, контроль над ресурсами, технологическое доминирование и т.п.»⁶¹. Экономическая дипломатия, таким образом, воспринимается как продолжение политики силовыми методами «другими средствами», где вместо пушек и танков применяются финансовые и торговые рычаги давления. Например, широкое использование экономических санкций в XX–XXI вв. яркое подтверждение этой логики: санкции стали весьма распространенным явлением в международных отношениях в XX в., позволяя государствам наносить ущерб противнику без прямого военного столкновения. Реализм также исходит из приоритета национальной безопасности, поэтому

⁵⁸ Косоруков А.А. Особенности принятия внешнеполитических решений в современном государстве // Международные отношения. 2012. № 1. С. 6-24. URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=21300 (дата обращения: 03.01.2025).

⁵⁹ Нейман А.М. Э. Х. Карр: от «политического реализма» к «новому обществу» // История и историки: Историогр. ежегодник, 1978. М., 1981. С. 96-112.

⁶⁰ Hirschman A. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley: University of California Press. 1980. 172 p.

⁶¹ Luttwak E. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // The National Interest. 1990. № 20. С. 17-23.

реалисты видят экономическую дипломатию прежде всего как слугу безопасности: любые экономические соглашения, помощь или инвестиции оправданы, если они укрепляют мощь государства или ослабляют соперника. В реалистической парадигме экономическая дипломатия приобретает характер «игры с нулевой суммой», где победа одного является поражением другого, и государства склонны использовать её инструменты для максимизации собственных выгод и относительного превосходства.

Либеральная традиция, напротив, рассматривает мировую политику как ту область, где государства могут достигать взаимной выгоды через сотрудничество. С либеральной точки зрения, экономическая дипломатия – это прежде всего инструмент интеграции и построения взаимозависимости, который в долгосрочной перспективе ведет к укреплению мировой стабильности и процветания всех участников. Еще философы Просвещения (И. Кант, А. Смит) полагали, что свободная торговля и взаимовыгодный обмен снижают склонность к войне, создавая «торговый мир»^{62,63}.

В новейшее время эту мысль развивали сторонники теории «демократического мира» и концепции комплексной взаимозависимости. Так, Р. Кеохейн и Дж. Най в 1970-е г. выдвинули концепцию, согласно которой в условиях плотной экономической взаимозависимости между странами военная сила отходит на второй план, а асимметричная взаимозависимость превращается в источник влияния менее зависимого государства на более зависимое⁶⁴. Иными словами, экономика создает сеть связей, в которой принуждение уступает место переговорам и институтам. Поэтому экономическая дипломатия в либеральном понимании – это прежде всего искусство переговоров и заключения соглашений, устанавливающих общие правила игры (через международные

⁶² Кант И. К вечному миру // Сочинения: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

⁶³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; перевод с английского П. Н. Клюкин. Москва: Эксмо, 2023. 1056 с.

⁶⁴ Keohane R., Nye J. Transnational relations and world politics. Cambridge: Harvard University Press. 1972. 398 p.

организации, режимы и двусторонние договоры), а также предоставление взаимной выгоды.

Например, создание многосторонних институтов, таких как ГАТТ, ВТО, Всемирный банк, МВФ рассматривается либералами как успех экономической дипломатии, заложивший основы предсказуемых и выгодных для всех экономических отношений после 1945 г. Либерализм признает, что у государств сохраняются разногласия и конфликты интересов, однако предлагает дипломатию «win-win», когда с помощью компромиссов, пактов и международно-правовых норм достигается общий рост благосостояния. Экономическая дипломатия, ориентированная на развитие торговли, привлечение инвестиций, экономическую помощь, в этой парадигме трактуется как позитивная сила, способствующая миру через укрепление взаимозависимости. Важный акцент либерального подхода – многоакторность: помимо государств, активными участниками выступают международные организации, транснациональные корпорации, неправительственные акторы, чья роль также учитывается в экономико-дипломатических процессах⁶⁵. В итоге либеральная перспектива рисует экономическую дипломатию как механизм, при правильном использовании которого выигрывают все стороны, а мировое сообщество получает более стабильную и процветающую среду.

Конструктивистский подход переносит фокус с материальных факторов на идеи, ценности и идентичности, влияющие на поведение государств. С точки зрения конструктивизма, понимание государством своих «национальных интересов» не дано объективно, а конструируется под влиянием исторического опыта, политической культуры и дискурсов⁶⁶. Применительно к экономической дипломатии это означает, что то, как государство использует экономические инструменты и с какой целью, зависит от доминирующих в обществе представлений и норм. Конструктивисты подчеркивают, что

⁶⁵ Ikenberry G. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press, 2001. 293 p.

⁶⁶ Finnemore M. *National interests in international society*. NY: Cornell University Press, 1996. 176 p.

экономическая дипломатия является не просто набором «жестких» или «мягких» инструментов, а социально сконструированный феномен, смысл и эффективность которого определяются контекстом⁶⁷. Например, два государства могут вести схожую по объемам инвестиционную экспансию, но при этом интерпретация этих действий будет различной в зависимости от имиджа государства и доверия к его намерениям. Как пример, если страна А считается мировым «благжелателем», её экономическая активность за рубежом воспринимается как помощь развитию (элемент «мягкой силы»), тогда как аналогичные действия страны Б, которую видят ревизионистской державой, могут интерпретироваться как экспансия и угроза.

Конструктивизм обращает внимание на роль национальной идеи и идеологии: например, Соединенные Штаты во время холодной войны продвигали через экономическую дипломатию идеалы свободного рынка и либеральной демократии (план Маршалла, помощь союзникам), тогда как СССР действовал исходя из идеологических постулатов социалистической солидарности (СЭВ, помощь развивающимся странам в русле антиимпериализма)⁶⁸. В обоих случаях экономическая дипломатия служила не только материальным интересам, сколько проекции ценностной системы. Кроме того, конструктивисты указывают на важность нормативных рамок: международные нормы (например, Парижская декларация об эффективности помощи, Цели устойчивого развития ООН) задают стандарты, которые влияют на практики экономической политики государств, побуждая их учитывать такие ценности, как устойчивое развитие, права человека, экологические требования, при реализации своих экономических проектов за рубежом. Конструктивистский анализ экономической дипломатии подчеркивает, что она есть отражение «социально сконструированных» интересов и идентичностей, а эффективность экономико-

⁶⁷ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 452 p.

⁶⁸ Плащинский А. А. Экономическая дипломатия США. План Маршалла и доктрина Трумэна // Журнал международного права и международных отношений. 2003. № 4. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2003-4/2003-4-plashinski> (дата обращения: 14.02.2025).

дипломатических усилий зависит от восприятия и легитимности, которыми они пользуются на международной арене⁶⁹.

Важно отметить, что на практике ни один из этих подходов не действует в чистом виде, и реальная практика реализации экономических инструментов внешней политики государств зачастую сочетает элементы всех трёх. Например, политика Китая в Африке включает и реалистический компонент (обеспечение доступа к ресурсам, соперничество с другими державами), и либеральный (инвестиции в инфраструктуру, взаимовыгодная торговля), и конструктивистский (риторика «Юг-Юг», отсутствие навязывания политических условий, формирование образа КНР как лидера развивающегося мира)⁷⁰. Тем не менее, разделение по теоретическим школам помогает структурировать анализ. Так, классическая парадигма реализма видит в притоке частных инвестиций элемент внешней политики государства, например, греческие прямые инвестиции на Балканах можно рассматривать и с позиций реализма (как средство усиления влияния Афин), и с точки зрения неолиберализма (как фактор взаимовыгодной интеграции региона)⁷¹. Современные исследователи стремятся учитывать оба измерения, признавая наличие двойственной природы у экономической дипломатии: она способна одновременно служить и сотрудничеству, и соперничеству.

В целом, теоретический обзор показывает, что экономическая дипломатия многомерный феномен. Реализм напоминает о том, что за любыми экономическими инициативами государства стоит расчет сил и безопасность, либерализм демонстрирует созидательный потенциал экономики для мира и развития, конструктивизм же заставляет взглянуть на субъективные смыслы и контекст, формирующие поведение акторов. Остановимся на взаимосвязи экономических интересов и национальной безопасности в условиях

⁶⁹ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 452 p.

⁷⁰ Кукеева Ф.Т., Дюсебаев Д.К., Ордабаев А.К., Утегенова М.А. Теоретические аспекты китайской инициативы «Пояс и путь» // Вестник Карагандинского Университета. Серия «История. Философия». 2020. № 98 (2). С. 111-121.

⁷¹ Зеликсон Д. И. Экономическая дипломатия как инструмент внешней политики Греции на Балканах: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 150 с.

геополитической конкуренции – вопросе, где указанные теоретические подходы переплетаются особенно тесно.

Современная геополитическая обстановка характеризуется ожесточенной конкуренцией держав не только в военно-политической сфере, но и в экономическом поле. Экономические интересы государства, такие как доступ к ресурсам, рынкам, технологиям, инвестициям все больше рассматриваются через призму национальной безопасности. В стратегических доктринах многих стран экономическая безопасность прямо провозглашена важнейшей составляющей общей системы национальной безопасности. Например, Концепция внешней политики Российской Федерации отмечает, что внешняя политика служит инструментом поступательного развития страны и обеспечения её конкурентоспособности, а экономическая взаимозависимость государств один из ключевых факторов поддержания международной стабильности⁷². Это отражает осознание того, что экономическое благополучие и безопасность государства ныне неразделимы.

В условиях геоэкономического соперничества государства все активнее задействуют экономическую дипломатию для защиты и продвижения жизненно важных экономических интересов, от которых зависит их устойчивость. Одним из проявлений этой тенденции является стремление обезопасить критически важные внешние экономические связи. А.Е. Лихачёв относит к приоритетным задачам экономической дипломатии обеспечение внешнеэкономической безопасности, под которой понимается предотвращение угроз для сбалансированного развития национальной экономики вследствие сбоя во внешнеэкономических связях⁷³. По его словам, это включает гарантирование бесперебойных поставок жизненно важных товаров (продовольствия, медикаментов, энергоресурсов, редких материалов), поддержание стабильности

⁷² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229) // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1860586/ (дата обращения: 04.01.2025).

⁷³ Лихачев А.Е. Экономическая дипломатия России в условиях глобализации: дис. д-р. эконом. наук: 08.00.14. М., 2006. 435 с. URL: <https://www.disscat.com/content/ekonomicheskaya-diplomatiya-rossii-v-usloviyakh-globalizatsii> (дата обращения: 11.11.2024).

внутреннего рынка и нормальной конкурентной среды⁷⁴. Следовательно, экономическая дипломатия служит своего рода «первой линией обороны» экономических интересов государства за рубежом, нацеленной на минимизацию уязвимостей (например, чрезмерной зависимости от одного поставщика или рынка) и нейтрализацию внешнеэкономических рисков.

Геополитическая конкуренция придает этим усилиям острый характер. В различных регионах мира мы наблюдаем, как крупные державы соперничают за экономическое влияние, и этот процесс напрямую касается их национальной безопасности. Например, в Юго-Восточной Европе (на Балканах) в 1990-е – 2000-е гг. Греция активно использовала экономическую дипломатию (кредиты, инвестиции, помощь) для закрепления своего политического влияния и предотвращения усиления конкурентов (таких как Турция) в соседних странах. Исследования показывают, что расширение экономического присутствия (греческого капитала) в Албании и Северной Македонии тесно увязывалось Афинами с вопросами внутренней и внешней безопасности Греции. В условиях балканской нестабильности после распада Югославии, вложения греческих компаний и правительственные инвестиционные программы (например, «Греческий план экономической реконструкции Балкан») были призваны не только принести экономическую выгоду, но и создать пояс стабильности и дружественного влияния вокруг Греции, что имело прямое значение для национальной безопасности государства⁷⁵.

Аналогичные примеры можно привести и в других регионах: китайская инициатива ОПОП, помимо экономических расчетов, несет геостратегический мотив обеспечения безопасности торговых путей и проекции влияния; энергетическая дипломатия России в Европе имеет целью не только прибыль, но и укрепление стратегических позиций и недопущение изоляции; США, продвигая торговые соглашения (USMCA, ранее ТТП) и инвестиционные проекты за

⁷⁴ Там же. С. 132.

⁷⁵ Зеликсон Д. И. Экономическая дипломатия как инструмент внешней политики Греции на Балканах: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 150 с.

рубежом, также стремятся укрепить свою глобальную роль и сдержать геополитических оппонентов через экономические средства⁷⁶.

Важным направлением пересечения экономики и безопасности являются санкции и экспортный контроль. Санкции изначально вводятся как реакция на угрозы безопасности (военные конфликты, распространение оружия, нарушение суверенитета), но, по сути, они представляют собой инструмент экономической дипломатии – выражение внешней политики через ограничение экономических связей⁷⁷. Их эффективность и жесткость нередко определяются степенью экономической мощи вводящего санкции государства и зависимостью объекта санкций⁷⁸. В последние годы санкционные войны (например, взаимные санкции России и западных стран после 2014 г., торгово-технологическая конфронтация США и Китая) наглядно продемонстрировали, что экономическая дипломатия может принимать форму экономической войны, когда безопасность государства трактуется расширительно и включает защиту технологического превосходства, финансовой системы и др.⁷⁹ В то же время успех или провал таких мер зависит от наличия альтернативных партнеров у мишени санкций, координации действий союзников и т.д., что вновь возвращает к вопросу о дипломатическом искусстве и коалициях.

Следует упомянуть и о концепции «геоэкономики», которая возникла на стыке изучения безопасности и экономики. Возрастание роли геоэкономических подходов означает, что государства разворачивают свои экономические стратегии (торговые соглашения, инвестиционные альянсы, технологические

⁷⁶ Шилин С.С., Лихацкая Н.В., Вендина А.М. Стратегия энергетической дипломатии Российской Федерации // Молодежная наука как фактор и ресурс инновационного развития: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. С. 118-122.

⁷⁷ Салицкий А.И., Семенова Н.К. США-Китай: анатомия торгового конфликта // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2019. № 4. С. 60-72. URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/ssha-kitay-anatomiya-torgovogo-konflikta> (дата обращения: 01.02.2025).

⁷⁸ Russia's adaptability to US sanctions stymied their effectiveness, economists say // Associated Press URL: <https://apnews.com/article/sanctions-russia-ukraine-war-foreign-policy-bbc3f8df0211f2305b6ca7a2f602fd5a> (дата обращения: 01.02.2025).

⁷⁹ Все санкции США и Евросоюза в отношении России с 2014 года // Настоящее Время URL: <https://www.currenttime.tv/a/russia-american-european-sanctions/29449693.html> (дата обращения: 01.02.2025).

блоки) с прицелом на долгосрочное укрепление национальной мощи⁸⁰. В этом контексте экономическая дипломатия становится основным проводником геоэкономической политики. Например, формирование региональных торговых блоков (как Евросоюз, ВПТТП, ВРЭП) являются в большей степени не экономическими процессами, а политическими, отражая стратегическое переформатирование мировой карты влияния. Страны стремятся заключать эксклюзивные экономические партнерства с союзниками, чтобы обезопасить критические цепочки поставок (особенно очевидно это стало после кризиса пандемии COVID-19, когда возникла тема «экономической безопасности цепочек поставок»)⁸¹.

Рассматривая взаимосвязь экономики и безопасности, важно подчеркнуть: хотя экономическая дипломатия призвана, как правило, смягчать конфликты, создавая отношения взаимной выгоды, в условиях острой геополитической борьбы она сама может стать полем битвы⁸². Геополитическая конкуренция придает экономическим инструментам двойкий характер. С одной стороны, зависимость потенциального противника от твоей экономики может быть гарантией мира (идея либеральной взаимозависимости: партнер не нападет, если заинтересован в торговле). С другой стороны, такая зависимость – уязвимость, которую можно эксплуатировать (идея реалистов: уязвимый будет уступать под давлением)⁸³. В связи с этим, государства пытаются найти баланс между открытостью во имя процветания и защитой критических отраслей во имя безопасности. Эта дилемма ярко проявляется, например, в сфере технологий: страны поощряют международное научно-техническое сотрудничество и одновременно вводят ограничения на экспорт передовых технологий, опасаясь за военные последствия.

⁸⁰ Игнатъева И.Ф., Исаев Б.А. Геоэкономика как структурный элемент геополитики // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoekonomika-kak-strukturnyy-element-geopolitiki> (дата обращения: 10.08.2025).

⁸¹ Friendshoring в глобальных цепочках поставок // Центр экспертизы ВТО. URL: <https://wto.ru/our-blog/friendshoring-v-globalnykh-tsepochkakh-postavok/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁸² Золкин И.С. Внешнеэкономическая безопасность Российской Федерации в условиях ее членства во Всемирной Торговой Организации: авторефер. дис. канд. эконом. наук: 08.00.14. М., 2016. 28 с.

⁸³ Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown. 1977. 268 p.

Подводя итог, экономические интересы и национальная безопасность ныне переплетены неразрывно, и экономическая дипломатия выступает тем механизмом, который позволяет государству увязать их между собой. В идеале она стремится добиться синергии, когда продвижение экономических проектов одновременно укрепляет безопасность (через создание союзов, уменьшение конфликтности среды, повышение устойчивости экономики)⁸⁴. На практике же экономическая дипломатия – это искусство маневрирования: как извлечь максимальную выгоду из экономических связей, не поставив под угрозу суверенитет и безопасность. В условиях геополитической конкуренции XXI в. данное искусство выходит на первый план, а успех внешней политики всё более зависит от умения государства оперировать «языком экономики».

В арсенале современной экономической дипломатии особое место занимают инструменты «мягкой силы» и публичной дипломатии, дополняющие традиционные межправительственные контакты⁸⁵. Понятие «мягкая сила», введённое американским исследователем Дж. Наем, означает способность государства добиваться желаемых результатов на международной арене посредством привлекательности своей культуры, ценностей и политического курса, а не политикой принуждения⁸⁶.

Вместе с тем в научной литературе отмечается, что концепция «мягкой силы» не лишена критики, и её использование далеко не всегда свидетельствует о альтруистическом характере внешнеполитических стратегий. Критики указывают, что заявляемая привлекательность ценностей, культуры или политического курса государства может служить маскировкой национальных интересов, скрывая за риторикой универсальных идеалов прагматические или даже стратегически ориентированные цели, что проявляется, например, когда предоставление экономических льгот, образовательных программ или

⁸⁴ Doyle M. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // *Philosophy & Public Affairs*. – 1983. – №12. – С. 205-235.

⁸⁵ Даба Д. Влияние мягкой силы на современную дипломатию // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/387739872_Vlianie_magkoj_sily_na_sovremennuu_diplomatiu (дата обращения: 04.03.2025).

⁸⁶ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs. 2004. 192 p.

культурных инициатив на самом деле подкрепляется стремлением укрепить влияние государства в целевом регионе, получить доступ к ключевым ресурсам, выгодным рынкам или стратегическим альянсам. В таких случаях «мягкая сила» функционирует не как нейтральный механизм создания благоприятного имиджа, а как инструмент косвенного воздействия, направленный на формирование зависимости и расположения партнёров, что делает её эффективным, но не всегда прозрачным элементом внешнеполитического арсенала. Публичная дипломатия, в свою очередь, подразумевает коммуникацию правительства напрямую с иностранной аудиторией (общественным мнением других стран) через СМИ, образовательные и культурные программы, связи между обществами⁸⁷. Оба этих инструмента тесно связаны с экономической дипломатией и зачастую используются в комплексе для укрепления международного влияния.

Экономическая дипломатия нередко служит проводником «мягкой силы». Когда государство предоставляет партнёрам экономические блага, например, инвестиции, помощь в развитии, выгодные условия торговли, технологическое сотрудничество, оно не только преследует прямой материальный интерес, но и формирует у другого государства позитивное отношение, чувство благодарности или взаимозависимости. Например, масштабные инвестиционные проекты или инфраструктурные кредиты могут повысить имидж влияющей державы в стране-партнёре, создать основанное на благожелательности влияние, которое невозможно добиться одной только военной мощью. «Мягкая» форма экономической дипломатии, как отмечает Д.И. Зеликсон, включает такие шаги, как «выдача льготных кредитов, предоставление грантов и осуществление прямых инвестиций, которые расширяют присутствие капитала государства в иностранной экономике и ведут к расширению его политического влияния»⁸⁸. В отличие от «жестких» методов (санкций), эти

⁸⁷ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. № 3 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-ponyatie-i-podhody> (дата обращения: 04.03.2025).

⁸⁸ Зеликсон Д. И. Экономическая дипломатия как инструмент внешней политики Греции на Балканах: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 150 с.

«мягкие» экономические меры не вызывают прямого сопротивления, а напротив, часто приветствуются страной-реципиентом, создавая более прочную основу для долгосрочного влияния.

Наглядным примером служит политика Европейского союза на Западных Балканах: ЕС преимущественно использовал инструменты «мягкой силы» для стабилизации региона, включая экономическую и финансовую помощь, программы содействия развитию, облегчение визового режима и пр.⁸⁹. Эти меры, будучи элементами экономической дипломатии ЕС, сопровождались активным разъяснением выгод европейской интеграции, культурным обменом, поддержкой гражданского общества⁹⁰. В итоге влияние ЕС в балканских странах укрепились во многом благодаря привлекательности модели европейского развития, подкреплённой ощутимыми экономическими бонусами. Аналогично, Япония и Китай в конкуренции за влияние в ЮВА широко применяют «мягкую силу»: японская ОПР и китайская программа «Морской Шёлковый путь» сопряжены не только с экономическими выгодами для получателей, но и с продвижением позитивного образа Японии и Китая соответственно⁹¹.

Публичная дипломатия тесно переплетается с экономической, когда речь идёт о продвижении национального бренда и инвестиционной привлекательности⁹². Успех экономической дипломатии во многом зависит от того, как страна воспринимается за рубежом: доверяют ли её политике, хотят ли с ней иметь дело, поэтому государства ведут активную работу по формированию благоприятного имиджа⁹³. Примеры включают создание сетей культурных центров (например, Британский Совет, Гёте-институт, институты Конфуция),

⁸⁹ Там же. С. 67.

⁹⁰ Там же. С. 117.

⁹¹ Петроченко М.В. Политика мягкой силы Японии: оценка эффективности // Российский совет по международным делам. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/polit-ekspert/politika-myagkoy-silyu-yaponii-otsenka-effektivnosti> (дата обращения: 04.03.2025).

⁹² Баротов И. И. Место и роль дипломатии в формировании международного имиджа государства // Вестник ТГУПБП. 2019. № 2 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-diplomatii-v-formirovanii-mezhdunarodnogo-imidzha-gosudarstva> (дата обращения: 04.03.2025).

⁹³ Лябухов И. В. Формирование позитивного имиджа Российской Федерации на международной арене: возможности и потенциал МИД России // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pozitivnogo-imidzha-rossiyskoy-federatsii-na-mezhdunarodnoy-arene-vozmozhnosti-i-potentsial-mid-rossii> (дата обращения: 04.03.2025).

которые не только распространяют язык и культуру, но и опосредованно поддерживают экономические связи, облегчая ведение бизнеса через взаимопонимание культур. Деловой имидж и «экономический бренд» страны тоже продвигается инструментами публичной дипломатии: Экономический форум в Давосе, национальные павильоны на Всемирных выставках (ЭКСПО), презентации экономического потенциала – всё это элементы публичной экономической дипломатии, нацеленные на широкую публику, инвесторов, экспертов⁹⁴.

Особенно велика роль публичной дипломатии в периоды кризисов: когда страна сталкивается с санкциями или торговыми ограничениями, она стремится заручиться поддержкой мирового общественного мнения, позиционируя себя как надёжный партнёр или жертва несправедливости. Так, в ответ на санкции 2014 г. Россия активизировала международные коммуникации, объясняя свою позицию относительно Украины, аргументируя контрсанкции необходимостью защиты внутреннего рынка и т.д., то есть пыталась смягчить репутационный ущерб для своих экономических интересов через публично-дипломатические каналы⁹⁵.

Соединение «мягкой силы» с экономическими рычагами проявляется и в концепции «умной силы» – баланса между военной силой и «мягкой силой», предложенной Дж. Найем⁹⁶. Экономическая дипломатия в этой концепции играет центральную роль, так как она сама по себе является «умным» инструментом: опирается на привлекательность сотрудничества при наличии в запасе жёстких аргументов, таких как санкции или угрозы выхода из сотрудничества⁹⁷. Государство, умеющее эффективно комбинировать экономические стимулы и убеждение с одной стороны и экономическое давление с другой, добивается максимального влияния. Например, Китай часто сочетает инвестиции с

⁹⁴ Гринберг Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2008. № 2. С. 1-12.

⁹⁵ Улитина М.О. Формирование международного имиджа России в условиях информационной глобализации: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М. 2015. 199 с.

⁹⁶ Nye J. *Soft Power and European-American Affairs*. London: Routledge, 2006. 12 p.

⁹⁷ Козлов К. В. Подход «умной силы» во внешней политике США и её трансформация в XXI веке // Политика и общество. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhod-umnoy-sily-smart-power-vo-vneshney-politike-ssha-i-eyo-transformatsiya-v-xxi-veke> (дата обращения: 12.08.2025).

намёками на ограничение доступа к определенным секторам своего рынка, добиваясь лояльности партнёров.

Нельзя не упомянуть также и о роли негосударственных акторов в «мягкой силе» и публичной дипломатии, связанных с экономикой. Крупные корпорации, бренды, университеты, НКО – все они могут влиять на образ страны и тем самым на успех её внешнеэкономической политики. Американские технологические гиганты (Apple, Google, Microsoft) в определенной степени являются носителями «мягкой силы» США, создавая привлекательность американской инновационной модели⁹⁸. Аналогично, успешные международные мегапроекты, например, развитая космическая программа (Space X Илона Маска) или высокоскоростные железные дороги (японский синкансэн) положительно влияют на образ всей страны, облегчая ей заключение новых экономических соглашений.

В современных условиях растёт значение и цифровой публичной дипломатии – присутствие государства в глобальном информационном пространстве (социальные сети, онлайн-СМИ). Это тоже используется для поддержки внешнеэкономических целей. Многие министерства иностранных дел сегодня имеют специальные подразделения, продвигающие экономические инициативы через соцсети, адресуя информацию сразу зарубежному бизнес-сообществу и широким кругам.

Таким образом, в современных международных отношениях «мягкая сила» и публичная дипломатия все в большей степени выступают не внешним дополнением, а функциональным продолжением экономической дипломатии, усиливая ее политический эффект и расширяя пределы внешнего влияния государства. Их роль стала системной. В то время как экономическая дипломатия создает для партнеров материально ощутимые стимулы, включая доступ к инвестициям, технологиям, рынкам и инфраструктурным решениям, то «мягкая

⁹⁸ Толстухина А. Ю. Технологическая политика США в условиях соперничества с Китаем // Российский совет по международным делам URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tekhnologicheskaya-politika-ssha-v-usloviyakh-sopernichestva-s-kitaem/> (дата обращения: 04.03.2025).

сила» формирует нормативную привлекательность соответствующего государства, а публичная дипломатия обеспечивает распространение и закрепление благоприятного восприятия его курса среди политических, экспертных и общественных кругов. Именно в такой связке достигается более устойчивый результат. В конечном счете выигрывает тот актер, который способен не только продвигать выгодные условия сотрудничества, но и поддерживать высокий уровень доверия к собственному международному образу, поскольку в условиях информационно насыщенной среды восприятие, символический капитал и репутационная устойчивость нередко оказываются не менее значимыми, чем собственно материальные ресурсы.

1.2. Методологические принципы и исследовательские подходы к анализу внешнеполитического поведения Японии в АТР

Исследование экономической дипломатии Японии требует комплексного методологического инструментария, поскольку только сочетание нескольких подходов позволяет раскрыть её структуру, механизмы функционирования и логику изменений в меняющейся международной среде⁹⁹. Одного аналитического ракурса здесь явно недостаточно. Такая постановка вопроса обусловлена тем, что японская модель внешнеэкономического действия формируется под воздействием сразу нескольких групп факторов: институциональной координации, региональных режимов, исторической преемственности внешнеполитических решений и меняющегося баланса сил в АТР. В связи с этим в качестве ключевых методологических оснований целесообразно использовать системный, институциональный и историко-генетический методы, которые позволяют проследить не только внутренние механизмы реализации экономической дипломатии Японии, но и её внешние контуры, а также генезис её развития от

⁹⁹ Лихачев А. Е. Экономическая дипломатия России в условиях глобализации: дис. д-р. экон. наук: 08.00.14. М., 2006. 435 с.

послевоенного периода до этапа FOIP и обновлённых программ сотрудничества с АСЕАН.

Системный анализ позволяет точнее показать, каким образом различные компоненты японской стратегии работают в режиме взаимного усиления. Это принципиальный момент. Продвижение японских компаний за рубежом обеспечивается не только участием в соглашениях вроде ВПТТП или ВРЭП, но и механизмами государственного субсидирования, кредитной поддержки, страхования рисков и дипломатического сопровождения крупных сделок¹⁰⁰. В рамках такого подхода экономическая дипломатия рассматривается не изолированно, а в связке с иными направлениями внешней политики, включая экологическую, технологическую, культурную и в отдельных случаях военно-политическую составляющую. Именно поэтому она выступает одним из центральных инструментов поддержания японского присутствия в АТР, где в последние годы конкуренция с Китаем и США за доступ к рынкам, инфраструктуре и нормотворчеству заметно обострилась.

Институциональный подход, в свою очередь, позволяет сосредоточиться на анализе тех институтов, через которые формируется и реализуется японская внешнеэкономическая линия. В японском случае речь идет не только о центральных государственных органах, но и о специализированных финансовых структурах, агентствах содействия развитию, отраслевых министерствах и корпоративных акторах, чьи интересы встроены в общую стратегию страны¹⁰¹. Институциональный подход помогает выявить механизмы их взаимодействия и определить, каким образом именно через эту систему обеспечивается достижение внешнеполитических задач Токио на международной арене.

Он особенно продуктивен при анализе участия Японии в международных и региональных институтах. Форматы АСЕАН, АТЭС, АСЕАН+3, ВПТТП и ВРЭП используются Токио не просто как площадки сотрудничества, а как

¹⁰⁰ Вода К.Р. Политика Японии в Тихоокеанской Азии в начале XXI века: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2016. 202 с.

¹⁰¹ Кожин Е. Г. Влияние сотрудничества и соперничества в АТР на модели институционального регионализма (международно-политические аспекты): дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2020. 215 с.

каналы закрепления правил, процедур и стандартов, выгодных японской экономике и японскому бизнесу. Например, участие в ВПТТП расширяет для японских компаний доступ к рынкам стран участниц на более благоприятных условиях, а работа с АСЕАН позволяет Японии поддерживать институционально закреплённую модель взаимодействия, в которой экономическая взаимозависимость конвертируется в политическое доверие и долговременное партнёрство. Здесь уместно говорить не только об институциональной среде, но и о режиме воспроизводства политико-экономического влияния.

Институциональный подход также важен для оценки японской политики в условиях нарастающей международной конкуренции. Здесь проявляется прикладное значение метода. Соперничество с Китаем за позиции в регионе ЮВА требует от Японии не просто заключения новых соглашений, а последовательного выстраивания устойчивых двусторонних и многосторонних контуров взаимодействия с Вьетнамом, Индонезией, Филиппинами, Малайзией и другими странами региона¹⁰². Именно через подобные институты Токио формирует долгосрочные альянсы, снижает риски для собственного бизнеса и одновременно стремится ограничить расширение альтернативных центров влияния.

Историко-генетический метод позволяет проследить становление японской экономической дипломатии в её развитии и выделить основные этапы её трансформации под воздействием внутренних и внешних факторов. Без этого перспектива будет неполной. Современная стратегия Японии в ЮВА не возникла одномоментно: она складывалась по мере перехода от послевоенного восстановления и репарационных механизмов 1950-х и 1960-х годов к активной внешнеэкономической политике 1970-х, затем к расширению инвестиционного и технологического присутствия в 1990-е и 2000-е годы и, наконец, к

¹⁰² Чугров С.В. Корни и тренды японских теорий международных отношений // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2020. Т. 64, № 5. С. 71-81.

более сложной модели последних десятилетий, где экономические инструменты все чаще сопрягаются с задачами стратегического балансирования¹⁰³.

Использование историко-генетического подхода помогает объяснить, почему изменения международной среды напрямую влияли на содержание японской линии. Рост китайского присутствия в ЮВА, углубление конкуренции вокруг инфраструктуры и перестройка глобальной торговой системы стали для Токио стимулом к запуску новых форматов, включая ПКИ¹⁰⁴. Одновременно историко-генетический анализ показывает, как Япония адаптирует свои инструменты к новым вызовам, смещая акцент на «зелёные технологии», энергетический переход, цифровую инфраструктуру и устойчивые модели развития, которые позволяют ей сохранять конкурентоспособность в изменяющейся системе международных отношений.

Таким образом, системный, институциональный и историко-генетический методы образуют взаимодополняющий аналитический каркас для исследования японской экономической дипломатии. Их сочетание принципиально важно. Системный подход позволяет увидеть её как элемент внешнеполитической стратегии государства, институциональный выявляет конфигурацию акторов и механизмов координации, а историко-генетический прослеживает эволюцию стратегий и их адаптацию к сдвигам международной среды¹⁰⁵. Комплексное использование этих методов обеспечивает более глубокое понимание того, каким образом Япония через экономические инструменты укрепляет свои позиции в ЮВА и шире в АТР.

Анализ японской экономической дипломатии при этом требует и более широкой теоретической рамки, которая учитывала бы стратегические интересы страны в глобальной и региональной системе международных отношений. Следующий шаг методологически закономерен. С этой точки зрения

¹⁰³ Дегтерев Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. – М.: МГИМО (У), 2010. – 176 с.

¹⁰⁴ Стрельцов Д. В. Российский вектор японской внешнеполитической стратегии в АТР // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 28-42.

¹⁰⁵ Батакова А. А. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии: дис. канд. истор. наук: 07.00.15. – М., 2017. – 162 с.

целесообразно рассматривать внешнеэкономическую политику Японии через призму реализма, либерализма и неореализма, поскольку каждая из этих теоретических перспектив по-своему объясняет мотивы, пределы и механизмы использования экономических рычагов во внешней политике и тем самым позволяет точнее определить место японской модели в современной международной практике¹⁰⁶.

Реализм, как одна из фундаментальных теорий международных отношений, утверждает, что главными акторами международной системы являются государства, которые стремятся к увеличению своей мощи и защите национальных интересов в условиях анархии международной среды. Согласно этой теории, экономическая дипломатия Японии может рассматриваться как средство укрепления национальной безопасности и влияния, где экономические инструменты служат стратегическим дополнением к политическим и военным.

С позиций реализма ключевой целью японской экономической дипломатии является обеспечение устойчивого доступа к стратегически важным ресурсам, таким как нефть, природный газ и редкоземельные металлы. Учитывая крайне ограниченные внутренние ресурсы, Япония вынуждена полагаться на внешние поставки, что делает энергетическую безопасность одной из основ её внешнеэкономической политики¹⁰⁷. Например, более 90% нефти и 98% природного газа Япония импортирует из-за рубежа, при этом основными поставщиками являются страны Ближнего Востока и пережитый недавний энергетический шок, связанный с блокировкой Ормузского пролива, лишь в очередной раз обозначил стратегическую важность этой проблемы. Продолжающаяся нестабильность этого региона побуждает Японию диверсифицировать источники поставок, что объясняет её активное экономическое сотрудничество с Австралией, Индонезией и другими странами ЮВА, а также в последнее время

¹⁰⁶ Чугров С.В. Корни и тренды японских теорий международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО)*. – 2020. – Т. 64, № 5. – С. 71-81. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/05_2020/08-CHUGROV.pdf (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁰⁷ Добринская О.А. Теоретические подходы к международным отношениям в Японии // *Японские исследования*. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-mezhdunarodnym-otnosheniyam-v-yaponii> (дата обращения: 18.03.2026).

задуматься о расширении стратегических нефтяных хранилищ. Реализм также объясняет партнёрства Японии с ключевыми странами АТР, направленное на сдерживание растущего влияния Китая. С этой точки зрения, экономическая дипломатия Японии служит средством укрепления её позиций в регионе через создание экономической взаимозависимости. Программа ПККИ, запущенная в 2015 г., является ярким примером такой стратегии. В рамках этой программы Япония предлагает странам ЮВА альтернативные инфраструктурные проекты с более высокими стандартами по сравнению с китайской инициативой ОПОП, предоставляя льготные кредиты через Японский банк международного сотрудничества.

Либеральная теория, в отличие от реализма, делает акцент на значении международного сотрудничества, экономической взаимозависимости и многосторонних институтов для поддержания стабильности и развития¹⁰⁸. С точки зрения либерализма, экономическая дипломатия Японии направлена не только на достижение национальных целей, но и на создание устойчивой международной системы, основанной на взаимных выгодах и сотрудничестве. Либеральная логика в японской внешнеэкономической политике проявляется прежде всего в том, что Токио сознательно «привязывает» продвижение своих интересов к многосторонним режимам и договорным рамкам, где правила фиксируются заранее и становятся предсказуемыми для участников¹⁰⁹. Институты здесь работают как страховка для бизнеса. В рамках этого Япония последовательно делает ставку на такие площадки и соглашения, как АТЭС, ВРЭП и ВПТТП, используя их не только для расширения торговли, но и для снижения барьеров, унификации процедур и закрепления прозрачных условий доступа на внешние рынки. В этом же ключе обычно интерпретируется эффект ВРЭП, поскольку вступление в соглашение открыло японским корпорациям более

¹⁰⁸ Дробот Г.А. Либерализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizm-v-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy-istoriya-zarubezhnaya-i-otechestvennaya-shkoly> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁰⁹ Арин О.А. Япония и теории международных отношений // Ежегодник Япония. – 2014. – № 43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponiya-i-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 07.03.2025).

льготные условия торговли с Китаем, Республикой Корея и странами АСЕАН, а практическим результатом стало увеличение экспорта на 12% в первые два года действия режима. Параллельно ОПР выполняет роль технологического и стандартного канала, через который Япония распространяет свои решения и управленческие практики, снижая издержки кооперации для партнеров и укрепляя взаимные связи на длительном горизонте. Показательны инфраструктурные кейсы. Проекты метро в Ханое и Джакарте, профинансированные за счет японских кредитов, в этой перспективе читаются не как отдельные проекты, а как материально закрепленные маркеры долгосрочного партнерства, где экономическая выгода и политическая доверительность усиливают друг друга.

Либеральный подход также хорошо объясняет, почему частный сектор становится не исполнителем, а полноценным участником японской экономической дипломатии. Роль корпораций здесь структурная. Toyota, Hitachi, Sumitomo и другие крупные компании действуют за рубежом при опоре на государственные инструменты поддержки и на дипломатическое сопровождение, а связка MOFA и METI создает для них институциональные условия, в которых коммерческая экспансия одновременно работает на более широкие задачи внешней политики. В результате внешнеэкономическая активность масштабируется, а региональная интеграция подпитывается не только рынком, но и устойчивыми каналами координации между государством и бизнесом.

Неореализм, напротив, смещает внимание с выгоды сотрудничества на структуру международной системы, где нет единого центра принуждения, а потому государства постоянно соотносят экономические решения с балансом сил. В АТР этот контекст особенно жесткий. С этой точки зрения экономическая дипломатия Японии выступает инструментом адаптации к растущему влиянию Китая и к обострению конкуренции за лидерство, а участие в ВПТТП и ВРЭП выглядит не просто как выбор удобных торговых рамок, но и как способ не оказаться в положении периферийного участника региональной

экономики на фоне усиления китайской экспансии¹¹⁰. Отсюда же вытекает стремление Токио укреплять двусторонние опорные связи с Вьетнамом, Индонезией и Филиппинами, поскольку закрепление на стратегически важных рынках и в ключевых узлах логистики повышает устойчивость японского присутствия даже при изменении политической конъюнктуры. В неореалистической рамке технологическое лидерство становится прямым ресурсом национальной мощи, поэтому продвижение японских решений в сфере возобновляемой энергетики, высокоскоростных железных дорог и цифровой экономики трактуется как способ удерживать конкурентоспособность и создавать долговременные зависимости партнеров от японских стандартов и компетенций.

В итоге обращение к реализму, либерализму и неореализму дает объемную картину, где одни и те же инструменты приобретают разный смысл в зависимости от уровня анализа. Реализм позволяет увидеть связь экономики с задачами безопасности и влияния, либерализм объясняет, почему режимы и институты снижают неопределенность и расширяют сотрудничество, а неореализм показывает, как те же институты и альянсы становятся реакцией на структурные сдвиги и борьбу за региональный баланс. Именно такая комбинированная оптика помогает точнее описывать стратегию Японии в АТР и ее стремление удерживать лидерские позиции в условиях нестабильности и конкуренции.

1.3. Национальные интересы Японии как основа политико-экономического взаимодействия с ЮВА

Эволюция японской экономической дипломатии в отношении стран ЮВА во многом определяется задачей энергетической и ресурсной безопасности, поскольку внешняя зависимость в этой сфере напрямую

¹¹⁰ Чугров С.В. Корни и тренды японских теорий международных отношений // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2020. Т. 64, № 5. С. 71-81. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/05_2020/08-CHUGROV.pdf (дата обращения: 07.03.2025).

трансформируется в геоэкономическую уязвимость и ограничивает стратегическую автономию. В 2022 финансовом году показатель энергетической самообеспеченности Японии составлял 12,6%, что фиксирует структурный характер зависимости от импорта и объясняет, почему экономические инструменты встраиваются в контур национальных интересов как механизм управления внешними рисками. Риск здесь геоэкономический, а не только рыночный.

Исторически ещё в послевоенные десятилетия Токио опирался на внешнеэкономические рычаги для обеспечения доступа к сырью, необходимому для восстановления промышленности и последующего роста, а в последние десятилетия эта логика стала жёстче из-за нарастания напряжённости в АТР и усложнения среды морских коммуникаций. Как уже упоминалось, около 95% нефти Япония получает с Ближнего Востока, при этом значительная часть потоков проходит через узловые участки морской логистики, что делает безопасность морских маршрутов в Восточной и ЮВА практическим условием устойчивости энергоснабжения и ценовой стабильности¹¹¹. В этих условиях экономическая дипломатия Японии в ЮВА всё более отчётливо нацелена на диверсификацию источников энергии, повышение устойчивости цепочек поставок и расширение сотрудничества с государствами региона, включая использование механизмов ОПР, инфраструктурных пакетов и институциональных форматов, которые одновременно усиливают связность и снижают зависимость от внешних шоков¹¹²(рисунок 1.2).

Одним из ключевых направлений остается энергетическое сотрудничество с государствами ЮВА, располагающими значимыми запасами углеводородов и развитой экспортной инфраструктурой. Особое место занимает Индонезия, где японские государственные структуры и корпорации участвуют в проектах СПГ как в наиболее управляемом по рискам формате долгосрочных

¹¹¹ International Energy Agency // Japan 2021: Energy Policy Review. Paris: IEA. 2021. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2021/03/japan-2021-energy-policy-review_e1e90eab/72bb987a-en.pdf (accessed: 14.03.2026).

¹¹² Diplomatic Bluebook 2024 // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2024/pdf/pdfs/2024_all.pdf (accessed: 12.04.2025).

поставок. Показателен проект расширения Tangguh LNG: внедренная дополнительная технологическая линия позволила нарастить поставки на 3,8 млн т в год к существующим 7,6 млн т¹¹³. Часть произведенного газа ориентирована на азиатский спрос, включая японский рынок, поэтому такие кейсы имеют для Токио двойное значение: они поддерживают диверсификацию внешних поставок и одновременно закрепляют долгосрочные экономические связи с ключевыми партнерами ЮВА.

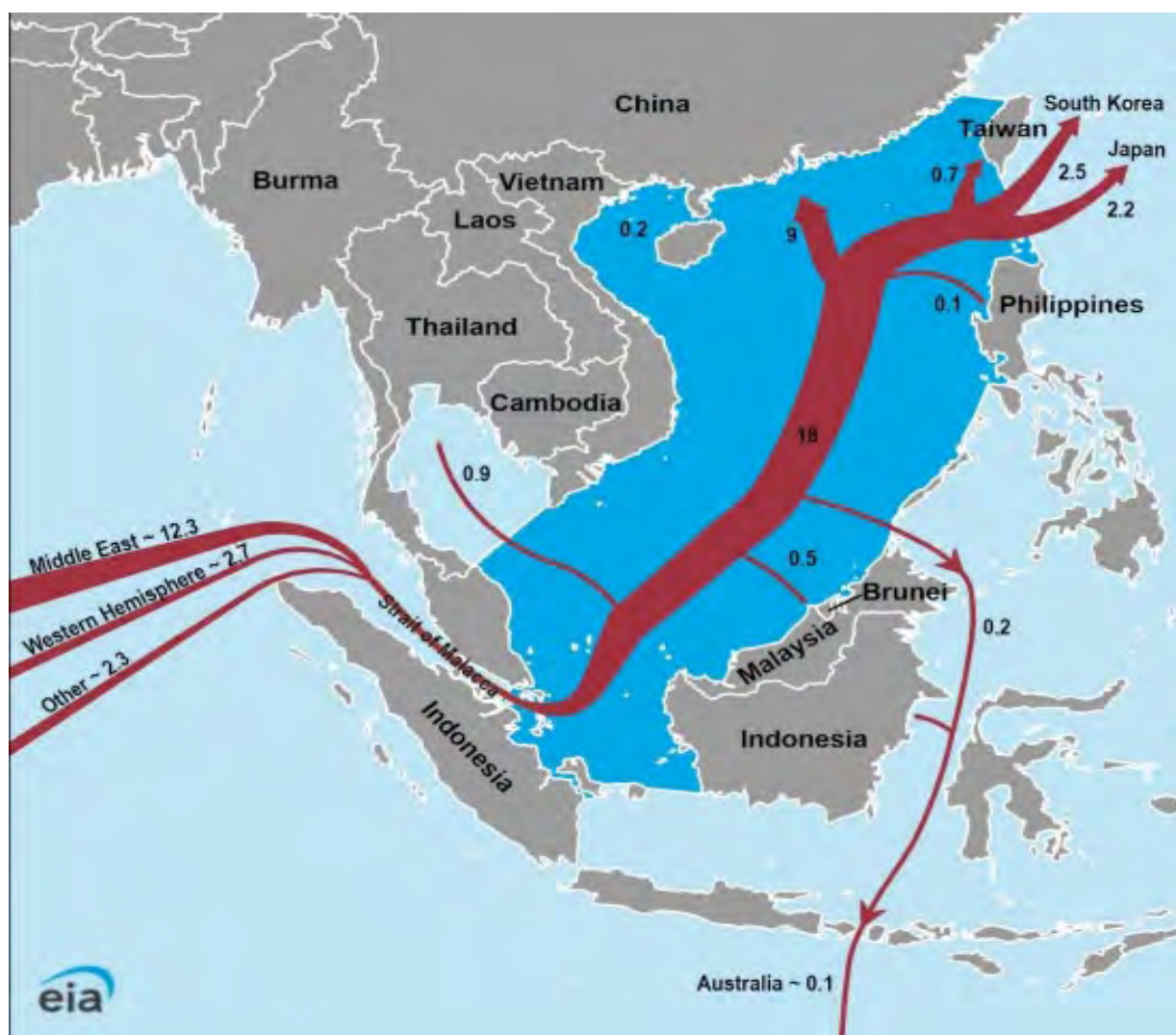

Рисунок 1.2 – Карта морских нефтяных потоков через ЮКМ

Источник: U.S. Energy Information Administration. *Regional Analysis Brief: South China Sea*. Режим доступа: https://www.eia.gov/international/content/analysis/regions_of_interest/South_China_Sea/south_china_sea.pdf (accessed: 21.03.2026).

¹¹³ Japan Organization for Metals and Energy Security. Indonesia's Tangguh Expansion Project Commences LNG Shipment // JOGMEC. URL: https://www.jogmec.go.jp/english/news/release/release_00247.html (accessed: 14.03.2026).

В 2020-е годы заметно усилился сдвиг к низкоуглеродной энергетике, и он перестал быть только экологической повесткой. Он встроен в контур национальной энергобезопасности. Япония расширяет портфель проектов в солнечной и ветровой генерации и параллельно продвигает будущие цепочки поставок чистого водорода и аммиака, рассматривая их как способ снизить чувствительность к вероятным новым ценовым шокам на углеводороды. В базовой водородной стратегии, обновленной METI в июне 2023 г., целевой ориентир по внутреннему использованию водорода к 2030 г. зафиксирован на уровне около 3 млн т в год, а на 2040 г. обозначена планка порядка 12 млн т с учетом аммиака как носителя^{114,115}. Партнерство с Австралией в этой логике выступает одним из наиболее перспективных внешних треков: пилотная стадия Hydrogen Energy Supply Chain была завершена в феврале 2022 г. доставкой партии сжиженного водорода в порт Кобе, что придало проекту демонстрационный, но политически значимый характер.

В результате энергетическое сотрудничество Японии с ЮВА все заметнее выходит за рамки обычной внешнеэкономической активности и становится частью стратегии национальной устойчивости. Через такие механизмы как инвестиции, технологическое участие и финансовую поддержку инфраструктуры Токио стремится одновременно удерживать доступ к традиционным ресурсам и готовить основу для энергоперехода, не разрушая при этом сложившиеся хозяйственные связи¹¹⁶. Так снижается зависимость от ограниченного круга поставщиков и уязвимых маршрутов, прежде всего морских, что повышает управляемость внешних рисков в условиях региональной напряженности.

Наиболее чувствительным измерением в 2020-е годы стало обеспечение доступа к критическим минералам, без которых невозможно высокотехнологичное производство. Для литий-ионных аккумуляторов, используемых в

¹¹⁴ Asia Zero Emission Community Joint Statement // METI. 2023. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2022/03/20230306005/20230306005-24.pdf>.

¹¹⁵ Overview of Basic Hydrogen Strategy // METI. 2023. URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/enecho/shoene_shinene/suiso_seisaku/pdf/20230606_4.pdf.

¹¹⁶ Progress Report on Japan's Cooperation for the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // MOFA. 2021. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100253488.pdf> (accessed: 14.03.2026).

электромобилях и электронике, ключевыми остаются литий, никель, кобальт и редкоземельные элементы. Рынки переработки здесь крайне концентрированы: по оценке МЭА, на стадиях разделения и рафинирования магнитных редкоземельных элементов на Китай приходится около 91% мирового выпуска, а по ряду материалов вроде лития и кобальта доля переработки превышает 60%¹¹⁷. Такая концентрация усиливает риски и для Японии, чья автомобильная и электронная промышленность зависит от стабильного поступления этих компонентов и от предсказуемости ценовых траекторий. На этом фоне ЮВА приобретает первостепенное значение как сырьевая и потенциально перерабатывающая база: Индонезия в 2024 г. произвела 2,28 млн т никеля, что составило более половины мирового объема, тогда как Филиппины обеспечили около 9% глобальной добычи. Мьянма в последние годы стала главным внешним источником тяжелых редкоземельных элементов для Китая, формируя свыше 60% стоимости его импорта, что дополнительно подчеркивает стратегическую значимость региона в поставках данного вида элементов¹¹⁸ (рисунок 1.3).

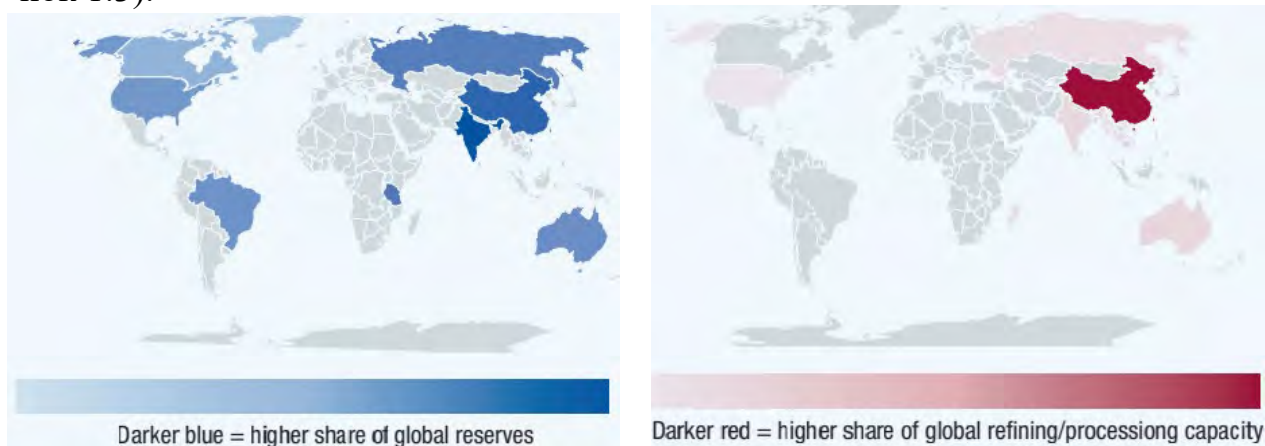

Рисунок 1.3 – Запасы редкоземельных элементов и мощности по их переработке в мире

Источник: United Nations Conference on Trade and Development. Critical Minerals, Critical Decisions: Industrial Policy for the Energy Transition: technical and statistical report. Geneva: UNCTAD, 2026. Режим доступа: <https://unctad.org/publication/critical-minerals-critical-decisions-industrial-policy-energy-transition> (accessed: 21.03.2026).

¹¹⁷ Critical Minerals Market Review 2023 // OECD. 2023. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/07/critical-minerals-market-review-2023_9dcfb1a7/9cdf8f39-en.pdf (accessed: 14.03.2026).

¹¹⁸ The Role of Critical Minerals in Clean Energy Transitions // IEA. 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/the-role-of-critical-minerals-in-clean-energy-transitions> (accessed: 14.03.2026).

Однако большинство стран ЮВА пока получают ограниченную долю добавленной стоимости, оставаясь преимущественно поставщиками сырья и полуфабрикатов, а это создает пространство для конкуренции внешних акторов за контроль над переработкой, стандартами и инвестиционными режимами.

Японская стратегия в этом секторе направлена на то, чтобы создать альтернативные, менее зависимые от Китая цепочки поставок, что достигается через ПИИ в проекты по добыче и переработке полезных ископаемых, а также через ОПР, которая финансирует развитие соответствующей инфраструктуры и передачу технологий¹¹⁹. Например, в Малайзии действует одно из крупнейших в мире предприятий по разделению редкоземельных элементов, которое не связано с Китаем, что демонстрирует возможность создания альтернативной базы внутри региона. Инвестиции японских компаний, таких как Sumitomo, в проекты в странах АСЕАН направлены на то, чтобы обеспечить себе доступ к сырью на всех этапах его жизненного цикла от добычи до производства компонентов¹²⁰. Эта стратегия имеет несколько уровней. Во-первых, она снижает прямую зависимость Японии от одного поставщика. Во-вторых, она создает экономическую взаимозависимость между японскими корпорациями и странами региона, которые становятся частью японских глобальных производственных цепочек. В-третьих, она позволяет Токио оказывать политическое влияние на страны, делая их зависимыми от японского капитала и технологий в стратегически важной для них отрасли.

Общий объем японских ПИИ в регионе за последние два десятилетия превысил 250 млрд долл. США, что свидетельствует о масштабе этого перераспределения. Эти инвестиции сфокусированы на создании там новых производственных хабов, особенно в высокотехнологичных отраслях, таких как автомобилестроение, электроника и производство компонентов.

¹¹⁹ Five-Point Plan for Critical Minerals Security // METI. 2023. URL: <https://www.meti.go.jp/information/g7hirosima/energy/pdf/Annex005.pdf> (accessed: 14.03.2026).

¹²⁰ Annual Report 2020 // Perth: Lynas Rare Earths. 2020. URL: https://lynasrareearths.com/wp-content/uploads/2020/10/LYC_AR20-30Sep20-LODGE-2122450-1.pdf (accessed: 14.03.2026).

Автомобильная промышленность является классическим примером успешной реализации стратегии «Китай+1»¹²¹. Таиланд является одним из крупнейших автопроизводственных хабов ЮВА, причем значительное количество собираемых в стране машин создаются на заводах японских корпораций, таких как Toyota, Honda и Mitsubishi¹²². Данные предприятия не только обслуживают внутренний таиландский рынок, но и являются важными центрами экспортных поставок в Азию и другие регионы. Подобная модель была успешно внедрена и во Вьетнаме, где японские компании активно развивают автомобильный и электротехнические секторы¹²³. Так, Panasonic в 2024 г. расширила мощности по выпуску электропроводки и автоматических выключателей, а в 2025 г. начала поставки домашних солнечных систем, что демонстрирует стремление Японии не просто перенести сборку, а создать полноценные производственные комплексы, использующие японские технологии и стандарты¹²⁴.

Японская стратегия в ЮВА в данном случае проявляется не столько в механическом переносе отдельных производственных операций, сколько в закреплении такой конфигурации регионального хозяйственного пространства, при которой страны АСЕАН включаются в производственные сети на условиях функциональной привязки к японскому капиталу, организационным практикам и технологическим стандартам¹²⁵. Сборочные мощности становятся лишь одним из элементов этой системы. Более существенным является то, что вокруг них формируется устойчивая архитектура снабжения, логистики,

¹²¹ FY 2024 Survey on the International Operations of Japanese Firms // JETRO. 2024. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/hungary/pdf/surveyontheinternational.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

¹²² Japan and ASEAN plan joint strategy on auto production, Nikkei reports // Reuters. 2024. URL: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/japan-asean-plan-joint-strategy-auto-production-nikkei-reports-2024-05-19/> (accessed: 14.03.2026).

¹²³ Japan's outward foreign direct investment FDI stock in ASEAN from 2014 to 2023 (in billion U.S. dollars) // Statista: official site. 2025. URL: <https://www.statista.com/statistics/1327586/japan-outward-FDI-position-asean> (accessed: 14.03.2026).

¹²⁴ 【ベトナム】パナ、住宅向け太陽光に参入 政策追い風に年5割成長目指す [Вьетнам: Panasonic выходит на рынок солнечной энергетики для жилого сектора] // NNA アジア経済ニュース [Азиатские экономические новости NNA]. 2025. URL: <https://www.chiba-tv.com/plus/detail/202510851726> (accessed: 14.03.2026).

¹²⁵ FY 2024 Survey on the International Operations of Japanese Firms // JETRO. 2024. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/hungary/pdf/surveyontheinternational.pdf (accessed: 14.03.2026).

сервисного обслуживания и институционального сопровождения, позволяющая японским корпорациям не только повышать операционную эффективность, но и удерживать долгосрочное присутствие в наиболее динамичных сегментах региональной экономики. В этом смысле инвестиции в ЮВА выступают для Японии не просто способом сократить издержки производства, а инструментом структурного закрепления в региональных цепочках стоимости и снижения зависимости от внешних, прежде всего китайских, производственных контуров. Существенную роль здесь играют и государственные институты, включая JETRO и METI, которые через торговые миссии, консультационную поддержку и механизмы содействия выходу на новые рынки обеспечивают более устойчивое встраивание японского бизнеса в экономическое пространство АСЕАН¹²⁶.

Не менее важным направлением становится инфраструктурное обеспечение этих связей, поскольку без транспортной и логистической базы сама производственная связанность не может быть устойчивой. Именно поэтому японские вложения в регионе концентрируются не только в промышленности, но и в проектах, влияющих на скорость, непрерывность и предсказуемость перемещения товаров, комплектующих и рабочей силы. Показателен индонезийский кейс, где JICA выступает одним из ключевых внешних партнеров проектов городского рельсового транспорта, включая строительство и развитие Jakarta MRT¹²⁷, а японское участие распространяется также на решения, связанные с транспортной доступностью аэропорта Сукарно Хатта и подъездной инфраструктурой к порту Танджунг Приок. Подобные проекты имеют значение не только для модернизации городской среды. Они формируют материальную основу для более плотной промышленной и логистической интеграции

¹²⁶ 2024 Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Asia and Oceania // JETRO. 2024. URL https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2024/EN_Asia_and_Oceania_2024_r4.pdf (accessed: 14.03.2026).

¹²⁷ Construction of Soekarno-Hatta International Airport Access Railway Project in the Republic of Indonesia // JICA. URL: https://www.jica.go.jp/english/our_work/social_environmental/id/asia/southeast/indonesia/c8h0vm000090vnrw.html (accessed: 14.03.2026).

Индонезии, снижая инфраструктурные ограничения, которые ранее могли сдерживать расширение производственных и экспортных операций.

Сходная логика прослеживается и в других странах региона, прежде всего во Вьетнаме и на Филиппинах, где японское участие в портовых, транспортно-логистических и городских инфраструктурных проектах способствует не просто росту связанности как таковой, а углублению включенности этих экономик в трансграничные производственные и сбытовые контуры. Речь идет о более сложном эффекте¹²⁸. Модернизация морской инфраструктуры, развитие сопутствующих транспортных узлов, а также внедрение городских систем управления движением и транспортной координации создают условия, при которых принимающие государства становятся более удобными площадками для размещения капитала, расширения промышленной кооперации и наращивания внешнеторговых операций. Тем самым Япония через инфраструктуру не только улучшает хозяйственную среду в странах ЮВА, но и укрепляет те региональные связи, в которых ее экономическое присутствие приобретает воспроизводимый и долгосрочный характер.

Как итог, диверсификация производственных цепочек в ЮВА является комплексной стратегией, реализуемой через сочетание ПИИ, поддержки инфраструктурного развития и продвижения собственных технологических стандартов, что позволяет Японии не только адаптироваться к меняющейся геоэкономической реальности, но и укрепить свое лидерство в ключевых отраслях. Создавая производственные хабы в регионе, Япония формирует новый экономический порядок в регионе, в котором она сохраняет контроль над наиболее ценными частями цепочек стоимости, а страны АСЕАН становятся важными, хотя и зависимыми, участниками этой системы, что напрямую противостоит попыткам Китая укрепить свою доминирующую роль¹²⁹.

¹²⁸ Country Analysis Paper for the Republic of the Philippines // JICA. URL: https://www.jica.go.jp/english/overseas/philippine/_icsFiles/afieldfile/2025/01/28/JCAP-Philippines_March2024.pdf (accessed: 14.03.2026).

¹²⁹ JICA and MMDA commence a project on Intelligent Transportation System in line with the Comprehensive Traffic Management Plan for Metro Manila // JICA. URL: <https://www.jica.go.jp/english/overseas/philippine/information/press/2024/rdsigningctmp02212025.html> (accessed: 14.03.2026).

Инфраструктурное соперничество между Японией и Китаем в ЮВА является одним из наиболее ярких проявлений их геэкономического противостояния: если Китай, через свою инициативу ОПОП, предлагает широкий спектр проектов, финансируемых за счет своих бюджетов и банков, то Япония отвечает концепцией ПКИ¹³⁰. На первый взгляд, ПКИ позиционируется как альтернатива ОПОП, основанная на принципах прозрачности, долговой устойчивости, высоком качестве и соблюдении экологических стандартов. Однако детальный анализ показывает, что ПКИ выполняет гораздо более сложные и стратегические функции, являясь не просто конкурентным продуктом, а инструментом геополитического влияния и реализации стратегии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (FOIP).

Ключевое отличие японского подхода состоит в том, что он ориентирован не только на строительство как таковое, но и на формирование долгосрочной модели партнерства, в которой инфраструктура становится каналом передачи технологий, подготовки кадров, роста локальных компетенций и закрепления японских стандартов управления проектами¹³¹. Именно в этом заключается его специфика. В официальной логике ПКИ особый акцент делается на долговечности объектов, их устойчивости, стоимости жизненного цикла, создании рабочих мест для местного населения, повышении квалификации и использовании технического сотрудничества как части самого инвестиционного процесса. В более поздних материалах MOFA эта же линия раскрывается еще отчетливее: поддержка качественной инфраструктуры прямо связывается с передачей японских технологий, развитием человеческих ресурсов и укреплением доверия к Японии как к партнеру. Влияние ПКИ проявляется не только в хозяйственном эффекте, но и в том, что страны-получатели постепенно встраиваются в технологическую и нормативную орбиту Токио¹³².

¹³⁰ Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future // MOFA. 2015. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000081298.pdf> (accessed: 14.03.2026).

¹³¹ China-Japan Competition in Infrastructure Investment in Southeast Asia: A Two-Level Analysis // National Library of Medicine. 2022. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9550592> (accessed: 14.03.2026).

¹³² Badan Pusat Statistik. Investment Realization Foreign Investment by Country/Region/Certain Entity // BPS Statistics Indonesia. 2025. URL: <https://www.bps.go.id/en/statistics-table/2/MTg0MyMy/investment-realization-foreign-investment-by-country.html> (accessed: 14.03.2026).

Отсюда вытекает и двойственная природа таких проектов. С одной стороны, они решают прикладные задачи транспортной и логистической модернизации, снижая издержки, ускоряя перемещение людей и грузов и повышая устойчивость городской и национальной инфраструктуры. С другой стороны, именно через такие объекты Япония закрепляет свое присутствие в ключевых узлах регионального пространства, где инфраструктурная связанность напрямую переходит в политико-экономическое влияние.

При этом Япония не всегда выступает крупнейшим инвестором в АСЕАН в абсолютных показателях: количественное отставание частично компенсируется качественным профилем проектов. По данным ASEAN Investment Report 2024¹³³, японские компании остаются среди ведущих инвесторов в регионе, а среднегодовой объем японских вложений в период реализации повестки АЕС 2025 почти удвоился и достиг около 20 млрд долл., что подтверждает устойчивость японского присутствия даже без безусловного лидерства по валовым объемам. На этом фоне ПККИ выглядит не столько прямым зеркальным ответом на китайский ОПОП, сколько платформой продвижения альтернативного подхода к развитию, основанного на японских стандартах качества, институциональной предсказуемости и более долгом горизонте вовлечения¹³⁴. Именно за счет этого Токио укрепляет свои позиции в региональных коалициях и предлагает странам ЮВА иную модель внешнего партнерства, менее завязанную на одностороннюю зависимость от одного центра силы.

Институциональная рамка реализации ПККИ уникальна и основана на тесном сотрудничестве между государством и частным сектором. MOFA и METI координируют политику, предоставляя стратегическое видение и дипломатическое сопровождение. Государственные финансовые институты, такие как JBIC и NEXI, играют ключевую роль в предоставлении льготных кредитов

¹³³ ASEAN Investment Report 2024: Sustaining FDI Growth in a Changing World // ASEAN Secretariat, 2024. 198 p. URL: <https://asean.org/publication/asean-investment-report-2024/> (accessed: 15.03.2026).

¹³⁴ Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future // MOFA. 2015. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000081299.pdf> (accessed: 14.03.2026).

и гарантий, которые делают рискованные, но стратегически важные проекты экономически жизнеспособными для японских корпораций.

При этом сами крупные корпорации, такие как Hitachi, Fanuc и NEC, выступают в роли исполнителей, внедряя свои передовые технологии и производственные процессы. Эта модель государственно-частного партнерства позволяет быстро адаптироваться к меняющимся условиям и эффективно использовать весь спектр японских ресурсов для достижения внешнеполитических целей. В отличие от моделей, где государство действует автономно, японская система обеспечивает скоординированное использование экономических и политических инструментов, что дает ей конкурентное преимущество в АТР.

В конечном счете, ПКИ является не просто набором инфраструктурных проектов, а частью комплексной стратегии, направленной на формирование устойчивого блока партнеров в ЮВА, которые разделяют ценности Японии и способны противостоять давлению Китая. Инвестиции в инфраструктуру создают экономическую взаимозависимость, которая служит основой для более тесного политического и даже военного сотрудничества¹³⁵. ПКИ становится практической реализацией FOIP, превращая экономические связи в инструмент обеспечения безопасности и свободы в АТР. Это прямой ответ на стратегию ОПОП, который может создавать долговые зависимости и теоретически ограничивать суверенитет стран-участниц при неблагоприятных обстоятельствах. Выбор стран ЮВА в пользу японских проектов часто зависит не только от цены, но и от соответствия их собственным долгосрочным интересам в области развития, безопасности и суверенитета¹³⁶.

Наиболее важным изменением последних лет стало усиление связи между экономической политикой и задачами национальной безопасности. В Стратегии национальной безопасности Японии 2022 г. экономическая безопасность рассматривается как средство обеспечения мира, безопасности и

¹³⁵. National Security Strategy of Japan. Tokyo, 2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed: 14.03.2026).

¹³⁶ Development Cooperation Charter (Provisional Translation) // MOFA. 2023. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100514705.pdf> (accessed: 14.03.2026).

экономического процветания, а также как основа для повышения устойчивости цепочек поставок и снижения чрезмерной зависимости от отдельных стран. При этом необходимо разграничивать механизмы ОПП и OSA¹³⁷. Пересмотр Хартии сотрудничества в целях развития 2023 г. не отменил принцип недопустимости использования сотрудничества в целях развития для военных целей. Поддержка безопасности партнеров в сфере поставок определенного оборудования и иной помощи осуществляется через отдельный механизм OSA, созданный именно для задач, связанных с военным потенциалом¹³⁸.

Эта программа позволяет Японии передавать разнообразную околовоеенную помощь (за исключением летальных вооружений) странам ЮВА, в рамках формально экономического содействия. Хотя подобные поставки не квалифицируются как военная помощь в строгом смысле слова, они объективно усиливают позиции государств-реципиентов в территориальных спорах с Китаем в ЮКМ. Современное оборудование расширяет их возможности по контролю исключительных экономических зон, патрулированию акваторий и реагированию на действия китайских рыболовецких и военных судов. В результате экономическая поддержка становится инструментом укрепления стратегических позиций Японии в условиях регионального противостояния. Политический курс, реализуемый японским руководством в настоящее время, демонстрирует дальнейшее ужесточение подхода, выражающееся в открытой увязке экономических преференций с военно-политическими обязательствами партнёров¹³⁹.

Аналогичный подход распространяется и на сферу ПИИ. Инвестиционная активность иностранных компаний в стратегически значимых секторах японской экономики, включая энергетику, телекоммуникации, инфраструктуру и высокие технологии, рассматривается Токио через призму экономической безопасности и защиты критически важных объектов. Правовой основой

¹³⁷ Official Security Assistance // MOFA. 2026. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/ipc/page4e_001366.html (accessed: 14.03.2026).

¹³⁸ Diplomatic Bluebook 2025. Chapter 3 // MOFA. 2025. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2025/pdf/pdfs/3-2.pdf> (accessed: 14.03.2026).

¹³⁹ Annual Report 2024 // NEXI. 2024. URL: <https://www.nexi.go.jp/corporate/booklet/pdf/annual2024-e.pdf> (accessed: 14.03.2026).

такого подхода выступает действующая система контроля иностранных инвестиций в рамках Закона о валютном обмене и внешней торговле (Foreign Exchange and Foreign Trade Act, FEFTA), применение которой в последние годы было усилено в связи с ростом стратегических рисков¹⁴⁰. Хотя данный механизм прежде всего касается инвестиций в саму Японию, он отражает более широкий курс японской политики, в рамках которого трансграничные экономические операции все чаще оцениваются с точки зрения их возможного влияния на национальную безопасность, технологический суверенитет и устойчивость ключевых цепочек поставок.

Торговая политика также всё более рассматривается как элемент стратегии обеспечения безопасности. Участие Токио в многосторонних соглашениях, таких как ВПТТП и ВРЭП, позволяет не только укреплять позиции страны в региональной экономике, но и формировать нормативную среду, ограничивающую пространство для доминирования Китая¹⁴¹. Эти соглашения закрепляют высокие стандарты в сфере торговли, инвестиций, защиты интеллектуальной собственности и регулирования трудовых отношений, которые в большей степени соответствуют японским экономическим практикам. Формирование подобных правил игры создает экономическое пространство, в котором Япония получает институциональные преимущества.

В совокупности указанные меры свидетельствуют о трансформации японской экономической дипломатии в ЮВА от модели «торговля ради стабильности» к модели «экономика как инструмент реализации национальных интересов». Экономические инструменты больше не рассматриваются изолированно от геополитики. Они, в первую очередь, используются для формирования устойчивых связей и зависимостей, обеспечивающих Японии доступ к ресурсам и рынкам, а также для сдерживания стратегических конкурентов.

¹⁴⁰ Foreign Investment Screening System Annual Report 2024 // Ministry of Finance of Japan. 2024. URL: https://www.mof.go.jp/english/policy/international_policy/fdi/Data/annual_report2024_en.pdf (accessed: 14.03.2026).

¹⁴¹ Diplomatic Bluebook 2025 // MOFA. 2025. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2025/pdf/pdfs/2025_all.pdf (accessed: 14.03.2026).

Взаимовыгодность сотрудничества сохраняется, однако её реализация подчинена приоритетам и целям Токио¹⁴². Подобная эволюция отражает более широкую тенденцию мировой политики, при которой экономические связи всё чаще становятся ареной стратегического соперничества, а экономическая устойчивость рассматривается как полноценный компонент политики государства.

Подводя итог, можно заключить, что японская экономическая дипломатия в ЮВА переживает фундаментальную трансформацию, переходя от модели, основанной на идеях взаимовыгодного развития и «мягкой силы», к новой парадигме, в которой экономические инструменты неразрывно связаны с собственными интересами Токио и его геополитическим влиянием в регионе¹⁴³. Данная трансформация, ускоренная конкуренцией с Китаем, превращает ОПР, ПИИ и инфраструктурные проекты из средств развития в рычаги влияния, направленные на достижение трех взаимосвязанных целей: обеспечение доступа к стратегическим ресурсам, диверсификацию производственных цепочек и сдерживание экспансии Китая. Каждая из этих целей реализуется через конкретные экономические инструменты, создавая единую, многогранную стратегию¹⁴⁴.

¹⁴² White Paper on International Economy and Trade 2025 // METI. 2025. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2025/pdf/0627_001a.pdf (accessed: 14.03.2026).

¹⁴³ 2024 Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Asia and Oceania // JETRO. 2024. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2024/EN_Asia_and_Oceania_2024_r4.pdf (accessed: 14.03.2026).

¹⁴⁴ JETRO Global Trade and Investment Report 2025 // JETRO. 2025. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/hungary/pdf/globaltradeandinvestmentreport2025.pdf (accessed: 14.03.2026).

Глава 2. Эволюция и адаптация политико-экономической стратегии Японии в ЮВА в условиях региональной напряжённости

2.1. Историческая трансформация подходов Японии к взаимодействию с ЮВА: от репарационной помощи к стратегическому партнёрству

После окончания Второй мировой войны Япония выработала особую модель внешней политики в Азии, основанную на экономической дипломатии с целью восстановить утраченный кредит доверия. Главным приоритетом Токио в первые послевоенные десятилетия стало преодоление последствий военной агрессии и возвращение «доброго имиджа» Японии в АТР¹⁴⁵.

Одновременно Токио начал заключать двусторонние соглашения о выплате репараций и предоставлении льготных займов странам ЮВА, компенсируя ущерб военного периода и закладывая основу для возобновления экономических связей. Так, в 1950-х гг. были подписаны договоры с Бирмой, Филиппинами, Индонезией и другими странами региона, по которым Япония выплатила сотни миллионов долларов в качестве репараций (таблица 2.1). Эта стратегия принесла ощутимые результаты: выплаченные средства способствовали послевоенному восстановлению стран ЮВА и одновременно открыли рынки региона для японских товаров и инвестиций, что стимулировало экономический рост самой Японии. Кроме того, репарационная политика стала фундаментом для примирения, ОПР использовалась как инструмент «мягкой силы», позволяя Токио продемонстрировать видимость готовности искупить свою вину и сотрудничать на благо процветания региона¹⁴⁶.

В 1955 г. премьер-министр И. Хатояма провозгласил курс «дружбы и любви», заявив о стремлении Японии к мирному сотрудничеству со всеми азиатскими странами. Уже в 1957 г. новый глава правительства Н. Киси совершил

¹⁴⁵ Дмитрий А.М. Невоенные методы внешней политики Японии // Восточная аналитика. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevoennye-metody-vneshney-politiki-yaponii> (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁴⁶ Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Японии. 2014. № 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-istoricheskogo-proshlogo-v-poslevoennyh-otnosheniyah-yaponii-so-stranami-vostochnoy-azii> (дата обращения: 24.03.2025).

беспрецедентное турне по государствам ЮВА, в ходе которого предложил создать специальный фонд развития региона и лично провёл переговоры о репарациях. Активная дипломатия Н. Киси, в которой принимал участие и будущий премьер Т. Фукуда, позволила восстановить личные контакты с лидерами ЮВА и заметно повысила уровень доверия к Японии на международной арене.

Таблица 2.1. Послевоенные репарационные соглашения Японии со странами Азии

Страна	Год мирного договора	Год соглашения о репарациях	Сумма, млн долл.	Период выплаты
1	2	3	4	5
Бирма (Мьянма)	1954	1954	200	10 лет
Филиппины	1951	1956	550	20 лет
Индонезия	1951	1958	223	12 лет
Лаос	1951	1958	2,78	единовременно
Камбоджа	1951	1959	4,17	единовременно
Южный Вьетнам	1951	1959	39	5 лет
Таиланд	1951	1962	особое иенное соглашение ¹⁴⁷	—
Малайзия	1951	1968	8,2	единовременно
Сингапур	1951	1968	8,2	единовременно

Источник: Всемирный банк, *Our World in Data. Growth of Global Economic Openness (Trade as % of GDP), 1950-2024*. World Bank, *Our World in Data, 2024*. URL: <https://ourworldindata.org/> (accessed: 02.02.2025).

Как видно из таблицы 2.1, к концу 1960-х гг. Япония полностью нормализовала отношения со всеми крупными странами ЮВА. Выплата репараций и масштабная программа экономической помощи (льготные кредиты, техническое содействие) создали основу для восстановления доверия между Токио

¹⁴⁷ Таиланд, формально не подписывавший Сан-Францисский мирный договор, урегулировал вопрос репараций через отдельное соглашение, номинированное в йенах.

и государствами региона. К началу 1970-х гг. роль экономической дипломатии возросла настолько, что США стали поощрять Японию к более активному участию в развитии ЮВА в качестве «мастера экономики» (считалось, что экономический взлет региона при поддержке Японии будет выгоден и для сдерживания коммунизма). С середины 1970-х, на фоне разрядки напряженности в Восточной Азии, Токио стремился перейти от негативного образа на мировой арене к роли равноправного партнера.

Принятая Доктрина Фукуды знаменовала именно такой переход – от политики исключительно экономического покровительства к политике партнерства на принципах «миролюбия и взаимоуважения»¹⁴⁸. Хотя реализация этой доктрины была во многом отложена из-за новых витков Холодной войны в конце 1970-х – начале 1980-х гг., уже тогда Япония заложила институциональные основы сотрудничества с ЮВА. В 1970-е гг. Токио стал участвовать в региональных форумах (например, совещания по экономическому развитию ЮВА), а после урегулирования конфликтов в Индокитае в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Япония смогла в полной мере приступить к реализации стратегии всестороннего взаимодействия с АСЕАН.

Важным показателем успеха этой политики стало установление институциональных связей с ЮВА: в 1977 г. японское руководство официально заявило о принципах долгосрочного партнерства с регионом, а уже в 1978 г. Япония стала первой страной-партнером по диалогу АСЕАН – высшей форме сотрудничества ассоциации с внешними державами. Доктрина Фукуды, провозглашенная одноименным премьер-министром в ходе визита в Манилу, закрепила три ключевых принципа: Япония навсегда отказывается от роли военной державы и будет содействовать миру и процветанию в Азии; Токио стремится выстраивать отношения со странами региона «на основе взаимного доверия и сердечного понимания»; Япония готова сотрудничать на равноправной основе

¹⁴⁸ Япония, Восточная и Юго-Восточная Азия: возможно ли повторение японского проекта сопроцветания в XXI веке? // Завтра. URL: https://zavtra.ru/books/yaponiya_vostochnaya_i_yugovostochnaya_aziya_vozmozhno_li_povtorenie_yaponskogo_proekta_soprotcvetaniya_v_hhi_veke (дата обращения: 24.03.2025).

со всеми странами ЮВА, включая социалистические государства Индокитай¹⁴⁹.

Тем самым Токио заверял соседей в своих мирных намерениях и предложил экономическое партнерство взамен исторической вражды. Принципы доктрины Фукуды predetermined курс японской дипломатии в АТР на десятилетия вперед, заложив ценностный фундамент для дальнейшего углубления сотрудничества (ненаправленность на гегемонию, акцент на экономическом взаимодействии, инклюзивность региональных инициатив).

Конец Холодной войны и последовавший геополитический сдвиг существенно изменили роль Японии в АТР. В новых условиях распада биполярной системы, ускоренного роста экономики КНР и институционализации АСЕАН Токио переосмыслил свою региональную политику и перешёл от модели «внешнего донорства» к модели стратегического партнерства с ЮВА. Начиная с начала 1990-х гг. японская дипломатия активизировалась на всех направлениях сотрудничества с АСЕАН: от экономической интеграции до политического диалога и безопасности. Фактически Япония начала полноценно воплощать принципы Доктрины Фукуды, адаптировав их к новой эпохе¹⁵⁰.

Во-первых, значительно расширилось экономическое взаимодействие: Япония заключила со странами АСЕАН серию соглашений о свободной торговле и экономических партнёрствах, стимулировала создание зон свободной торговли, а также поддержала процессы региональной интеграции через финансирование инфраструктурных проектов и техническую помощь¹⁵¹. Показательно, что уже к середине 1990-х гг. Япония вышла на первое место в мире по объёму предоставляемой ОПР, превратившись в ведущего донора для

¹⁴⁹ 若月 秀和. 福田ドクトリン: ポスト冷戦外交の「予行演習」 [Хидэкадзу Вакацуки. Доктрина Фукуды: «Репетиция» дипломатии после окончания холодной войны] // 国際政治 [Международная политика]. 2000. № 125. С. 197-217. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/kokusaiseiji1957/2000/125/2000_125_197/_article/-char/ja/ (accessed: 24.03.2025).

¹⁵⁰ 福田ドクトリン 30周年と日本・ASEAN関係 [30-летие доктрины Фукуды и отношений Японии и АСЕАН] // 国際問題 [Международные вопросы]. 2007. № 565. С. 52-54. URL: https://www2.jiia.or.jp/kokusaimondai_archive/2000/2007-10_006.pdf?noprint= (accessed: 24.03.2025).

¹⁵¹ Japan's EPA/FTA and Related Initiatives // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100786377.pdf> (accessed: 04.03.2025).

большинства государств ЮВА. Такой масштаб экономической поддержки повысил влияние Токио в регионе и одновременно укрепил взаимозависимость: страны АСЕАН получили доступ к капиталам и технологиям Японии, а японский бизнес новые рынки сбыта и инвестиций.

Во-вторых, в 1990-2000 гг. углубилось политическое взаимодействие Японии с Ассоциацией. В 1993 г. Токио инициировал регулярные встречи на высшем уровне «АСЕАН–Япония», а с 1997 г. стал активным участником нового многостороннего механизма «АСЕАН+3» (вместе с Китаем и Республикой Корея), что свидетельствовало о стремлении интегрироваться в формирующееся восточноазиатское сообщество¹⁵². Япония поддержала создание АСЕАН Регионального форума по безопасности в 1994 г. и регулярно участвовала в его работе, выдвигая инициативы по совместному решению проблем региональной безопасности. Кроме того, Япония сыграла заметную роль в мирном урегулировании в Камбодже (начала 1990-х гг.), направив туда миротворческий контингент и возглавив международный Комитет по реконструкции Камбоджи. Тем самым японская дипломатия вышла за рамки сугубо экономических методов и стала активнее продвигать свои интересы на региональном уровне, укрепляя политическое измерение сотрудничества с АСЕАН¹⁵³. Символическим подтверждением нового статуса отношений стал специальный саммит «АСЕАН-Япония» 2003 г. в Токио, приуроченный к 30-летию диалога, на котором стороны подписали Токийскую декларацию о «динамичном и долговременном партнерстве» и План действий по всеобъемлющему сотрудничеству. Эти документы фактически зафиксировали переход от отношений «донор-реципиент» к стратегическому партнёрству, основанному «на общих целях развития и безопасности».

¹⁵² 通商政策の新たな展開に向けて [К новым изменениям в торговой политике] // (社)経済団体連合会 [Японская федерация бизнеса]. URL: <http://www.keidanren.or.jp/japanese/policy/2000/033/index.html> (accessed: 04.03.2025).

¹⁵³ Speech by Prime Minister of Japan Junichiro Koizumi // MOFA. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0201/speech.html> (accessed: 04.03.2025).

В-третьих, в указанный период Япония стремилась сохранить свои позиции на фоне роста влияния Китая в ЮВА, используя преимущественно экономико-дипломатические рычаги. Когда КНР в конце 1990-х – 2000-х гг. начала активно наращивать торгово-инвестиционное присутствие в ЮВА и заключать соглашения о свободной торговле с АСЕАН (например, ЗСТ Китай-АСЕАН заработала с 2010 г.), Токио ответил собственными инициативами по укреплению связей с Ассоциацией. Японское руководство предложило концепцию более широкой региональной интеграции «с участием демократических и развивающихся держав», чтобы не допустить доминирования Китая. В частности, премьер-министр Дз. Коидзуми выдвинул в начале 2000-х гг. идею формирования «Восточноазиатского сообщества» при центральной роли АСЕАН и Японии, но с участием также Австралии, Новой Зеландии, Индии и Китая¹⁵⁴. Цель заключалась в том, чтобы обеспечить инклюзивное экономическое сотрудничество в Восточной Азии, одновременно уравновесив влияние Пекина за счет вовлечения в регион проамерикански ориентированных партнёров (Индии, Австралии). Эта японская инициатива предвосхитила создание Восточноазиатского саммита – нового форума сотрудничества, который с 2005 г. собрал за одним столом страны АСЕАН и ключевые державы (Китай, Японию, Индию, Австралию, Новую Зеландию, США и Россию).

К концу 2000-х гг. Япония институционально закрепила своё участие во всех основных региональных структурах (экономических и политических) и тем самым преобразовала характер взаимоотношений с ЮВА. Токио эволюционировал до активного соавтора региональной архитектуры, выступая и как инвестор, и как дипломатический партнер в решении региональных вопросов развития и безопасности. Следует отметить, что несмотря на обострившуюся в этот период конкуренцию с КНР за влияние в АТР, отношения Японии и АСЕАН сохранили в целом кооперативный характер. АСЕАН приветствовала проактивную политику Японии, так как присутствие Токио обеспечивало

¹⁵⁴ Herrmann Ch., Krajewski M., Terhechte J. *European Yearbook of International Economic Law* 2015. Berlin: Heidelberg. 2015. 448 p.

более сбалансированное распределение сил и ресурсов в Восточной Азии. Взаимодействие сторон не ограничивалось официальными каналами: расширялись контакты бизнес-ассоциаций, культурно-образовательные обмены, туризм. Все это укрепляло фундамент «особых отношений» Японии и АСЕАН – неформального союзничества, основанного на общих интересах развития и стабильности.

В начале XXI века геополитическая динамика в АТР продолжила усложняться: быстрый рост Китая и его активная внешнеэкономическая экспансия привели к появлению масштабной инициативы ОПОП. Даная китайская инициатива, официально выдвинутая в 2013 г., предполагала создание разветвленной инфраструктурной сети, связывающей КНР со странами Евразии и АТР, и сопровождалась беспрецедентным предложением инвестиций и кредитов от Пекина¹⁵⁵. Для Японии возрастание китайского влияния означало новые вызовы экономической и политической безопасности в АТР, особенно в ЮВА, которая традиционно рассматривалась Токио как сфера его ключевых интересов.

Ответом японской стороны стала разработка и продвижение собственной региональной концепции – стратегии FOIP. Данная концепция впервые была озвучена премьер-министром С. Абэ в 2016 г. и с тех пор стала краеугольным камнем внешней политики Японии в АТР (рисунок 2.1). Данная стратегия провозглашает японское видение обширного Индо-Тихоокеанского пространства от восточного побережья Африки до берегов Америки основанного «на принципах свободы судоходства, открытой торговли, верховенства международного права и инклюзивности сотрудничества»¹⁵⁶. Центральными элементами FOIP являются: поддержание правил и норм (включая свободу навигации и разрешение споров на основе международного права); содействие

¹⁵⁵ Инициатива «Один пояс - один путь»: Фундаментальный камень стратегии растущей силы Китая // Anadolu Ajansı (AA). URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/инициатива-один-пояс-один-путь-фундаментальный-камень-стратегии-растущей-силы-китая/3022632> (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁵⁶ Japan's Values-Free and Token Indo-Pacific Strategy // Diplomat Media. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/japans-values-free-and-token-indo-pacific-strategy/> (accessed: 04.03.2025).

экономическому развитию через качественную инфраструктуру и инвестиции; обеспечение морской безопасности и свободы торговли от Индийского до Тихого океана. Токио подчёркивает, что его Индо-Тихоокеанская стратегия носит открытый и всеохватный характер, не направленный против какой-либо конкретной страны.

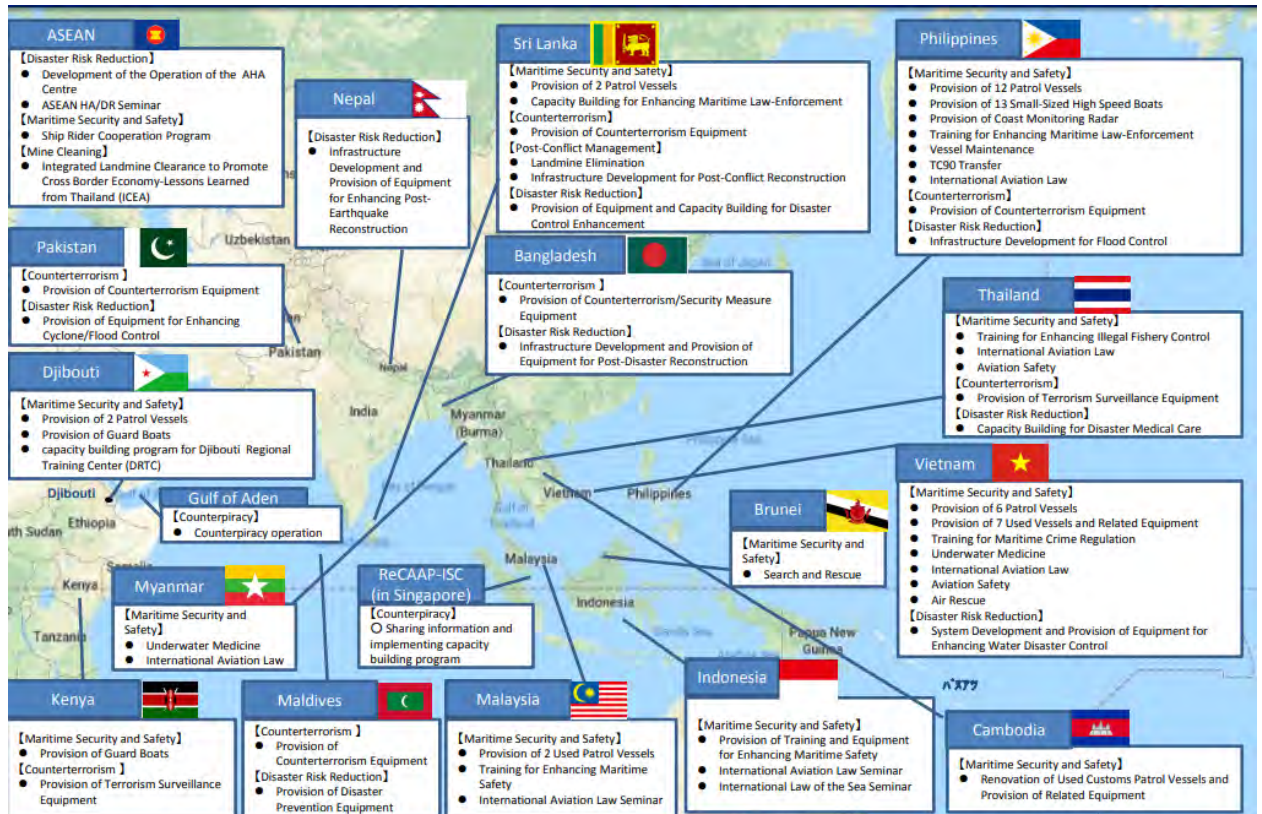

Рисунок 2.1 – Проекты Японии по обеспечению мира и стабильности в АТР

Источник: *Japan's Projects for Peace and Stability in the Indo-Pacific* // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000430632.pdf> (accessed: 11.04.2025).

Тем не менее, большинство экспертов сходятся во мнении, что концепция FOIP во многом сформулирована как альтернатива и противовес китайской инициативе ОПОП. Фактически Токио стремится предложить странам региона другую модель инфраструктурного и инвестиционного партнерства, основанную на прозрачности, финансовой устойчивости проектов и уважении суверенитета, в противовес обвиняемой в неокOLONIALИЗМЕ модели китайской инициативе¹⁵⁷. Япония особенно акцентирует участие «демократических

¹⁵⁷ «Belt and Road» vs. «Free and Open Indo-Pacific»: Competition over Regional Order and ASEAN's Responses // The National Institute for Defense Studies URL: <https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/security/pdf/2021/01/04.pdf> (accessed: 04.03.2025).

союзников» в продвижении FOIP: ключевую роль играет формат «Четырехстороннего диалога по безопасности» (QUAD: Япония, США, Индия, Австралия), возрожденный в конце 2010-х гг. для координации усилий в Индо-Тихоокеанском регионе. Через QUAD и двусторонние союзы Япония вместе с США продвигает принцип «свободного и открытого» региона, что подразумевает, помимо прочего, сдерживание экспансионистских шагов Китая в ЮКМ и обеспечение свободной торговли без односторонних барьеров^{158,159}.

Параллельно с продвижением стратегии FOIP происходит заметный качественный сдвиг в военно-техническом сотрудничестве с государствами ЮВА, который начинает оформляться как раз в этот период и становится особенно явным после 2022 г., фактически формируя новую модель взаимодействия Японии с АСЕАН, которую можно охарактеризовать как комплексную экономико-военную стратегию¹⁶⁰. Данная модель принципиально отличается от предыдущей «экономической дипломатии» тем, что военная составляющая больше не является отдельным или второстепенным элементом, а рассматривается как неотъемлемая часть комплексной стратегии безопасности и развития региона. Ключевая особенность нового подхода заключается в глубокой интеграции экономических и военных инструментов в рамках единой геополитической цели, выраженной в стратегии FOIP.

Экономические инструменты, такие как инвестиции, торговля и помощь развитию, по-прежнему остаются основой сотрудничества, однако они теперь используются для достижения стратегических целей в области безопасности. Например, программа финансирования качественной инфраструктуры в Азии и Африке, поддержка береговой охраны и военно-морского потенциала стран ЮВА (например, через поставки патрульных катеров) являются одновременно и экономическими проектами, финансируемыми из бюджета ОПП/OSA, и

¹⁵⁸ Japan and the Development of Quadrilateral Cooperation // Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales. URL: <https://www.cries.org/wp-content/uploads/2022/02/011-Koga-ok-.pdf> (accessed: 04.03.2025).

¹⁵⁹ Japan-ASEAN Cooperation as Security Partners // Japan Up Close URL: https://japanupclose.web-japan.org/policy/p20240510_1.html (accessed: 04.03.2025).

¹⁶⁰ Koga K. Withering FOIP? Japan's Evolving Indo-Pacific Vision from Kishida to Ishiba // Journal of Asian Security and International Affairs. 2025. Vol. 13, Issue 1. DOI: 10.1177/23477970251404237.

военными мерами, направленными на укрепление морской безопасности партнеров¹⁶¹. Этот подход создает эффект экономической безопасности, где инвестиции напрямую способствуют укреплению региональной стабильности и защите жизненно важных морских путей, что является одной из ключевых задач FOIP. Как итог, экономическая помощь перестает быть просто гуманитарной или развивающей компонентой и становится инструментом обеспечения национальных и региональных интересов Японии¹⁶².

После принятия в декабре 2022 г. новой Стратегии национальной безопасности Япония перешла к более предметному расширению военно-технического компонента своей региональной политики, а учреждение в апреле 2023 г. механизма OSA стало для этого институциональной основой. Тогда же были запущены первые проекты в рамках нового механизма, среди которых выделялись предоставление патрульных катеров Бангладеш и передача Филиппинам береговых радиолокационных систем, что означало переход от прежних форм содействия к более прямой поддержке потенциала партнеров в военно-технической сфере¹⁶³. Речь шла уже не просто о политических декларациях. На этом фоне активизировались и другие направления военно-технического взаимодействия, поскольку Токио последовательно расширял набор инструментов, через которые можно продвигать свои интересы в регионе ЮВА.

Наиболее показательной в этом отношении стала филиппинская линия. Подписанное в июле 2024 г. Соглашение о взаимном доступе не ограничилось рамками символического политического сближения: после обмена дипломатическими нотами оно вступило в силу 11 сентября 2025 г. и уже в октябре было впервые применено к двусторонним мероприятиям и транспортировке

¹⁶¹ Bradford J. F. Understanding Fifty Years of Japanese Maritime Security Capacity Building Activities in Southeast Asia // National Institute for Defense Studies. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/363661324_Understanding_Fifty_Years_of_Japanese_Maritime_Security_Capacity_Building_Activities_in_Southeast_Asia (accessed: 05.03.2026).

¹⁶² Yoshimatsu H. Japan's Economic Security: Policy Development Under the Influence of Security Identity and Key Players' Policy Initiatives // Politics & Policy. 2025. Vol. 53 (5). URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/polp.70074> (accessed: 13.02.2026).

¹⁶³ Koga K. Withering FOIP? Japan's Evolving Indo-Pacific Vision from Kishida to Ishiba // Journal of Asian Security and International Affairs. 2025. Vol. 13, Issue 1. DOI: 10.1177/23477970251404237.

гуманитарных грузов после землетрясения у Себу, то есть получило практическое наполнение. Дальнейшее движение пошло еще дальше. В январе 2026 г. стороны подписали и Соглашение о взаимных поставках и обслуживании, которое создает правовую основу для обмена материальными средствами и услугами между Силами самообороны Японии и вооруженными силами Филиппин во время совместной деятельности. В совокупности эти шаги свидетельствуют о том, что Япония наращивает не только собственный военный потенциал, но и механизмы их совместного использования с ключевыми партнерами региона, переводя сотрудничество из плоскости эпизодических контактов в формат институционально закреплённой кооперации.

При этом опора на АСЕАН в японской стратегии не исчезает, хотя ее функциональная нагрузка действительно меняется¹⁶⁴. В официальных документах Япония по-прежнему показательно подчеркивает «уважение к центральности и единству АСЕАН», а в Дипломатической синей книге за 2025 г. прямо указывается, что именно АСЕАН является ключевым звеном для реализации FOIP. Однако теперь речь идет не только о символической платформе легитимации. АСЕАН все более отчетливо выступает тем пространством, где Токио стремится связать задачи собственной безопасности, институционального партнерства и экономического развития в единую стратегическую конструкцию, позволяющую расширять собственное влияние в АТР.

Новая стратегия также отражает попытку Токио найти баланс между сдерживанием Китая и избеганием прямой конфронтации. Япония успешно использует двойственный подход. Внутри региона она продолжает выступать в роли донора и технологического партнера, финансируя инфраструктурные проекты, поддерживая здравоохранение и образование, что усиливает ее «мягкую силу» и популярность среди населения. В то же время, на глобальном уровне и в рамках союзов с США, Япония выступает в роли стратегического

¹⁶⁴ Morita-Jaeger M. Evolving Geopolitics and Japan's Economic Security–Trade Nexus: “New Capitalism” as a Balancing Act? // *Global Policy*. 2025. P. 1-10. DOI: 10.1111/1758-5899.70108.

союзника в военных вопросах и, участвуя в многосторонних учениях и проецируя военную помощь.

Подобный подход позволяет Токио сохранять позицию ведущего игрока, который вносит вклад как в экономическое развитие, так и в военную стабильность региона, не провоцируя напрямую Китай (исключая заявления С.Такаити в дипломатическом поле). В конечном счете, трансформация японской политики в ЮВА – это путь от реактивной политики, направленной на создание видимости искупления прошлого, к проактивной политике, направленной на формирование будущего регионального порядка в интересах Токио. Если в 1950-х годах Япония «искала прощения», то сейчас она предлагает модель развития и безопасности, которую другие страны должны принять, используя для этого весь спектр своих инструментов: от экономических инвестиций до военно-технической помощи.

2.2. Современные механизмы взаимодействия Японии с ЮВА: институциональные форматы, инфраструктурные инициативы и ОПР

Япония со второй половины XX века инициировала и активно применяет особую модель экономической дипломатии, опирающейся на невоенные инструменты внешней политики: отказавшись после 1945 г. от статуса военной державы, Япония сумела стать «великим мировым донором», заменив военные средства на экономические. В рамках концепции «комплексной безопасности» 1980-х годов японское руководство признало, что экономическая стабильность и развитие соседних стран являются важнейшими компонентами национальной безопасности Японии¹⁶⁵. Тем самым были заложены основы активной экономической дипломатии, использующей финансово-экономические ресурсы для укрепления внешнеполитических позиций страны. Согласно

¹⁶⁵ 基調講演「我が国の経済外交の推進に向けて」 [Основной доклад: «Содействие экономической дипломатии Японии»] // 外務省 [MOFA]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/ecm/ec/page24_000859.html (accessed: 04.03.2025).

определению, принятому в политической науке, экономическая дипломатия подразумевает использование государством экономических инструментов (помощь, кредиты, инвестиции, торговые соглашения) для достижения дипломатических целей, включая влияние на внешнеполитическое поведение партнеров и укрепление собственной безопасности.

Следует отметить, что с 1950-х годов Токио начал предоставлять масштабную экономическую помощь азиатским странам, сначала в форме послевоенных репараций, а затем как добровольную поддержку развитию. К 2015 г. совокупная география японской помощи охватила 190 стран и регионов мира, что отражает глобальный размах экономической дипломатии Токио¹⁶⁶. Японская модель ОПР долгое время рассматривалась как ключевой инструмент внешней политики, а ее характерные черты, такие как ориентация на инфраструктурное развитие и коммерческую взаимовыгоду выделялись исследователями в особую «японскую модель» содействия развитию.

Например, П. Шрейдер еще в 1998 г. указывал, что японская программа помощи отличалась сильной экономической мотивацией и стремлением правительства и бизнеса Японии получать коммерческую выгоду при оказании поддержки развивающимся странам¹⁶⁷.

Современная японская экономическая дипломатия опирается на несколько основных механизмов:

официальная помощь развитию – предоставление льготных займов, грантов и технического содействия; поощрение прямых инвестиций за рубежом и торговых соглашений;

инициативы в области инфраструктуры и регионального развития;

¹⁶⁶ Добринская О.А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО. 2020. № 3 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ofitsialnoy-pomoschi-razvitiyu-v-strategii-yaponii-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 18.03.2026).

¹⁶⁷ Schraeder P., Hook S., Taylor B. «Clarifying the Foreign Aid Puzzle: A Comparison of American, Japanese, French and Swedish Aid Flows» // World Politics. 1998. Т. 50, № 2. P. 294-323.

культурно-образовательное сотрудничество как инструмент «мягкой силы»¹⁶⁸.

В условиях нарастающей геополитической напряженности в АТР, включая конкуренцию Китая и США, территориальные споры в Восточно-Китайском и ЮКМ, и вызовы безопасности на Корейском полуострове роль этих механизмов как средств «тихого» влияния и стабилизации обстановки существенно возросла. В дальнейшем подробно рассмотрим эффективность инвестиций и программ ОПР Японии, новые направления культурно-образовательной политики, а также вклад экономической дипломатии Токио в поддержание стабильности ЮВА. ОПР уже несколько десятилетий остается краеугольным камнем японской внешней политики. Координацией ОПР занимаются MOFA, MOF и METI при участии частного сектора, а в 2003 г. был создан единый агентский оператор JICA¹⁶⁹ (рисунок 2.2).

Японская помощь включает гранты, льготные займы и техническое сотрудничество (направление экспертов, обучение кадров и др.). Первоначально ОПР предназначалась для поддержки наименее развитых стран, но со временем география и задачи помощи значительно расширились. В ходе эволюции политики данного механизма Япония неоднократно пересматривала приоритеты и нормативную базу предоставления помощи. Так, первая Хартия ОПР 1992 г. провозгласила принцип неприменения помощи в военных целях и увязку ее с «продвижением демократии и прав человека».

¹⁶⁸ Общий итог – 3 трлн 660 млрд йен: завершение 42-летней истории японской официальной помощи развитию Китая // Nippon Communications Foundation. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00828/> (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁶⁹ White Paper on Development Cooperation 2022 Japan's International Cooperation // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2022/html/index.html> (accessed: 04.03.2025).

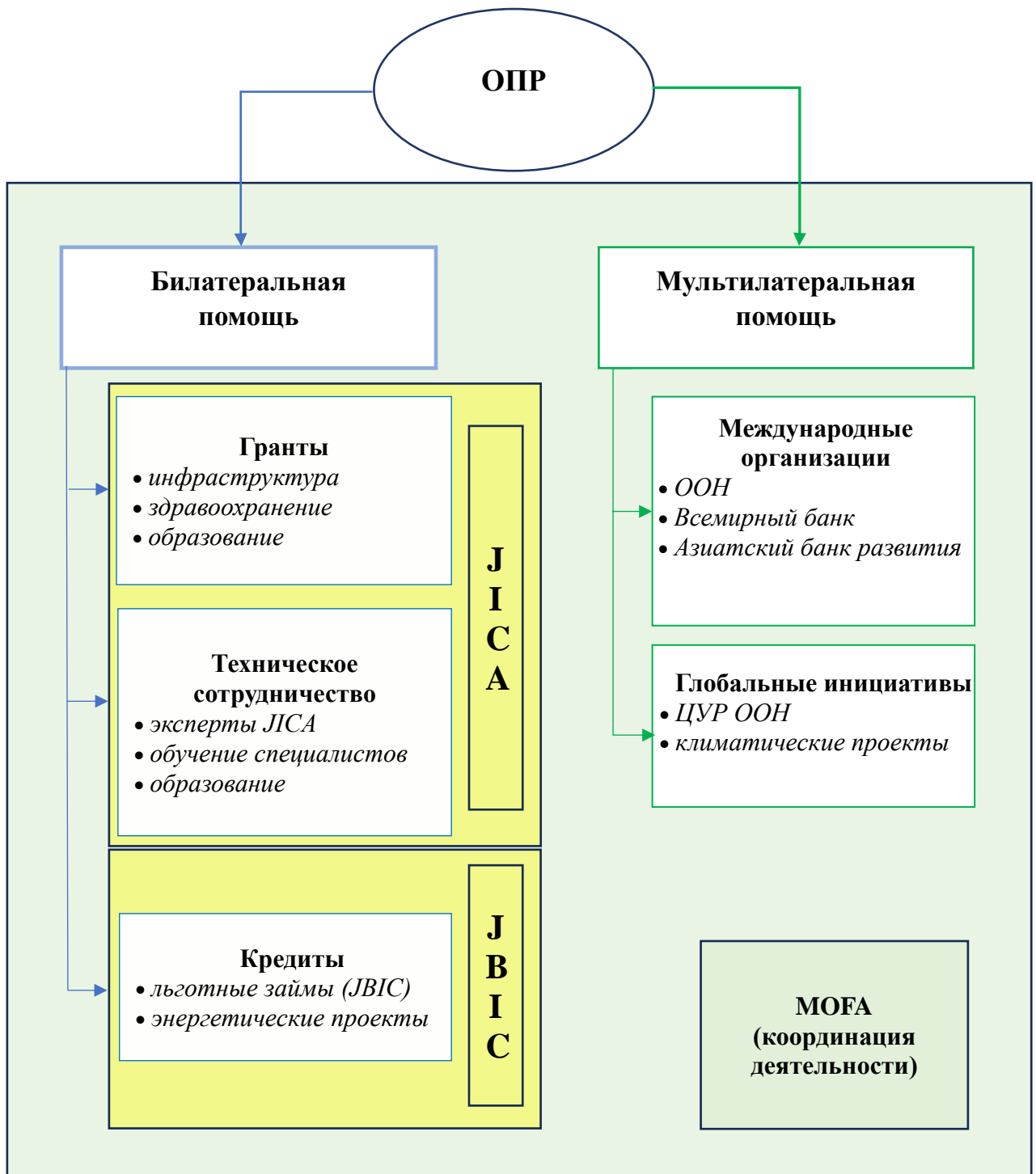

Рисунок 2.2 – Обобщенная функциональная схема японской ОПР

Источник: анализ автора.

Однако на практике экономические и стратегические интересы порой брали верх над идеалистическими декларациями. Эксперты отмечают, что Токио не всегда последовательно придерживался критериев Хартии: например, в 2003 г. Япония заморозила помощь Мьянме после ареста лидера оппозиции Аун Сан Су Чжи, тогда как жесткое подавление протестов в Индонезии (провинция Ачех, 1999 г.) не повлекло прекращения японских программ. Этот

пример показывает, что эффективность японской ОПР следует оценивать не только по декларируемым целям, но и по реальному экономическому и политическому влиянию на страны-реципиенты¹⁷⁰.

В количественном отношении Япония длительное время была одним из крупнейших доноров в мире. В 1990-е годы она даже занимала первое место по объемам помощи, выделяемым на цели развития. Впоследствии из-за экономических трудностей и сокращения бюджета доля ОПР в японских расходах уменьшилась. Тем не менее, Япония стабильно входит в число лидеров ОЭСР: например, в 2005-2015 гг. она занимала четвертое место среди стран Комитета по развитию ОЭСР, ежегодно предоставляя помощь в диапазоне 8-12 млрд долл. США. В последнее десятилетие (2010-е годы) объемы японской помощи начали вновь расти: в 2021 г. суммарная ОПР Японии достигла 17,6 млрд долл., что вывело ее на третье место после США и Германии по объему содействия¹⁷¹. Причем значительная часть этих средств направляется именно в АТР. По данным MOFA, совокупный объем помощи странам АСЕАН за все годы превысил 170 млрд долл.¹⁷² Япония по-прежнему остается крупнейшим донором ЮВА: так, в период 2015-2024 гг. она обеспечила 31,4% всей официальной помощи, поступившей в регион, опережая другие внешние источники¹⁷³ (рисунок 2.3).

¹⁷⁰ Sato J. Yōsei-Shugi: The Mystery of the Japanese Request-Based Aid. Issue 1. Singapore: Springer. 2024. P. 113-128.

¹⁷¹ JICA Report 2024 // JICA. URL: https://www.jica.go.jp/english/about/disc/report/2024/_icsFiles/afield-file/2025/07/17/2024-EN-all_1.pdf (accessed: 04.03.2025).

¹⁷² White Paper on Development Cooperation 2023 Japan's International Cooperation // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/100783436.pdf> (accessed: 04.03.2025).

¹⁷³ JICA Report 2024 // JICA. URL: https://www.jica.go.jp/english/about/disc/report/2024/_icsFiles/afield-file/2025/07/17/2024-EN-all_1.pdf (accessed: 04.03.2025).

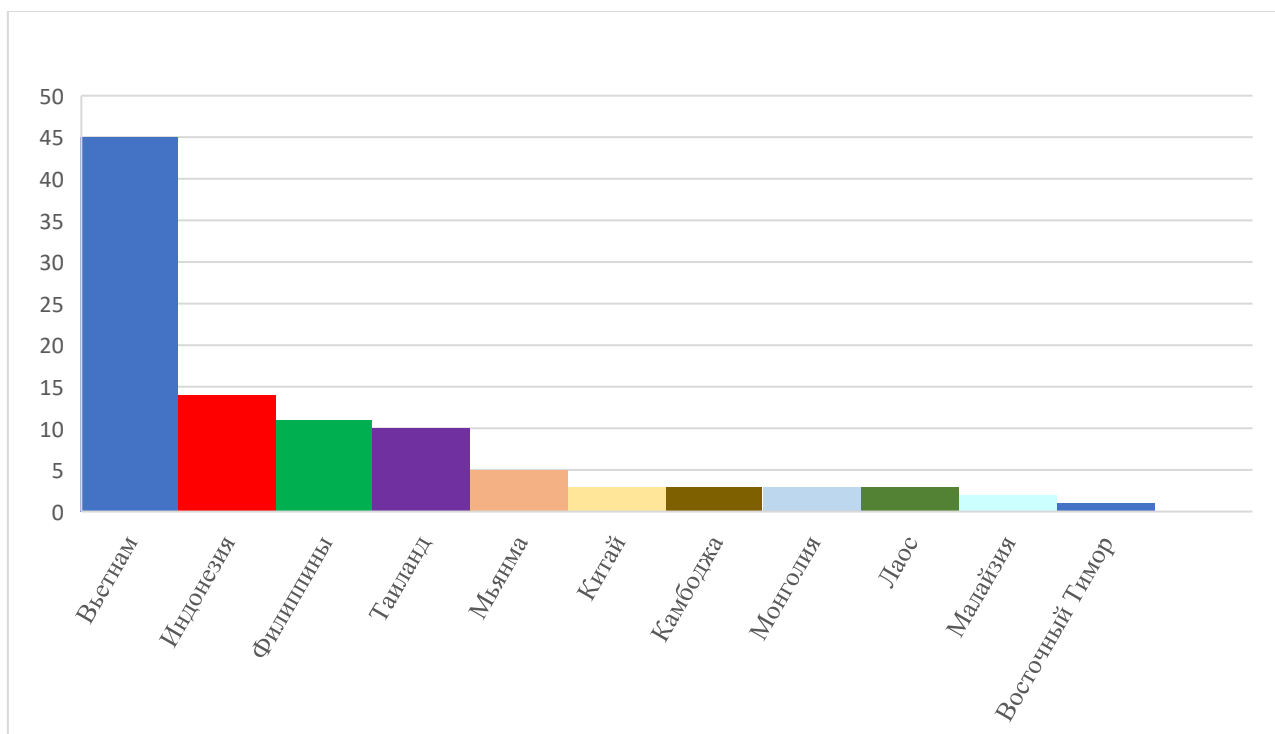

Рисунок 2.3 – Распределение японской ОПР по странам ЮВА в 2024 г., %
 Составлено по данным: *White Paper on Development Cooperation // Government of Japan. Токио, 2024.*

Классическими примерами успешных проектов, профинансированных японскими льготными кредитами, являются строительство портов и шоссе в Индонезии, развитие промышленного коридора Восточное побережье в Таиланде в 1980 годы, создание метрополитена в Дели и Ханое в 2000-2010 гг., модернизация энергетической инфраструктуры на Филиппинах и пр. Многие из этих проектов не только окупились экономически, но и улучшили имидж Японии как надежного партнера, что подтверждается данными опросов. Так, в ежегодном региональном исследовании ISEAS «State of Southeast Asia» Япония уже несколько лет подряд называется наиболее доверенным внешним партнером странами ЮВА: в 2024 г. почти 59% опрошенных юго-восточных азиатов утвердительно ответили на вопрос «Обратились ли бы Вы к Японии, если бы вам нужно было выбрать одного стратегического партнёра, которому Вы доверяете поступать правильно в глобальных делах?», тогда как уровень доверия к США и ЕС составил меньшие величины (42% и 41%

соответственно)¹⁷⁴, результаты опроса представлены на рисунке 2.4. Высокий кредит доверия является косвенным положительным результатом долгосрочной экономической дипломатии, укрепившей позиции Токио в ЮВА.

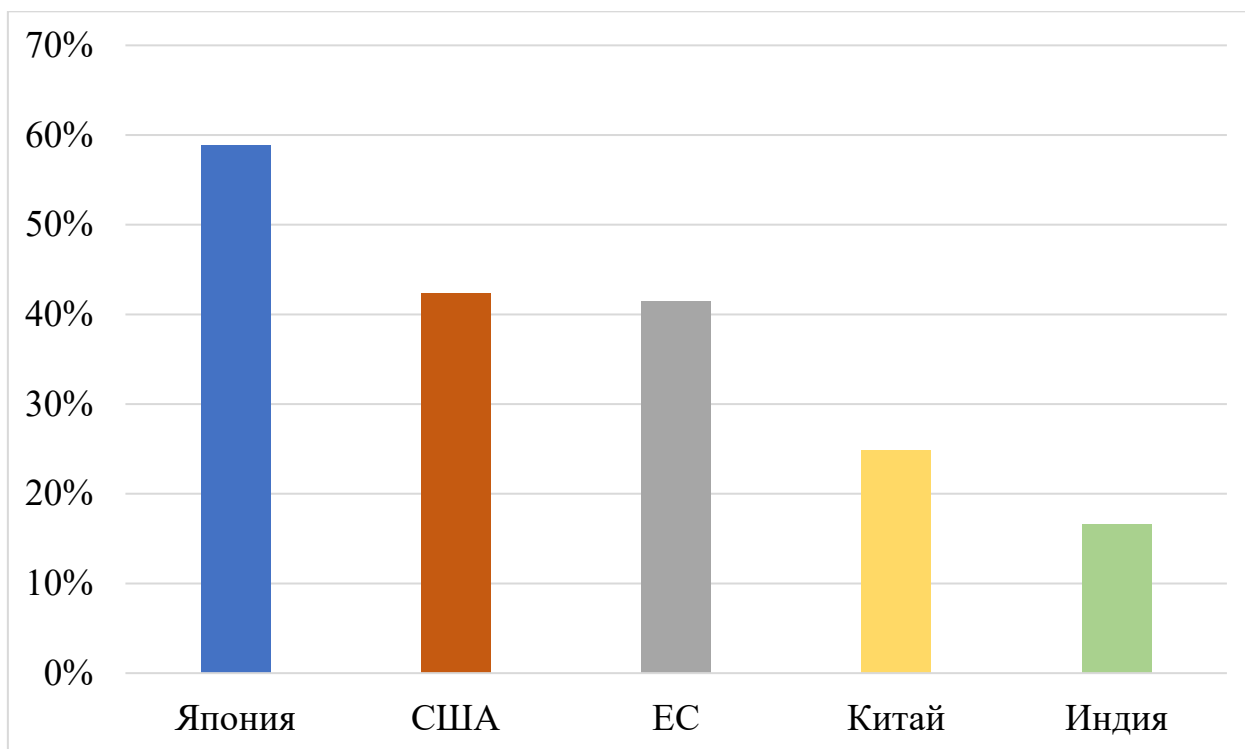

Рисунок 2.4 – Уровень доверия в ЮВА к внешним державам, их политике и решениям в 2024 г., %

Источник: составлено по данным Seah, S. et al. The State of Southeast Asia: 2024 Survey Report. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2024, P. 62.

Не менее значимым механизмом экономической дипломатии являются ПИИ японских компаний, поощряемые и направляемые государством в стратегически важные страны. Японские частные инвестиции сыграли ключевую роль в индустриализации ЮВА. После соглашения «Плаза»¹⁷⁵ и укрепления иены японские производства массово перемещались в страны АСЕАН, что привело к созданию новых рабочих мест и трансферу технологий. Сегодня

¹⁷⁴ The state of Southeast Asia 2024 survey report // ISEAS - Yusof Ishak Institute. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2024/03/The-State-of-SEA-2024.pdf> (accessed: 04.03.2025).

¹⁷⁵ Соглашение «Плаза» (Plaza Accord), подписанное 22 сентября 1985 г. в Нью-Йорке представителями пяти ведущих экономик (США, Японии, ФРГ, Великобритании и Франции) было направлено на координированную девальвацию доллара США. Это решение стало ответом на чрезмерное укрепление доллара, которое негативно сказывалось на конкурентоспособности американского экспорта и способствовало росту торгового дефицита. В рамках соглашения Япония согласилась на меры, способствующие укреплению иены. В результате курс иены к доллару вырос более чем на 50% в течение двух лет. Это привело к снижению конкурентоспособности японского экспорта и побудило японские компании переносить производство в страны с более низкими издержками, особенно в государства АСЕАН. Такой перенос способствовал созданию рабочих мест и передаче технологий в принимающих странах, а также укреплению экономических связей между Японией и ЮВА.

Япония стабильно входит в число крупнейших инвесторов в ЮВА наряду с Китаем, ЕС и США. В последние годы ее позиции особенно укрепились: например, в 2022 г. Япония стала вторым по величине источником ПИИ для стран АСЕАН с объемом 27,2 млрд долл., показав рост инвестиций на 30% по сравнению с предыдущим годом¹⁷⁶. На рисунке 2.5 представлена динамика прямых японских инвестиций в страны АСЕАН за 2017-2024 гг. После снижения в 2020 г., вызванного спадом из-за пандемии, объёмы ПИИ начали стремительно восстанавливаться. В 2021 г. суммарный объём инвестиций достиг 25 млрд долл. В 2022 г. Япония заняла второе место среди всех инвесторов АСЕАН, вложив 27,2 млрд долл. Основные получатели капитала Сингапур, Вьетнам, Таиланд и Индонезия. В 2023 г., по данным предварительного отчёта JICA и MOFA, объём японских ПИИ в АСЕАН сохранился на высоком уровне 27,5 млрд долл. В 2024 г. наблюдается продолжение этого тренда: оценочный объём инвестиций достиг почти 28 млрд долл., несмотря на более сдержанную макроэкономическую динамику в Азии¹⁷⁷.

Этот устойчивый рост подтверждает, что Япония не просто остаётся одним из ведущих инвесторов, но и расширяет своё экономическое влияние в регионе, особенно в сферах устойчивой инфраструктуры, логистики, цифровой трансформации и промышленной кооперации. Фокус японской ОПР и прямых инвестиций продолжает смещаться в сторону сопряжения экономической выгоды с региональной стабильностью, усиливая элементы «гибкой силы» Токио в АТР.

¹⁷⁶ Chairman's statement of the 43rd ASEAN summit Jakarta, Indonesia // The ASEAN Secretariat. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2023/09/2023-43rd-ASEAN-Summit-CS.pdf> (accessed: 04.03.2025).

¹⁷⁷ JICA Report 2024 // JICA. URL: https://www.jica.go.jp/english/about/disc/report/2024/_icsFiles/afield-file/2025/07/17/2024-EN-all_1.pdf (accessed: 04.03.2025).

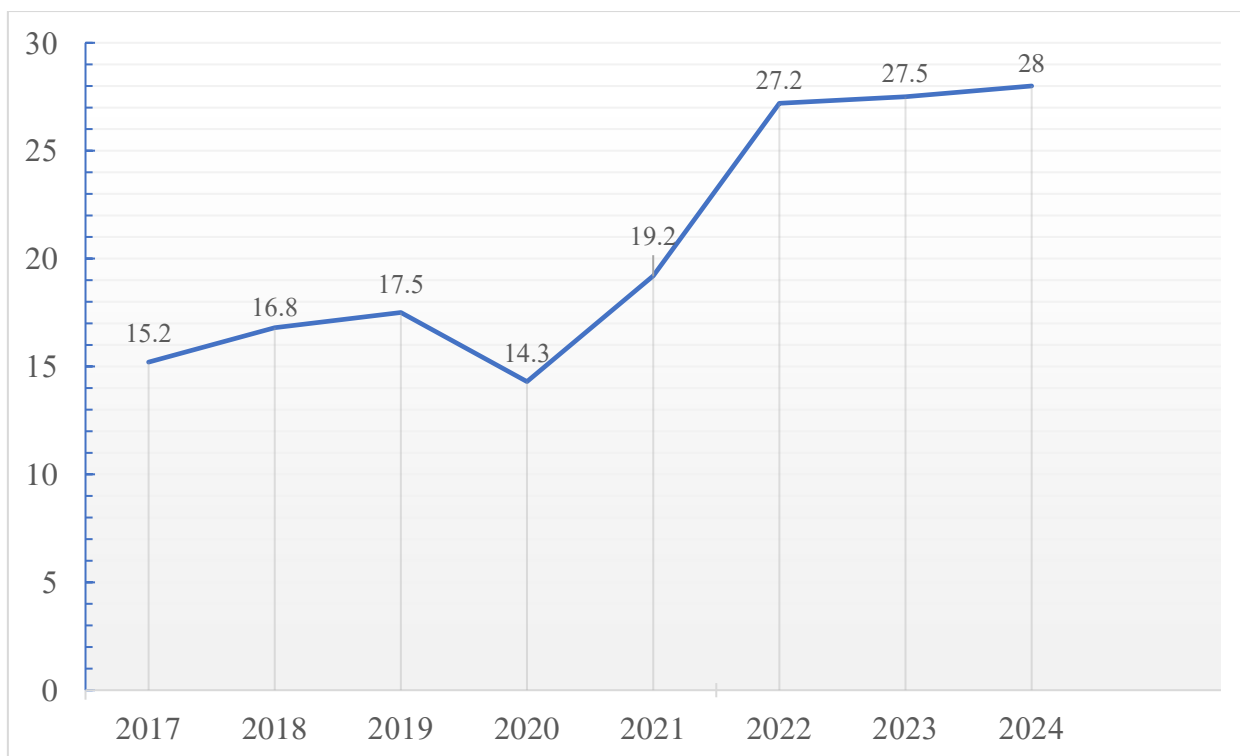

Рисунок 2.5 – Динамика прямых инвестиций Японии в страны АСЕАН 2017-2024 гг., млрд долл. США.

Источник: составлено по данным ASEAN Secretariat. ASEAN Investment Reports 2017-2024: FDA Trends and Regional. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2018-2024. URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/asean-investment-reports> (accessed: 12.04.2025).

Рост японских инвестиций в ЮВА свидетельствует о взаимовыгодности экономических связей: японские фирмы получают новые рынки и производственные площадки, а страны-реципиенты – капитал и технологии для развития. Государство стимулирует эти процессы с помощью финансовых гарантий, соглашений об избежании двойного налогообложения, а иногда и преференциальных кредитов под конкретные проекты. В то же время инвестиционная экспансия служит и дипломатическим целям – укреплению долгосрочных союзов. Так, правительства стран АСЕАН стабильно высоко оценивают вклад японского бизнеса в социально-экономическое развитие региона, что формирует благоприятный политико-дипломатический фон для углубления двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества с Токио. Согласно данным Конференции ООН по торговле и развитию, Япония в 2022 г. заняла второе место среди крупнейших стран-доноров ПИИ в мире, направив за рубеж

161 млрд долл.¹⁷⁸ Значительная часть этих инвестиций традиционно приходится на регион ЮВА, где АСЕАН выступает в качестве одного из приоритетных направлений японской экономической дипломатии (таблица 2.2).

Таблица 2.2 – Страны ЮВА во внешней торговле Японии, 2023 г.

Страна	Экспорт		Импорт	
	Объем, тыс. долл.	Доля, %	Объем, тыс. долл.	Доля, %
Всего	737 845 678	100	758 108 538	100
АСЕАН	1144 393 567	15,5	112 175 933	15
Сингапур	23 404 482	3,2	9 740 899	1,3
Таиланд	32 249 169	4,4	25 067 547	3,4
Малайзия	13 940 312	1,9	18 924 962	2,5
Индонезия	15 784 266	2,1	21 528 186	2,9
Филиппины	11 259 249	1,5	10 431 198	1,4
Бруней	99 108	-	2 338 543	0,3
Вьетнам	16 408 226	2,2	21 103 911	2,8
Лаос	133 383	-	155 799	-
Мьянма	695 016	0,1	1 279 129	0,2
Камбоджа	421 355	0,1	1 605 760	0,2

Источник: Статистика торговли и инвестиций Японии // JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 06.03.2025).

В условиях обостряющейся конкуренции с китайской инициативой ОПОП Япония выстраивает стратегию продвижения концепции ПКИ, направленной на удовлетворение растущих потребностей развивающихся стран Азии в модернизации их инфраструктурных объектов. Согласно оценкам АБР, к 2030 г. странам региона потребуется инвестировать свыше 1,7 трлн долл. США для обеспечения устойчивого развития и модернизации инфраструктуры¹⁷⁹. Осознавая масштаб этих потребностей, в мае 2015 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ инициировал программу ПКИ, предусматривающую мобилизацию 110 млрд долл. в течение последующих пяти лет для финансирования инфраструктурных проектов в Азии. Эта инициатива реализовывалась в

¹⁷⁸ Доклад о мировых инвестициях 2023 г. // Конференция Организации объединенных наций по торговле и развитию. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_overview_ru.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁷⁹ Стратегия 2030: Процветающий, инклюзивный, жизнестойкий и устойчивый Азиатско-Тихоокеанский регион // Азиатский банк развития. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/528646/strategy-2030-brochure-ru.pdf> (дата обращения: 04.03.2025).

тесном сотрудничестве с АБР, при этом около 50 млрд долл. предоставлялись непосредственно японским правительством, а оставшаяся сумма через механизмы АБР¹⁸⁰. В 2016 г., на фоне продолжающегося роста потребностей в инфраструктурных инвестициях и стремления усилить своё влияние в регионе, Япония объявила о расширении данной программы, увеличив общий объём инвестиций до 200 млрд долл. и распространив её действие на страны Африки и южной части Тихого океана. Расширенная программа охватывала более широкий спектр проектов, включая строительство портов, железных дорог, энергетических объектов и других ключевых инфраструктурных элементов, способствующих экономическому развитию и интеграции региона.

Ключевой особенностью японской стратегии является акцент на «качественной инфраструктуре», что подразумевает не только строительство объектов, но и обеспечение их долговечности, соответствия экологическим нормам, а также соответствие стандартам управления и прозрачности. В этом контексте Япония активно продвигала принципы «качественной инфраструктуры» на международных площадках. В 2016 г. на саммите G7 в Исе-Сима были приняты «Принципы G7 по продвижению качественных инфраструктурных инвестиций», включающие положения об эффективном управлении, надёжной эксплуатации, экономической эффективности с учётом затрат на протяжении всего жизненного цикла, а также безопасности и устойчивости к рискам, таким как природные катастрофы, терроризм и кибератаки¹⁸¹. В 2019 г. на саммите G20 в Осаке эти принципы были дополнительно утверждены и расширены в виде «Принципов G20 для качественных инфраструктурных инвестиций», которые подчёркивают важность максимизации положительного воздействия инфраструктуры для достижения устойчивого роста и развития, повышения экономической эффективности с учётом затрат на протяжении

¹⁸⁰ Инвестирование в процветающие, инклюзивные, жизнестойкие и устойчивые страны Азиатско-Тихоокеанского региона: презентация // Азиатский банк развития. URL: https://kase.kz/files/presentations/ru/ABD_presentation_16_03_22.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁸¹ G7 Ise-Shima Principles for Promoting Quality Infrastructure Investment // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000160272.pdf> (accessed: 04.03.2025).

всего жизненного цикла, интеграции экологических и социальных аспектов, а также укрепления инфраструктурного управления¹⁸².

Практическая реализация этих принципов проявляется в многочисленных проектах, финансируемых Японией в странах ЮВА. Например, в Индонезии при поддержке японских инвестиций было построено метро в Джакарте, открытое в 2019 г., что значительно улучшило транспортную ситуацию в столице. В Таиланде японские компании участвовали в модернизации железнодорожной инфраструктуры, а в Камбодже японская помощь способствовала реконструкции портовой инфраструктуры, включая порт Сиануквиль, и улучшению энергосетей. Кроме того, Япония активно поддерживает инициативы по региональной интеграции и взаимосвязанности. В частности, Токио оказывала содействие в реализации «Генерального плана АСЕАН по взаимосвязанности до 2025 г.», предоставляя техническую помощь и инвестиции в проекты, направленные на улучшение физической, институциональной и межличностной взаимосвязанности в регионе¹⁸³. Инфраструктурные инициативы Японии не только удовлетворяют непосредственные экономические потребности стран Азии, но и вплетены в более широкую стратегию установления норм и стандартов развития, альтернативных китайской модели. Их эффективность проявляется в укреплении позиций Японии как «архитектора» регионального порядка, где японская модель развития воспринимается многими соседями в ЮВА как эталон рационального и устойчивого инвестирования.

Резюмируя, традиционные инструменты экономической дипломатии Японии (ОПР, инвестиции, инфраструктурные проекты) продемонстрировали значительную эффективность. Они ускорили экономический рост многих стран ЮВА, улучшили отношение к Японии среди элит и населения этих стран (как показывают опросы и уровень доверия) и создали прочные взаимовыгодные связи. Вместе с тем, существуют и ограничения: бюджетные ограничения

¹⁸² G20 Principles for Quality Infrastructure Investment // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/g20/osaka19/pdf/documents/en/annex_01.pdf (accessed: 04.03.2025).

¹⁸³ Master Plan on ASEAN Connectivity 2025 // The ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-2025.pdf> (accessed: 04.03.2025).

заставили Японию сократить помощь; конкуренция с Китаем обострила «гонку инфраструктур», а ориентированность на экономическую выгоду иногда вызывала критику за недостаточное внимание к правам человека¹⁸⁴. Тем не менее, в сумме экономическая дипломатия остаётся мощным ресурсом влияния Токио.

В дополнение к этому, Япония активно инвестирует в культурную и образовательную сферу, развивая сотрудничество по данным направлениям, как важных компонент своей экономической политики. Осознание возможностей «мягкой силы», способности привлекать и убеждать через культуру, ценности и идеи привело к тому, что Токио наряду с экономическими инструментами все больше инвестирует в формирование позитивного образа страны за рубежом. Если в послевоенный период основой репутации Японии были экономические успехи и значительные финансовые вливания, то к началу XXI века фокус расширился: культура, образование, человеческий капитал стали рассматриваться как автономные направления дипломатии, дополняющие традиционные экономические инструменты¹⁸⁵.

Культурная дипломатия Японии сегодня охватывает широкий спектр инициатив от поддержки японского языка и традиционной культуры за рубежом до продвижения современного поп-культуры (аниме, манги, музыки) и спорта. При MOFA действует специальное подразделение по культурным связям, тесно сотрудничающее с Японским фондом – автономной организацией, ответственной за популяризацию японской культуры за рубежом. Ежегодно при поддержке фонда проводятся сотни мероприятий по всему миру: выставки искусства, гастроли театров Но и Кабуки, мастер-классы по чайной церемонии и икэбанае, а также фестивали современного японского кино, анимации и моды. Например, по линии посольств реализуется программа «Проекты культурных

¹⁸⁴ Паксютов Г. Д. Экономическая активность Японии в АТР: эволюция стратегии в меняющихся условиях // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-aktivnost-yaponii-v-atr-evolyutsiya-strategii-v-menyayuschih-sya-usloviyah> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁸⁵ Программы Японского фонда // Центр Японской Культуры «The Japan Foundation». URL: <https://jpfmw.ru/ru/programmyi/programmyi-yaponskogo-fonda.html> (дата обращения: 12.04.2025).

миссий», в рамках которой за границу направляются эксперты по различным аспектам культуры от боевых искусств до архитектуры с лекциями и показателями¹⁸⁶. С 2010-х годов правительство запустило бренд «Cool Japan», направленный на привлечение интереса молодежи мира к японским поп-трендам. В результате этих усилий японская массовая культура приобрела глобальную популярность, а Япония закрепила имидж страны с уникальным сочетанием традиций и инноваций. Социологические опросы подтверждают эффективность: Японию высоко ценят за культурное влияние, ее положительный образ особенно силен среди молодежи стран Азии. Это создает благоприятный фон для политического диалога, страны ЮВА охотнее идут на сотрудничество с государством, которое воспринимается через призму привлекательной культуры и ценностей.

Другим приоритетом стала образовательная и научная дипломатия. Япония стремится укреплять связи с зарубежными элитами «через аудитории и лаборатории». Ещё с 1980-х годов Токио предоставляет стипендии правительства (МЕХТ) тысячам иностранных студентов для обучения в японских университетах¹⁸⁷. Особый упор делается на страны Азии: например, по официальным данным, ежегодно более десяти тысяч студентов из стран АСЕАН обучаются в Японии по разным программам. После возвращения на родину эти выпускники зачастую занимают важные посты и становятся естественными «друзьями» Японии, понимающими ее общество и язык. Для поддержания длительных связей MOFA создает ассоциации выпускников японских вузов и курсов, проводит для них семинары и встречи¹⁸⁸. Параллельно, с 2000-х годов Япония приглашает к себе молодых лидеров и специалистов через короткие программы обменов. Так, программа JENESYS (Japan-East Asia Network of

¹⁸⁶ Шурыгина О. А. К вопросу о культурной дипломатии в Японии // V Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Олега Марковича Готлиба, Иркутск, 19-21 октября 2021 г. Иркутск: Иркутский государственный университет. 2021. С. 269-276.

¹⁸⁷ Planning to Study in Japan // Japan Student Services Organization. URL: <https://www.studyinjapan.go.jp/en/planning/scholarships/> (accessed: 12.04.2025).

¹⁸⁸ Diplomatic Bluebook 2024 // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2024/pdf/pdfs/2024_all.pdf (accessed: 12.04.2025).

Exchange for Students and Youth), запущенная в 2007 г., ежегодно финансирует поездки тысяч школьников и студентов из АСЕАН и других азиатских стран для ознакомления с Японией (рисунок 2.6).

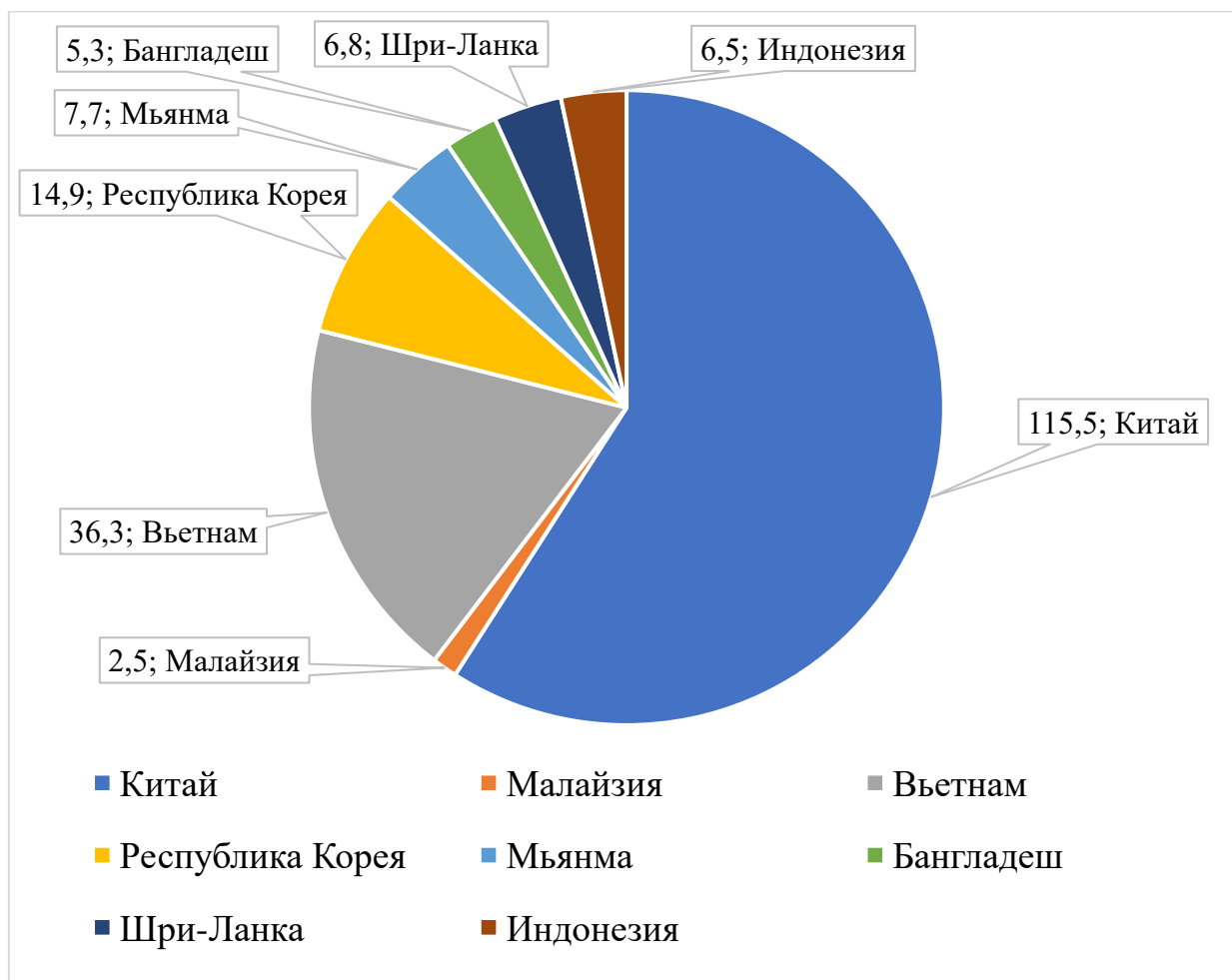

Рисунок 2.6 – Распределение числа иностранных студентов в Японии по состоянию на 2023 г., тыс. чел.

Источник: составлено по данным Японской организации студенческих услуг (JASSO). URL: https://www.jasso.go.jp/en/ryugaku/related_information/chosa.html (дата обращения: 12.04.2025).

В 2023 г., когда отмечалось пятидесятилетие партнерства Япония-АСЕАН, в Токио прошла совместная студенческая конференция в рамках JENESYS с участием молодежи десяти стран региона¹⁸⁹. Всего же, по данным MOFA, около двух тысяч молодых иностранцев приняли участие в рамках программ обменов в 2023 г., посещая лекции японских экспертов, предприятия и культурные объекты. Эти контакты «народной дипломатии» призваны

¹⁸⁹ Japan Friendship Ties Programs «JENESYS» // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page24e_000354.html (accessed: 12.04.2025).

создать широкую сеть личных связей и симпатий. По отзывам участников, обмены помогают разрушить стереотипы и сформировать у нового поколения лидеров позитивный образ Японии.

Еще одной важной инициативой является программа JET (Japan Exchange and Teaching), которая с конца 1980-х приглашает молодых специалистов из разных стран (в том числе из США, Европы, Азии) преподавать иностранные языки в школах японской провинции или работать координаторами международных связей в местных органах власти¹⁹⁰. За три десятилетия по программе JET в Японии поработали десятки тысяч выпускников зарубежных университетов, многие из которых затем стали дипломатами, бизнесменами, учеными с прочными связями с Японией. Аналогично, через JICA ежегодно сотни экспертов из стран ЮВА проходят стажировки в японских компаниях и государственных структурах, перенимая опыт в области управления, медицины, образования¹⁹¹. Данные мероприятия приносят долгосрочные плоды: формируется прослойка людей, непосредственно знакомых с Японией и лояльно настроенных к ней. Неудивительно, что лидеры АСЕАН регулярно благодарят Японию за вклад в развитие человеческого капитала, например, на саммите в 2018 г. Токио объявил о планах подготовить 80 тыс. специалистов из стран АСЕАН в различных областях в течение 5 лет.

Относительно новым направлением культурно-образовательной политики стала спортивная дипломатия. В преддверии и после Олимпиады в Токио-2020 Япония финансирует программу «Sport for Tomorrow», включающую спортивные обмены, отправку японских тренеров за рубеж и донорство спортивного инвентаря в развивающиеся страны¹⁹². Например, Япония проинвестировала строительство спортивных площадок и стадионов в ряде стран ЮВА, а также пригласила спортсменов из данных стран на тренировочные сборы перед

¹⁹⁰ Welcome to the JET Programme // The Japan Exchange and Teaching Programme. URL: <https://jetprogramme.org/en/about-jet/> (accessed: 12.04.2025).

¹⁹¹ Training Programs // JICA. URL: <https://www.jica.go.jp/english/activities/issues/gender/background/training.html> (accessed: 12.04.2025).

¹⁹² Sport for Tomorrow // The Government of Japan. URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/winter2018/sport_for_tomorrow.html (accessed: 12.04.2025).

Олимпиадой. Япония в сотрудничестве с Паралимпийским комитетом и Национальным реабилитационным центром Лаоса предоставила инвалидные коляски для игры в баскетбол. Подобные инициативы улучшают народную дипломатию и укрепляют дружеские связи на уровне населения стран, поднимая рейтинг государства и его позитивный образ (рисунок 2.7).

Рисунок 2.7 – Цуняесу Миямото, бывший капитан национальной сборной Японии по футболу, на церемонии открытия созданной при его участии спортивной академии «Мали Мост» (г. Мостар, Босния и Герцеговина).

Источник: составлено по данным Японской организации студенческих услуг (JASSO). URL: https://www.jasso.go.jp/en/ryugaku/related_information/chosa.html (дата обращения: 12.04.2025).

Также Япония продвигает проекты взаимного признания квалификаций, сотрудничества университетов (создание сетей азиатских университетов, совместных исследовательских центров). В 2022 г. стартовал Японо-американский диалог по образованию на высоком уровне, а с ЕС и АСЕАН ведутся переговоры об упрощении академической мобильности студентов и преподавателей. Всё это свидетельствует о том, что японская дипломатия уделяет повышенное внимание культурно-гуманитарному измерению, видя в нем залог своего устойчивого влияния.

Эффективность данных подходов проявляется не сразу, а в виде накопленного социального капитала. Тем не менее, уже сейчас можно констатировать: Япония смогла создать разветвленную инфраструктуру дружеских связей в регионе ЮВА. В странах АСЕАН действуют десятки японских

культурных центров и курсов языка, тысячи выпускников японских вузов занимают ответственные должности, японские бренды и поп-культура стали частью повседневной жизни молодежи. В совокупности это дополняет экономическую мощь Японии ее идеологической привлекательностью, что крайне важно в условиях конкуренции великих держав за влияние. В отличие от «жесткой силы», «мягкая сила» экономической дипломатии создает глубинную лояльность и взаимопонимание¹⁹³. Так, несмотря на активную экономическую экспансию Китая в ЮВА, опросы показывают, что именно Япония воспринимается как желательный партнер региона. Это во многом результат успешной культурно-образовательной стратегии, которая снижает историческую настороженность (связанную с памятью о войне) и формирует дружеские отношения. Япония последовательно реализует доктрину Такэо Фукуда в новой эпохе через «мягкую силу», существенно дополняя этим свои экономические инвестиции. В целом, новые направления культурного и образовательного сотрудничества повысили комплексную эффективность японской экономической дипломатии¹⁹⁴. Если инвестиции и помощь обеспечивают материальную базу партнерства, то культура и образование – доверие и взаимопонимание. Взаимодополнение этих компонентов является важным инструментом влияния Японии в регионе ЮВА.

С другой стороны, японская экономическая дипломатия исторически была нацелена не только на получение личных выгод, но и на формирование бесконфликтной и предсказуемой среды в ЮВА, как благоприятного фактора реализации японских интересов. Сначала во время холодной войны Токио рассматривал экономическое развитие соседних стран как барьер против распространения коммунизма. В 1977 г. Доктрина Фукуды прямо провозгласила, что Япония будет «осуществлять вклад в мир и процветание» ЮВА невоенными

¹⁹³ Колдунова Е. В. Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI в.: опыт для России // Японские исследования. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-transformatsii-otnosheniy-yaponii-i-stran-yugo-vostochnoy-azii-vo-vtoroy-pолоvine-xx-nachale-xxi-v-opyt-dlya-rossii> (дата обращения: 13.08.2024).

¹⁹⁴ АСЕАН-Япония: достижения во многих сферах сотрудничества // Иллюстрированный журнал Вьетнам. URL: <https://vietnam.vnanet.vn/russian/асеан-япония-достижения-во-многих-сферах-сотрудничества/420652.html> (accessed: 12.04.2025).

методами и станет «партнером АСЕАН на равноправной основе»¹⁹⁵. В постбиполярный период эта линия трансформировалась в концепцию поддержания «региональной архитектуры безопасности с опорой на многосторонность и экономическую взаимозависимость» в интересах Японии.

Экономическая дипломатия Японии сыграла важную роль в преодолении финансовых кризисов, которые угрожали политической стабильности региона. Во время Азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. японское правительство, хотя и медленнее, чем хотелось партнерам, но все же пришло на помощь странам ЮВА. Министр финансов Киити Миядзава объявил специальный финансовый кредит (43 млрд долл., известный как «Инициатива Миядзавы»), направленный на поддержку экономик Таиланда, Индонезии, Республики Кореи¹⁹⁶. Кроме того, Токио выступил с идеей создания Азиатского валютного фонда для предотвращения будущих кризисов, хотя эта идея не осуществилась из-за сопротивления США, она показала стремление Токио взять на себя ответственность за финансовую стабильность региона. В последующие годы Япония активно участвовала в механизме Chiang Mai Initiative (сеть двусторонних валютных свопов между странами АСЕАН+3), благодаря которому (хотя и при определенной поддержке стран G20) ни один из последующих глобальных кризисов 2008 г. и 2020 г. не привел к дестабилизации валют ЮВА, дополнительно укрепив японские позиции в регионе.

С начала 2000-х Япония стала инициатором множества многосторонних диалоговых площадок по безопасности в АТР, используя свое влияние и ресурсы для институционализации взаимодействия. Важнейшим шагом было создание по предложению Японии и Австралии в 1994 г. Регионального форума АСЕАН (АРФ) – первой в Азии многосторонней площадки для обсуждения военных вопросов с участием всех крупных держав, являющихся партнерами

¹⁹⁵ Рахович Н. В. Деятельность Японии в АСЕАН (1987-2015 гг.) // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 1. Философия. Политология. Социология. 2023. № 1. С. 66-70.

¹⁹⁶ Буклина П. А. Факторы развития валютной и банковской системы Китая. Чиангмайская инициатива // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-razvitiya-valyutnoy-i-bankovskoy-sistemy-kitaya-chiangmayskaya-initsiativa> (дата обращения: 13.08.2025).

по диалогу с организацией. Япония сыграла значительную роль в запуске АРФ, предоставив дипломатическую поддержку и финансирование его секретариата¹⁹⁷. В последующие годы Токио продвигал идеи регулярных саммитов Восточной Азии, что вылилось в формирование Восточноазиатского саммита в 2005 г., а также форума министров обороны АСЕАН+, начавшего свою работу в 2010 г. Эти структуры не являются экономическими по сути, но их появление стало возможным во многом благодаря атмосфере продуктивного диалога, созданной долгосрочным экономическим партнерством Японии с АСЕАН. Японские дипломаты нередко ссылались на экономическую взаимозависимость как основу для диалога по военным вопросам. В результате страны ЮВА получили механизмы коллективного обсуждения проблем (терроризм, морская безопасность, стихийные бедствия и т.п.) при поддержке Японии, что само по себе, по замыслу Токио, было бы стабилизирующим фактором, уменьшающим риск недопонимания и конфликтов¹⁹⁸.

Непосредственно в военно-стратегической сфере японская экономическая дипломатия трансформировалась в последние годы, приобретая черты сотрудничества через экономику. Речь прежде всего о помощи в укреплении «мореходной безопасности», то есть, фактически, о военно-морских интересах США и их союзников. В связи с ростом напряженности в ЮКМ, где Китай активно оспаривает притязания Филиппин, Вьетнама и других стран, Япония решила поддержать партнеров. С начала 2010-х годов Токио стал поставлять прибрежным государствам береговую охранную технику на льготных условиях. Так, японские кредиты в рамках ОПР профинансировали поставку 12 патрульных катеров береговой охраны Филиппинам для усиления возможностей государства по охране эксклюзивной экономической зоны¹⁹⁹. Данные

¹⁹⁷ Канаев Е. А., Падерина С. А. Региональному Форуму АСЕАН – 25 лет // Запад-Восток-Россия 2019. Ежегодник. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 137-141. URL: <https://publications.hse.ru/view/410110139> (дата обращения: 14.04.2025).

¹⁹⁸ Эксперты РСМД и ИМЭМО обсудили отношения России с Индией и КНР // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/news/eksperty-rsmd-i-imemo-obsudili-otnosheniya-rossii-s-indiei-i-knr/?sphrase_id=220924471 (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁹⁹ Филиппины закупят у Японии еще 5 патрульных кораблей // АО «АЭИ «ПРАЙМ» URL: <https://1prime.ru/20240515/filippiny-848217417.html> (дата обращения: 12.04.2025).

современные суда, построенные в Японии, были переданы в 2016-2018 гг. и сразу направлены для патрулирования спорных районов у рифа Скарборо и Второй отмели Томаса (мыс Аюгин). Подобным же образом, Вьетнам получил от Японии несколько бывших японских патрульных кораблей и радиолокационное оборудование для слежения за акваторией. Хотя формально эти поставки проходят по линии гражданской ОПП по статье «укрепление возможностей морской полиции», фактически же они имеют прямое военное значение для стран АСЕАН.

Данные кейсы являются примером того, как экономическая дипломатия, выражающаяся в льготном финансировании подобных проектов, принимает военно-политическое содержание. В 2023 г. Япония еще больше усилила подобную поддержку, запустив новую программу OSA вне рамок ОПП в целях предоставления оборонного оборудования партнерским странам. Первыми получателями стали Филиппины: Токио осуществил им поставки оборудования на 15 млн долл. (катера, радары, связь) в 2023-2024 гг. Подобные инициативы показывают готовность Японии расходовать финансовые ресурсы напрямую на укрепление военных возможностей ЮВА, что является ответом на растущую напряженность в регионе²⁰⁰.

Японская экономическая дипломатия заявляет о поддержке стабильности «принципов верховенства права и мирного урегулирования споров в регионе». Используя свой статус крупнейшего инвестора и донора, Токио постоянно артикулирует в совместных документах с АСЕАН важность «свободой навигации, соблюдения международного права (UNCLOS) и мирного разрешения споров». Например, в заключительном заявлении саммита Япония-Меконг 2015 г., в котором приняли участие лидеры Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Таиланда, Вьетнама, японской стороной были выражены общие «озабоченности ситуацией в Южно-Китайском море», с отсылкой на то, что данная

²⁰⁰ Больше не наблюдатель? Япония наращивает поставки военной продукции в регионе // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bolshe-ne-nablyudatel-yaponiya-narashchivaet-postavki-voennoy-produktsii-v-regione/> (дата обращения: 12.04.2025).

ситуация подрывает доверие и стабильность стран друг к другу. Японская помощь странам Меконга (6,82 млрд долл. за 2015-2018 гг.) фактически была увязана с более активной позицией этих стран в «поддержке региональной стабильности и международных норм»^{201, 202}. Такого рода дипломатия якобы стимулирует страны ЮВА к консолидированному и ответственному поведению. Япония последовательно поддерживает «центральную роль АСЕАН в архитектуре безопасности» финансируя секретариат организации, программы обмена по безопасности, такие как тренинги по кибербезопасности, совместные учения по гуманитарному реагированию и т.д.²⁰³ Подобный всеобъемлющий подход Японии, когда экономические, культурные и политические меры объединяются, напрямую связан с противодействием китайской политике в ЮВА и реализацией стратегических целей Токио.

Наконец, нельзя не упомянуть долгосрочный эффект японской экономической дипломатии: сформировавшаяся в ЮВА плотная сеть экономических связей с Японией сама по себе является фактором относительной стабильности. Взаимные выгоды торговых, инвестиционных и туристических потоков сдерживают страны от конфликтов, так как любые потрясения грозят значительными экономическими потерями. Япония является одним из главных торговых партнеров АСЕАН с оборотом 240 млрд долл. в 2024 г., ежегодно регион посещают миллионы японских туристов, десятки тысяч компаний действуют по всему ЮВА²⁰⁴. Это создает эффект «миротворческой торговли», согласно либеральной теории международных отношений: высокая экономическая взаимозависимость снижает вероятность войн и кризисов²⁰⁵. Конечно, эту взаимозависимость Япония разделяет и с Китаем, и с США, однако в случае ЮВА

²⁰¹ Япония выделит около 7,4 млрд долларов экономической помощи странам Меконга // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/567930> (дата обращения: 12.04.2025).

²⁰² The Eighth Mekong-Japan Summit Meeting // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page3e_000567.html (accessed: 12.04.2025).

²⁰³ Initiative for ASEAN integration (IAI) Work plan IV (2021-2025) // The ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/IAI-workplan-IV.pdf> (accessed: 12.04.2025).

²⁰⁴ Overview of ASEAN-Japan Comprehensive Strategic Partnership // The ASEAN Secretariat URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/07/Overview-of-ASEAN-Japan-CSP-full-version-as-of-July-2024.pdf> (accessed: 12.04.2025).

²⁰⁵ Gartzke E. The Capitalist Peace // American Journal of Political Science. 2007. № 51 (1). P. 166-191. URL: <https://ideas.repec.org/a/wly/amposc/v51y2007i1p166-191.html> (accessed: 14.04.2025).

она дополнена активным дипломатическим диалогом и отсутствием острых двусторонних проблем. В отличие от ряда других держав, Токио не воспринимается как угроза суверенитету стран АСЕАН (нет территориальных споров, нет навязывания идеологии), а напротив, видится как гарант стабильности в противоположность экстремальному сценарию трампизма. Политологи характеризуют современную роль Токио в ЮВА как роль «стабилизатора второго плана», Япония за счет экономического влияния и дипломатии «мягкой силы» обеспечивает условия, при которых конфликты маловероятны и баланс сил сохраняется²⁰⁶.

Вместе с тем, региональная напряженность продолжает нарастать, и перед японской экономической дипломатией стоят новые вызовы. Усиление роли Китая в ЮВА через торговлю, инвестиции, проекта ОПОП требует от Японии еще большего взаимодействия с АСЕАН²⁰⁷. Пока что Токио успешно и аккуратно лавирует, чтобы не быть втянутым в жесткую конфронтацию с Пекином в регионе ЮВА. Страны АСЕАН ценят вклад Японии, но также не желают выбирать сторону между Японией, США и Китаем. Поэтому японская дипломатия пытается сохранять баланс, усиливать поддержку военного потенциала ЮВА, не переходя грань, которая выглядела бы как формирование антикитайского блока. Понимая это, Япония действует через обучение и технику; продвигает инклюзивные концепции (Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион, но с центральной ролью АСЕАН). Она участвует вместе с США, Австралией и Индией в диалоге QUAD, но параллельно налаживает коммуникацию и с Китаем, и с Россией²⁰⁸.

Японская экономическая дипломатия доказала свою эффективность как инструмент поддержания стабильности и развития в ЮВА. Через финансовую

²⁰⁶ Liff A. P. Proactive Stabilizer: Japan's Role in the Asia-Pacific Security Order // *The Crisis of Liberal Internationalism: Japan and the World Order*. Washington, DC: Brookings Institution Press. 2020. 39-78 p.

²⁰⁷ Что такое инициатива «Пояс и путь», зачем она Китаю и полезна ли России? // РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6308bea09a7947ff4889b9b6> (accessed: 12.04.2025).

²⁰⁸ Кузнецов М. К. Торгово-экономическая стратегия Китая в Юго-Восточной Азии: исторический контекст и современные тенденции // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2024. № 4 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskaya-strategiya-kitaya-v-yugo-vostochnoy-azii-istoricheskii-kontekst-i-sovremennye-tendentsii> (дата обращения: 13.08.2025).

помощь, инвестиции, торговлю и инфраструктурные проекты Япония десятилетиями стимулировала развитие региона и укрепляла здесь свои позиции. Через культурные и образовательные обмены она создала доверие и смягчила историческую память народов. Именно в тихой, постепенной экономической работе кроется значительный стабилизирующий потенциал. Можно утверждать, что без японского экономического присутствия и поддержки ЮВА сегодня была бы менее стабильной и процветающей²⁰⁹.

2.3. Новые вызовы для Японии в АТР и адаптация внешнеполитических приоритетов в отношении ЮВА

Начало XXI века характеризуется стремительной трансформацией стратегической среды в АТР, обусловленной смещением глобального центра силы и усилением конкуренции между ведущими державами. Прежняя однополярная структура с доминирующей ролью США как главного конструктора международных институтов, постепенно утратила устойчивость, уступая место более полицентричной, фрагментированной и конфликтогенной системе. Это обусловлено не только внутренними сдвигами в американской политике, но и экспоненциальным ростом альтернативных центров силы, прежде всего КНР, которая к 2020-м годам превратилась в системного конкурента США и претендента на лидерство в регионе²¹⁰.

Новая стратегическая реальность проявляется в эскалации геоэкономической и военно-политической конкуренции, особенно заметной в дуальном противостоянии между Пекином и Вашингтоном, к которому постепенно вовлекаются союзники обеих сторон²¹¹. Регион охватывается сетью перекрещивающихся альянсов, инфраструктурных инициатив и нормативных рамок,

²⁰⁹ ASEAN outlook on the Indo-Pacific // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed: 12.04.2025).

²¹⁰ Why ASEAN should not be a US-China battleground // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/articles/why-asean-should-not-be-a-us-china-battleground/> (accessed: 12.04.2025).

²¹¹ «America first» cannot mean «America alone»: Engaging Southeast Asia // The Brookings Institution URL: <https://www.brookings.edu/articles/america-first-cannot-mean-america-alone-engaging-southeast-asia/> (accessed: 12.04.2025).

каждая из которых претендует на определение правил взаимодействия. В этих условиях Япония, исторически тесно связанная с США, но в то же время обладающая глубокой экономической взаимозависимостью с Китаем, оказывается в положении стратегического узла, вынужденного выстраивать собственную парадигму адаптации.

Наиболее наглядным индикатором смещения баланса сил стало обострение асимметрии в экономическом потенциале Японии и Китая. В 2010 г. КНР впервые обошла Японию по объёму номинального валового внутреннего продукта, впервые став второй экономикой мира, что символизировало переломный момент в региональной геоэкономике (рисунок 2.8). Согласно данным Международного валютного фонда, к 2024 г. ВВП Китая более чем втрое превысил японский, что закрепило за Пекином статус главного геоэкономического актора в регионе²¹². При этом характер китайской экспансии был не только количественным, но и институциональным: Китай выстраивает параллельную модель экономической интеграции, опирающуюся на инфраструктуру, торговлю и финансовые зависимости, способные обеспечить институциональную вовлечённость стран ЮВА через инвестиции, торговлю, инфраструктуру и кредитную зависимость.

Примером служит масштабная инициатива ОПОП, запущенная с 2013 г., в рамках которой Китай инвестировал сотни миллиардов долларов в стратегически важные транспортные, энергетические и цифровые коридоры²¹³. Эффект от этой инициативы особенно ощутим в ЮВА: уже к 2009 г. Китай вытеснил Японию с позиции главного торгового партнёра АСЕАН, а к 2024 г. доля Китая в совокупной внешней торговле объединения достигла 19%, тогда как японская составляющая упала ниже 9%. Это свидетельствует о

²¹² Download World Economic Outlook database: October 2024 // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October/weo-report> (accessed: 12.04.2025).

²¹³ China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2024 // Center of the Fanhai International School of Finance. URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2024> (accessed: 12.04.2025).

перераспределении регионального влияния в пользу Пекина, включая смещение центров нормативного и инвестиционного притяжения²¹⁴.

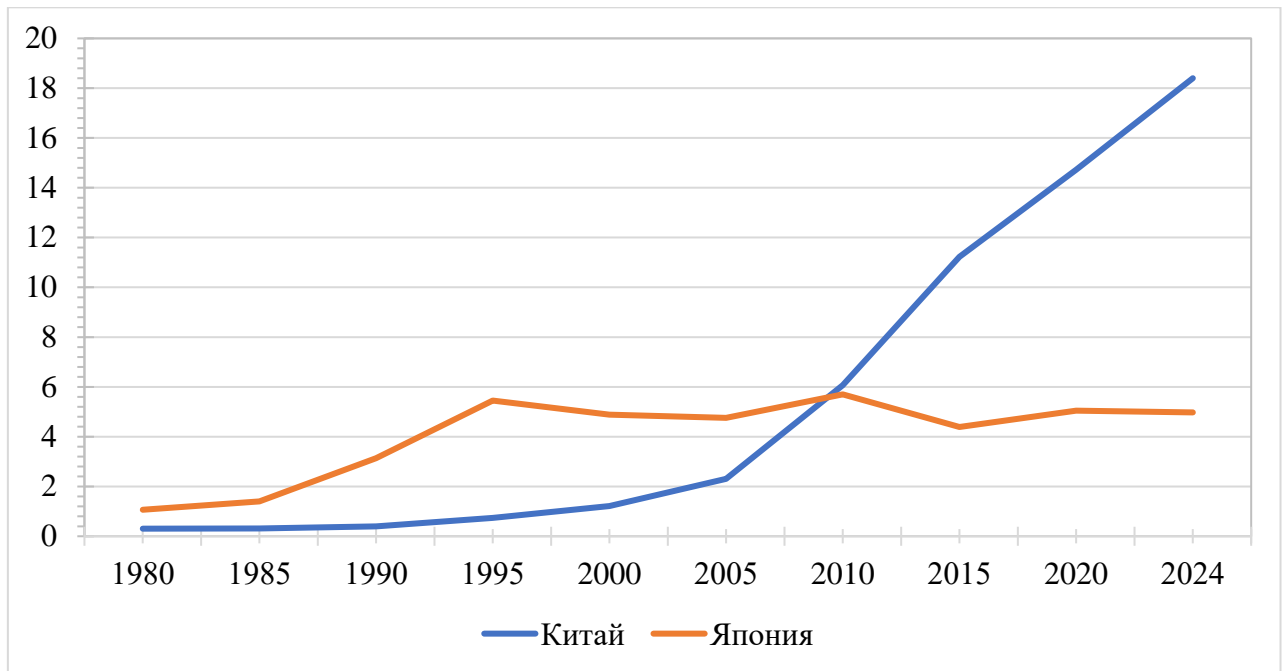

Рисунок 2.8 – Динамика ВВП Китая и Японии
(1980-2024 гг., трлн долл. США)

Источник: Динамика ВВП Японии и других стран мира // BusinessForecast.by. URL: <https://businessforecast.by/partners/rejting-stran-mira-po-vvp-v-tekushhih-cenah-v-1980-2024-gg/> (accessed: 14.04.2025).

В то же время экспансия Китая проявляется и в военно-стратегическом измерении. Начиная с 2010-х годов Пекин последовательно укрепляет военное присутствие в Восточно-Китайском и ЮКМ, модернизируя базовую инфраструктуру на спорных островах, развивая флот и расширяя зону патрулирования. КНР официально интерпретирует данные шаги как необходимые меры по защите суверенитета и обеспечению безопасности жизненно важных морских коммуникаций (таблица 2.3). Однако в японском стратегическом мышлении они воспринимаются как подрыв основ международного морского права и как потенциальная угроза балансу сил в регионе.

²¹⁴ Military and security developments involving the People's Republic of China 2024. Annual report to Congress // U.S. Department of Defense URL: <https://media.defense.gov/2024/Dec/18/2003615520/-1/-1/0/military-and-security-developments-involving-the-peoples-republic-of-china-2024.pdf> (accessed: 12.04.2025).

Таблица 2.3 – Эволюция военного присутствия КНР в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях (2010-2024 гг.)

Показатель	2010	2015	2020	2024
Численность кораблей боевого состава ВМС НОАК (ед.)	220	255	360	375
Суммарная площадь намывных территорий на Спратли (акры)	0	3 200	3 200	3 200
Количество авиационных ангаров на Спратли (ед.)	0	0	72	72
Количество действующих ВПП $\geq 3\ 000$ м на Спратли (ед.)	0	1	3	3
Дни присутствия китайских судов в 24-мильной зоне Сенкаку (дней в году)	0	288	333	353
Дни патрулей китайской береговой охраны у Банка Вангард (дней в году)	0	0	142	354

Источник: Министерство обороны США. Ежегодный доклад о военной мощи Китая (China Military Power Report) // U.S. Department of Defense. url: <https://media.defense.gov/2024/dec/18/2003615520/-1/-1/0/military-and-security-developments-involving-the-peoples-republic-of-china-2024.pdf> (accessed: 19.04.2025).

Реакция Японии носит многослойный характер. С одной стороны, Токио активизирует военную дипломатию и усиливает двусторонние форматы сотрудничества с государствами ЮВА²¹⁵. С другой стороны, идёт институционализация новых альянсов, прежде всего в рамках QUAD, а также через продвижение концепции FOIP, в которой Токио позиционирует себя как ключевой нормативный архитектор и посредник между либеральными и региональными подходами к безопасности²¹⁶. Концепция FOIP, сформулированная Японией в 2016 г., делает акцент на «соблюдении международного права», «свободе мореплавания» и продвижении стандартов «качественной инфраструктуры», как альтернативы китайской ОПОП, и представляет собой нормативно-ценностный каркас японской экономической дипломатии (рисунок 2.9).

²¹⁵ Gomez J., Nuga H. Japan and the Philippines Sign Defense Pact in the Face of Shared Alarm Over China // The Diplomat. 2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/07/japan-and-the-philippines-sign-defense-pact-in-the-face-of-shared-alarm-over-china/> (accessed: 19.04.2025).

²¹⁶ Towards Free and Open Indo-Pacific // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000407643.pdf> (accessed: 12.04.2025).

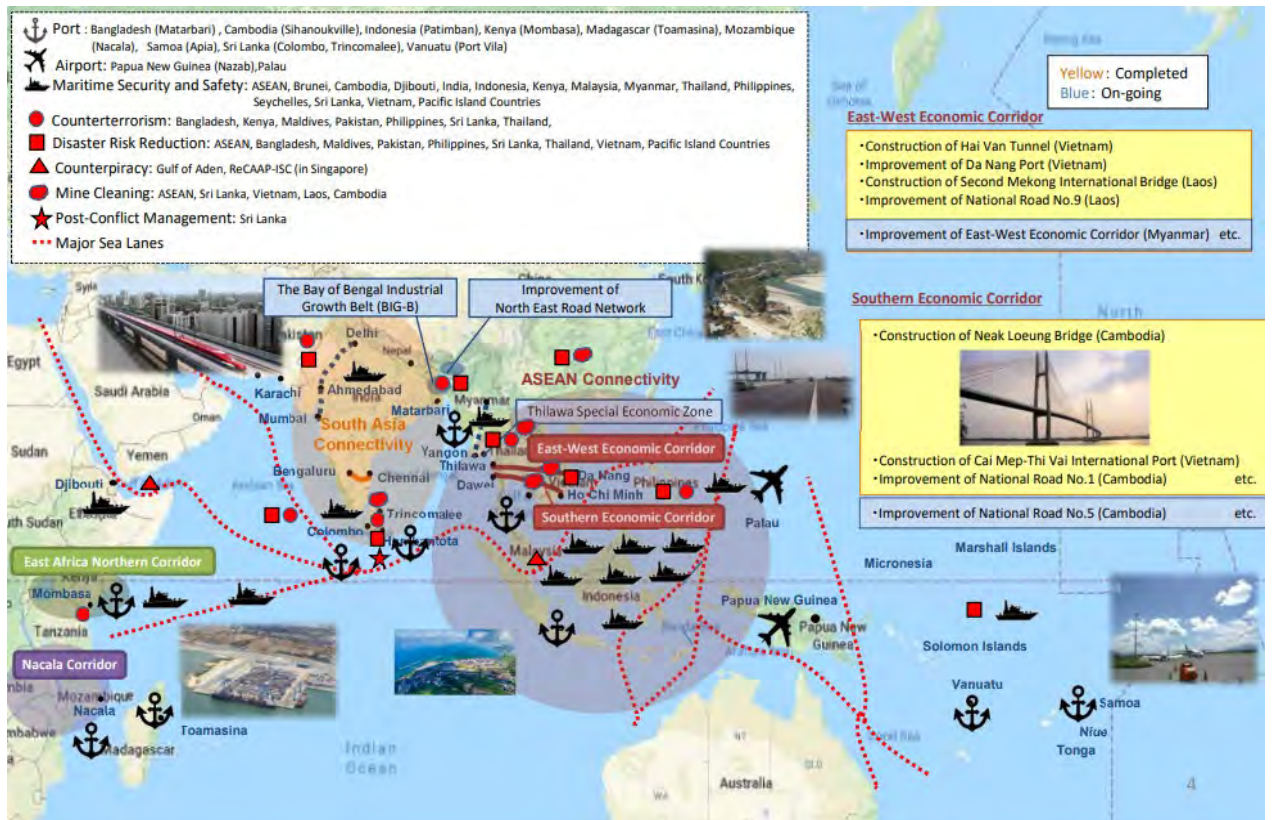

Рисунок 2.9 – Инфраструктурные и морские инициативы в рамках концепции FOIP

Источник: Ministry of Defense of Japan. *Free and Open Indo-Pacific Strategy*. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/india_pacific/india_pacific-en.html (accessed: 19.04.2025).

Наряду с усилением китайского влияния самостоятельным источником стратегической турбулентности для Японии стали изменения американской внешнеэкономической и внешнеполитической линии. После победы Д. Трампа США уже в январе 2017 г. официально отказались от участия в ТТП, тем самым обозначив отход от прежней модели лидерства, основанной на многосторонних торговых режимах, институциональных правилах и поддержании предсказуемой нормативной среды. В последующие годы Вашингтон всё заметнее смещался к логике одностороннего давления, где центральное место заняли тарифы, пересмотр условий доступа на рынок и подчёркнутый приоритет национального интереса над режимной устойчивостью²¹⁷. Для Японии такая эволюция имела не только экономические, но и политико-стратегические последствия, поскольку под вопросом оказалась надёжность США как

²¹⁷ Trump withdrawing from the Trans-Pacific Partnership // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/articles/trump-withdrawing-from-the-trans-pacific-partnership> (accessed: 12.04.2025).

системообразующего актора, обеспечивавшего воспроизводство привычной архитектуры порядка в АТР.

Возвращение Д. Трампа в Белый дом в 2025 г. не изменило эту траекторию, а сделало её более жёсткой и менее предсказуемой. Уже 2 апреля 2025 г. администрация США ввела новый режим «взаимных тарифов», причём тарифное давление распространилось и на союзников, включая Японию: Токио публично охарактеризовал эти меры как вызывающие разочарование и сожаление, а последующие переговоры показали, что даже союзнические отношения всё чаще переводятся Вашингтоном в транзакционный формат. Хотя в июле 2025 г. стороны согласовали рамочную торговую сделку, а в сентябре Белый дом оформил её имплементацию, сама логика этих договорённостей свидетельствовала об эрозии прежней многосторонней модели²¹⁸. В такой обстановке Токио был вынужден усиливать автономные каналы регионального влияния и выстраивать более сложную схему стратегического балансирования, в которой США сохраняли значение ключевого военно-политического союзника, тогда как Китай оставался центральным экономическим актором региона.

В этой новой геополитической конфигурации японская стратегия опирается на концепт «двойного сдерживания»: с одной стороны, Япония усиливает союз с США, прежде всего по военной линии, а с другой избегает открытого конфликта с Китаем, сохраняя тесную экономическую взаимозависимость²¹⁹. Подобная дилемма порождает потребность в создании устойчивой архитектуры взаимодействия, в которой приоритет отдаётся гибкости, институциональной совместимости и сохранению доверия. Это находит отражение в действиях Японии в отношении стран АСЕАН: Токио не размещает военных баз на их территории, не требует выборочности в союзах, а, напротив, предлагает

²¹⁸ Trump joins tariff talks with Japan as US seeks deals amid trade wars // AP News. URL: <https://apnews.com/article/9134808d0e4aaf30bc60b28d7adc9b32> (accessed: 12.04.2025).

²¹⁹ Japan's 2025 Geopolitical Strategy: Balancing US-China Risks and Regional Stability // PRDUA Research & Media. URL: <https://www.marketreportanalytics.com/news/article/japans-2025-geopolitical-strategy-balancing-us-china-risks-and-regional-stability-16058> (accessed: 12.04.2025).

форматы включения и диалогичности. FOIP в японской интерпретации позиционируется не как антикитайская стратегия, а как открытая рамка инклюзивного партнёрства, подчёркивающая уважение к центральности АСЕАН, в которую могут быть включены и нейтральные акторы. Данное стратегическое «инклюзивное вовлечение» поддерживается и на институциональном уровне: Япония демонстрирует гибкость в соединении FOIP с AOIP, продвигая совместные проекты в инфраструктуре, кибербезопасности и устойчивом развитии. Подобное сопряжение двух стратегий FOIP и AOIP не только укрепляет позиции Токио как модератора диалога, но и уменьшает риски восприятия Японии как участника антикитайского блока.

На фоне институциональной фрагментации и усиления нормативной конкуренции Япония начала трансформировать экономическую дипломатию, расширяя её функционал от двусторонней помощи к архитектурному проектированию региональной нормативной среды. Если в первые десятилетия XXI века приоритет отводился ОПР и прямым инвестициям, то после 2020 г. акцент сместился в сторону гибридных форм взаимодействия: развитие устойчивых логистических коридоров, цифровой трансформации, унификации стандартов и ESG-интеграции^{220,221}. Одним из ключевых направлений японской стратегии стало ПКИ, ориентированное на развитие устойчивых, транспарентных и социально-ответственных связей в странах ЮВА и Южной Азии, в рамках которой Япония в сотрудничестве с G7 и международными банками развития обеспечила реализацию более 90 проектов (рисунок 2.10). Параллельно активизировались усилия в области цифрового сопряжения и кибербезопасности. Японские проекты, реализуемые через JAIF и JACI, направлены на стандартизацию цифровых решений, развитие электронных платёжных систем и

²²⁰ ESG-стандарты (Environmental, Social, Governance) представляют собой систему критериев оценки деятельности компаний с точки зрения экологической ответственности, социального влияния и качества корпоративного управления. Эти стандарты используются для анализа нефинансовых рисков, устойчивости бизнеса и соответствия целям устойчивого развития, получая всё большее значение в инвестиционной, корпоративной и государственной практике.

²²¹ Japan Aligns with IFRS: SSBJ Rolls Out New Sustainability Disclosure Standards // IRIS Business Services. URL: <https://irisbusiness.com/japan-aligns-with-ifs-ssbj-rolls-out-new-sustainability-disclosure-standards> (accessed: 12.04.2025).

внедрение защищённых платформ логистики²²². Эти инициативы способствуют формированию технологически сопряжённой нормативной среды, в рамках которой Япония выступает не просто инвестором, но инициатором и модератором правил регионального взаимодействия в постглобализированном АТР.

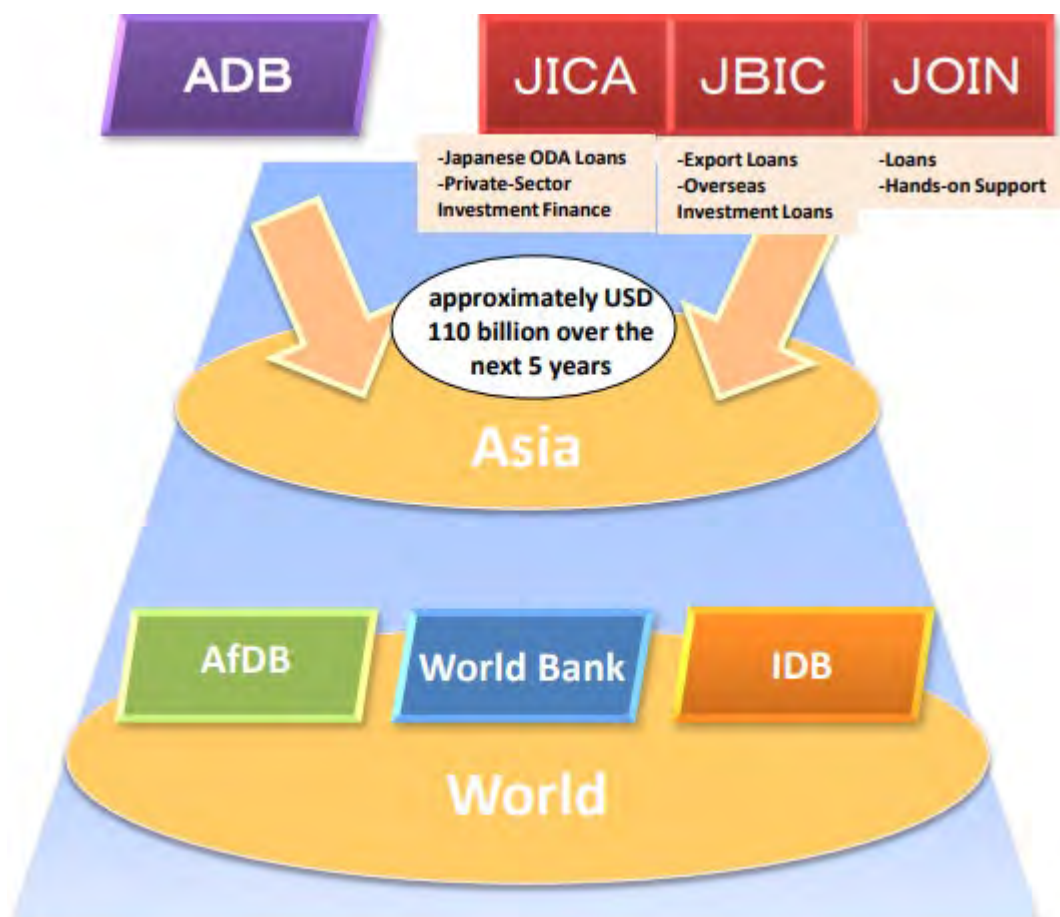

Рисунок 2.10 – Функциональная структура инициативы «Партнёрство за качественную инфраструктуру»

Источник: *Partnership for Quality Infrastructure // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2015. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000117998.pdf> (accessed: 19.04.2025).*

В логике экономической дипломатии как инструмента не только хозяйственного, но и нормативного воздействия Япония в последние годы все активнее продвигает в ЮВА собственные подходы к регулированию, связывая инвестиционную политику с принципами экологической, социальной и

²²² Project for Enhancing ASEAN-Japan Capacity Building Program for Cybersecurity and Trusted Digital Services – ASEAN-Japan Cybersecurity Capacity Building Centre (AJCCBC) – Phase 2 // Cybil Portal. URL: <https://cybilportal.org/projects/project-for-enhancing-asean-japan-capacity-building-program-for-cybersecurity-and-trusted-digital-services> (accessed: 12.04.2025).

корпоративной ответственности, развитием цифровой экономики, управлением данными и повышением устойчивости производственно-логистических цепочек^{223,224}. После 2023 г. этот курс получил более четкое институциональное оформление в рамках японо-асеановского видения совместного экономического развития и плана действий на 2023-2033 гг., где прямо зафиксированы задачи цифровизации, укрепления надежных цепочек поставок, содействия переходу к циркулярной модели хозяйствования и продвижения режима свободного, открытого и доверенного обращения данных. Одновременно Токио задействует Министерство экономики, торговли и промышленности Японии, Японскую организацию внешней торговли, Центр АСЕАН-Япония и сопряженные с ними экспертные площадки для формирования более плотного регуляторного контура взаимодействия, в котором вопросы управления искусственным интеллектом, кибербезопасности, цифровой инфраструктуры и ответственного инвестирования рассматриваются уже не как второстепенные, а как составная часть новой архитектуры экономической совместимости Японии и стран АСЕАН.

Особенно заметной эта линия стала на фоне ослабления прежней способности глобальных институтов обеспечивать единые правила и устойчивое согласование интересов, что подтолкнуло Токио к более активной работе на региональном и узком коалиционном уровнях. Именно в этом контексте следует рассматривать японскую роль в сохранении и переоформлении ТТП после выхода США в 2017 г., поскольку японская дипломатия не просто поддержала соглашение, но фактически взяла на себя функцию его политического и институционального модератора²²⁵. К середине 2020-х годов этот формат уже превратился в один из ключевых инструментов поддержания высоких торговых и регуляторных стандартов в АТР. Для Токио его значение выходит

²²³ Thailand Strengthening Digital Ties with Japan and Vietnam // OpenGov Asia – CIO Network. URL: <https://open-govasia.com/2025/01/21/thailand-strengthening-digital-ties-with-japan-and-vietnam/> (accessed: 12.04.2025).

²²⁴ Japan Releases Inaugural IFRS-Aligned Sustainability Reporting Standards // ESG Today. URL: <https://www.esgtoday.com/japan-releases-inaugural-ifrs-aligned-sustainability-reporting-standards/> (accessed: 12.04.2025).

²²⁵ Japan's Critical Leadership Role on Free and Fair Trade // Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/japans-critical-leadership-role-free-and-fair-trade> (accessed: 12.04.2025).

далеко за рамки внешней торговли. Через него Япония стремится частично компенсировать нормативный вакуум, возникший после снижения американской активности, и одновременно закрепить за собой роль государства, способного поддерживать режимную предсказуемость и воспроизводство либеральных правил в региональном масштабе.

Не менее важным направлением стало развитие минилатеральных механизмов, прежде всего QUAD, повестка которого в 2023-2025 гг. заметно вышла за рамки общих политических заявлений²²⁶. В центре внимания оказались вопросы критической инфраструктуры, технологической координации, устойчивости поставок и снижения зависимости от внешних шоков в сфере полупроводников, редкоземельных элементов и других стратегически значимых материалов. Для Японии такая линия имеет принципиальное значение, поскольку позволяет увязать экономическую безопасность, технологическую кооперацию и военно-политическую устойчивость в единую стратегию комплексной устойчивости. В отношениях с АСЕАН эта логика проводится и по линии инициативы FOIP, и через Японский фонд интеграции АСЕАН, в рамках которых реализуются проекты по реагированию на стихийные бедствия, укреплению систем здравоохранения, развитию цифровой сопряженности и повышению устойчивости к климатическим, эпидемиологическим, логистическим и кибернетическим рискам. В результате японская внешнеэкономическая политика все отчетливее приобретает характер не просто инвестиционного присутствия, а многоуровневого институционального и нормативного позиционирования в регионе.

В то же время, несмотря на все усилия, Япония сталкивается с рядом внешних и внутренних ограничений. На международной арене основным вызовом остаётся стратегическая непредсказуемость Вашингтона. Политика США после 2020 г. демонстрирует колебания между международной кооперацией и односторонним действием. Администрации сменяют друг друга с

²²⁶ Quad Leaders' Joint Statement // The White House. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/20/quad-leaders-joint-statement/> (accessed: 12.04.2025).

противоположными внешнеполитическими установками, что затрудняет долгосрочное планирование для союзников. Японский политический истеблишмент, в значительной мере ориентированный на сохранение альянса с США, испытывает давление между необходимостью адаптации к новым реалиям и ограниченностью самостоятельных манёвров²²⁷.

Внутриполитические факторы также сдерживают потенциал японской внешнеэкономической активности. К ним относятся ограниченность коалиционной поддержки, цикличность смены кабинетов, отсутствие долгосрочного общественного консенсуса в отношении внешней политики. Как показали исследования Национального института оборонных исследований Японии (NIDS), более 40% японских парламентариев связывают экономическую стратегию исключительно с безопасностью альянса США-Япония, что снижает гибкость и самостоятельность внешнеэкономических решений²²⁸. Это требует от Токио более чётко очерченного курса и развития автономных политико-экономических инициатив.

В ответ на нормативную фрагментацию региона Япония продвигает форматы взаимодействия, основанные на предсказуемости, правовой совместимости и цифровой сопряжённости. С 2022 по 2024 гг. Токио заключил ряд соглашений с Вьетнамом, Малайзией и Филиппинами, направленных на унификацию процедур электронного декларирования, онлайн-сертификации происхождения товаров и цифрового документооборота²²⁹. Эти меры позволяют не только сократить транзакционные издержки японского бизнеса, но и закладывают архитектуру технологической совместимости, особенно важную в контексте формирования конкурирующих экономических блоков в АТР.

Одним из векторов стала экологическая дипломатия Японии, прежде всего в рамках продвижения низкоуглеродных технологий и координации

²²⁷ Once Again, Leadership Transitions Challenge US-Japan Alliance // Pacific Forum. URL: <https://cc.pacificforum.org/2024/12/once-again-leadership-transitions-challenges-us-japan-alliance/> (accessed: 12.04.2025).

²²⁸ A New Normal? Navigating Japan's Shifting Political Currents // Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/new-normal-navigating-japans-shifting-political-currents> (accessed: 12.04.2025).

²²⁹ Digital Trade Agreements in Asia and the Pacific // The Asia Foundation. URL: https://asiafoundation.org/wp-content/uploads/2024/05/Digital-Trade-Agreements-in-Asia-and-the-Pacific_Tech-Policy.pdf (accessed: 12.04.2025).

климатических политик стран ЮВА. В рамках инициативы Asia Zero Emission Community (AZEC), официально поддержанной в 2023 г., Токио выступает координатором усилий по внедрению низкоуглеродных технологий, стандартизации энергетической сертификации и формированию «зелёных коридоров» между Японией, Индонезией, Вьетнамом и Таиландом²³⁰. Эти действия укрепляют имидж Японии как ответственного и технологически продвинутого партнёра в области климатической устойчивости и энергетического перехода, способного не только конкурировать с Китаем, но и задавать повестку в новых секторах регионального управления.

Характер японской экономической экспансии отличается от китайской модели тем, что она ориентирована на регулятивную совместимость, транспарентность, равноправие сторон и снижение зависимости от неформализованных механизмов влияния. В отличие от китайской модели экспансии, ориентированной на масштабное распространение инфраструктурных проектов с акцентом на зависимость через заёмные механизмы, японская стратегия подчёркивает качество, институциональную устойчивость и соответствие многосторонним обязательствам. Согласно докладу АБР за 2024 г., японские инфраструктурные проекты в среднем демонстрируют на 35% более высокий уровень локального участия и на 22% меньшую зависимость от заёмного финансирования, чем сопоставимые китайские инициативы в регионе²³¹. Кроме того, японские программы чаще проходят независимый аудит и общественное обсуждение, что укрепляет их легитимность в глазах принимающих стран.

На этом фоне усиливается роль экономической дипломатии как механизма не только доступа к внешним рынкам, но и нейтрализации политико-стратегических рисков. Япония стремится к созданию устойчивых, наднациональных сетей координации в сфере цифровой торговли, ESG-инвестиций, защиты интеллектуальной собственности и устойчивого регулирования. Так, в

²³⁰ Asia Zero Emission Community (AZEC) // METI. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/global_warming/azec/azec_en.html (accessed: 12.04.2025).

²³¹ Asian Economic Integration Report 2024 // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/945596/asian-economic-integration-report-2024.pdf> (accessed: 12.04.2025).

2023 г. были подписаны соглашения с Вьетнамом и Филиппинами по взаимной сертификации в области кибербезопасности²³². Эти соглашения не только облегчают японскому бизнесу выход на национальные рынки, но и закрепляют нормативные связи на межправительственном уровне.

В совокупности изложенное позволяет утверждать, что японская экономическая дипломатия трансформировалась из вспомогательного инструмента торговой политики в системный вектор внешней активности государства. На фоне нарастающей региональной напряжённости, от территориальных споров и милитаризации до киберугроз и климатической нестабильности, именно экономическая дипломатия функционирует как механизм адаптации к фрагментации региональной среды, позволяя Японии поддерживать системную вовлечённость и участвовать в формировании нормативных ориентиров. Японская модель предлагает не гегемонию, а институциональное партнёрство, не конфронтацию, а кооперативную архитектуру, основанную на транспарентных нормах. В условиях переходного мира именно эта модель взаимодействия открывает возможности для формирования сбалансированного и инклюзивного порядка в ЮВА, ориентированного на совместное развитие и нормативную устойчивость, отвечающего как интересам Японии, так и коллективным ожиданиям стран АСЕАН²³³. Вместе с тем, все очевиднее, что явный крен официального Токио к наращиванию сотрудничества с военно-политическим курсом Вашингтона создает угрозу новой японской экономической дипломатии.

²³² Hanoi, Tokyo deepen cooperation with new defense agreements, equipment transfers // Indo-Pacific Defense FORUM. URL: <https://ipdefenseforum.com/2024/08/hanoi-tokyo-deepen-cooperation-with-new-defense-agreements-equipment-transfers/> (accessed: 12.04.2025).

²³³ Japan's Diplomacy Towards ASEAN from the Perspective of its «Indo-Pacific Strategy» // APEC and East Asian Cooperation Center. URL: <https://www.worldscientific.com/doi/pdf/10.1142/S273755792250005X> (accessed: 19.04.2025).

Глава 3. Современные вызовы и институциональное обновление политико-экономической стратегии Японии в ЮВА

3.1. Милитаризация внешнеполитического курса Японии в условиях изменения региональной архитектуры безопасности

В последние годы Япония демонстрирует заметный поворот к усилению своей военной составляющей, что отражает фундаментальные изменения в региональной архитектуре безопасности. Стремительный рост ракетно-ядерного потенциала КНДР, масштабная модернизация вооружённых сил Китая и его растущая военная активность в Восточно- и Южно-Китайском морях, а также возрастающая стратегическая неопределённость относительно степени приверженности США союзническим обязательствам (особенно на фоне возвращения к власти администрации Д. Трампа) создали беспрецедентно сложную для Токио среду. Данные факторы форсировали пересмотр Японией традиционно сдержанной послевоенной оборонной политики. Новый консервативный кабинет во главе с премьер-министром С. Такаити, занявшей пост в октябре 2025 г., воспользовался моментом для проведения курса на решительное усиление военной составляющей²³⁴. Этот политический разворот включил комплекс мер – от корректировки стратегических доктрин и наращивания военных бюджетов до переосмысления роли разведывательных структур, конституционных ограничений и даже табуированных ранее вопросов, связанных с ядерным вооружением.

Одним из первых шагов правительства С. Такаити стало решение ускорить пересмотр базовых документов Японии в военной сфере. Стратегия национальной безопасности 2022 г. уже зафиксировала Китай как наиболее серьёзный стратегический вызов и тем самым легитимировала курс на расширение оборонных возможностей, то новое руководство сочло прежние рамки

²³⁴ Japan Accelerates Defense Buildup With Record Budget and Expanded Unmanned Capabilities // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2025/12/japan-accelerates-defense-buildup-with-record-budget-and-expanded-unmanned-capabilities/> (accessed: 15.03.2026).

недостаточными в условиях дальнейшего ухудшения обстановки в АТР^{235,236}. В программном выступлении 20 февраля 2026 г. С. Такаити прямо заявила о необходимости досрочно пересмотреть три стратегических документа, включая Стратегию национальной безопасности, причём сделать это уже в течение 2026 г., исходя из ускоряющихся изменений в характере угроз и форм ведения современных войн. На первый план при этом выдвигается задача усиления потенциала сдерживания и ответного удара. Уже утверждено выделение около 6,2 млрд долл. на развитие средств дальнего поражения, включая модернизированные ракеты Тип-12 с дальностью около 1000 км (рисунок 3.1). Подобный акцент показывает, что Япония всё заметнее отходит от узкой трактовки исключительно оборонительной доктрины и допускает более активную военно-стратегическую роль и проактивное военное участие²³⁷.

Параллельно ускоряется и пересмотр прежних ограничений в сфере военного экспорта, которые долгое время оставались одним из символов послевоенной модели самоограничения. По состоянию на март 2026 г. правящая коалиция продвигает смягчение правил, при которых поставки японской военной продукции в основном ограничивались пятью небоевыми категориями, такими как спасательные, транспортные, наблюдательные и иные вспомогательные средства. Новый курс направлен на то, чтобы расширить возможности экспорта вооружений и тем самым укрепить японскую оборонную промышленность и повысить технологическую устойчивость. В этой логике отказ от части прежних самоограничений подаётся не как разрыв с предыдущей линией поведения, а как её переосмысление и новая трактовка в условиях среды, где

²³⁵ Japan's Cabinet OKs Record Defense Budget That Aims to Deter China // Defense News. URL: <https://www.defensenews.com/global/asia-pacific/2025/12/26/japans-cabinet-oks-record-defense-budget-that-aims-to-deter-china/> (accessed: 15.03.2026).

²³⁶ Japan Forward. Takaichi Clear on Priority: Strengthen Defense Capabilities // Japan Forward. URL: <https://japan-forward.com/takaichi-clear-on-priority-strengthen-defense-capabilities/> (accessed: 15.03.2026).

²³⁷ China's Economic Coercion Strengthens Takaichi's Hand // East Asia Forum. URL: <https://eastasiaforum.org/2026/03/11/chinas-economic-coercion-strengthens-takaichis-hand/> (accessed: 15.03.2026).

силовые инструменты вновь рассматриваются Токио как допустимый элемент обеспечения безопасности и внешнеполитического влияния²³⁸.

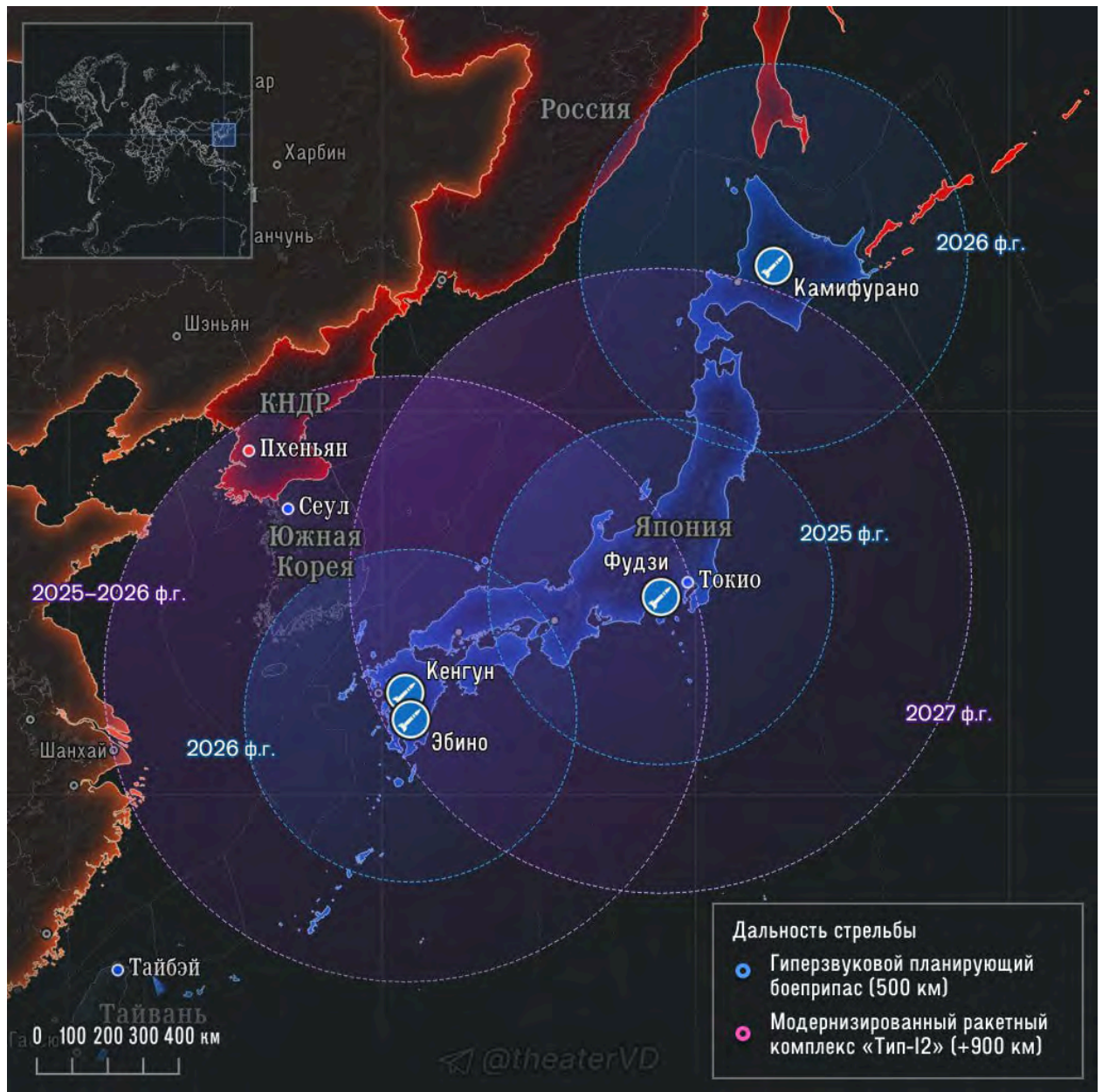

Рисунок 3.1 – География развёртывания и радиусы действия новых японских ракетных систем

Источник: Япония формирует потенциал «контрудара» за счёт развёртывания новых дальнобойных ракетных систем // Глобальная авантюра. URL: <https://glav.su/forum/threads/1862358> (дата обращения: 14.03.2026).

Ярким подтверждением милитаризации курса стало резкое увеличение оборонных расходов. Ещё в декабре 2022 г. было объявлено о пятилетней программе наращивания военного бюджета, призванной довести его до 2% ВВП

²³⁸ Takaichi's Conservative Agenda and Japan's Defense Buildup // International Institute for Strategic Studies. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2026/02/japans-takaichi-cements-conservative-agenda/> (accessed: 15.03.2026).

к 2027 г., фактически удвоив долю расходов в сравнении с традиционным 1%²³⁹. При кабинете С. Такаити выполнение этой программы даже ускорилось. Оборонный бюджет Японии на 2025 финансовый год (начавшийся 1 апреля 2025 г.) был утверждён в размере рекордных 55 млрд долл., что на 9% выше предыдущего года. На 2026 финансовый год правительство согласовало новую рекордную планку в размере 58 млрд долл., впервые превысив исторический рубеж²⁴⁰. Эта сумма заложена в национальный бюджет 2026 г. и отражает взятый курс на значительное наращивание военных расходов в рамках курса на 2% ВВП.

По оценкам Министерства финансов Японии, страна способна достигнуть уровня военных расходов в 2% от ВВП уже к марту 2027 г., став при этом третьим в мире по объёму оборонных ассигнований государством после США и Китая²⁴¹. Американские союзники, впрочем, подталкивают Токио идти ещё быстрее, внешнее давление со стороны Вашингтона дополняет внутреннюю политическую волю, ускоряя общий вектор на милитаризацию.

Дополнительные средства направляются на качественное усиление Сил самообороны Японии, в частности: развитие противоракетной обороны, закупку современных истребителей (в т.ч. F-35A/B), строительство новых фрегатов и подводных лодок, создание эшелонированной системы беспилотных средств разведки и защиты побережья. Упор делается на средства контрудара по потенциальному противнику: от крылатых и гиперзвуковых ракет до беспилотников, что призвано повысить возможность военных действий против Китая и КНДР²⁴². Фактически, японский военный бюджет перестаёт

²³⁹ Japan's Defense Budget Tops Record 9 Trillion Yen for Fiscal 2026 // Xinhua. URL: <https://english.news.cn/20251226/daaa6b17f9b64ea4a0b2916b140f8252/c.html> (accessed: 15.03.2026).

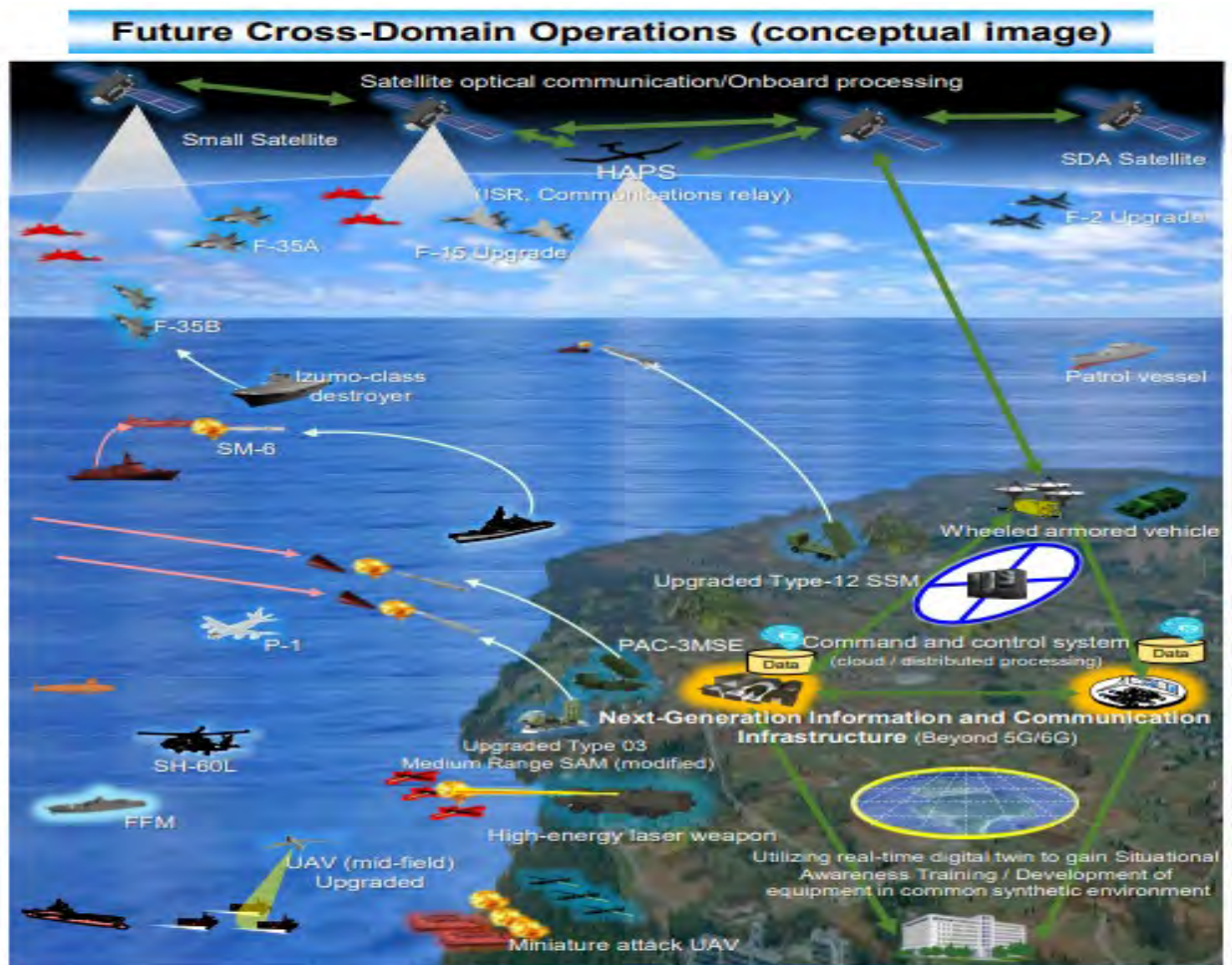
²⁴⁰ 新「安保 3 文書」、成長戦略・骨太と一体議論 防衛を経済政策の柱に [Новые «три документа по безопасности»: комплексное обсуждение вместе со стратегией роста и базовым курсом экономической политики, превращение обороны в опорное направление экономической политики] // 日本経済新聞 [Нихон кэйдзай симбун]. 2025. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA19ATZ0Z11C25A2000000/> (accessed: 15.03.2026).

²⁴¹ SE Daily. Japan's Takaichi Signals Defense Overhaul, Eyes 2% GDP Milestone // Seoul Economic Daily. URL: <https://en.sedaily.com/international/2026/03/14/japans-takaichi-signals-defense-overhaul-eyes> (accessed: 15.03.2026).

²⁴² 日本の防衛態勢における戦略的転換：2022年から2026年に至る「防衛力の抜本的強化」と戦略3文書見直し [Стратегический поворот в оборонной системе Японии: коренное усиление оборонного потенциала с

рассматриваться лишь как статья расходов на самооборону, он становится инструментом реализации новой стратегии, нацеленной на проецирование силы и поддержку комфортного для Токио баланса сил в АТР. В Вашингтоне приветствуют такую динамику: США ожидают от Японии не только ускорения собственной модернизации, но и увеличения закупок американских вооружений, что одновременно усилит и поддержит оборонно-промышленную базу США (рисунок 3.2).

Рисунок 3.2: Будущий облик оборонных возможностей Японии в кон-

тексте пересмотра военной стратегии и развития новых средств ведения войны.

Источник: Progress and Budget in Fundamental Reinforcement of Japan's Defense Capabilities / Ministry of Defense of Japan. Tokyo, 2025. P. 19. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_act/d_budget/pdf/fy2025_20250411a.pdf (accessed: 21.03.2026).

Одним из новых направлений ускоренной военной модернизации Японии становится развитие беспилотных разведывательных и ударных систем,

которым в последние годы придается все более заметное значение в общей конфигурации оборонной политики. В проекте военного бюджета на 2026 финансовый год на эти цели предусмотрено около 1,7 млрд долл., причем речь идет не о точечных закупках, а о формировании более широкой системы обороны удаленных островов «Щит», рассчитанной на постоянное наблюдение за морскими районами, выявление потенциальных угроз и нанесение высокоточных ударов в зоне островных территорий²⁴³. Тем самым беспилотные платформы включаются в логику не вспомогательного, а уже вполне самостоятельного боевого применения, что заметно меняет прежние представления о допустимых рамках использования военной силы в японской стратегии.

Расширение беспилотного компонента отражает более общий курс на ускоренное наращивание возможностей Сил самообороны Японии в условиях роста напряженности в Восточно-Китайском море и вокруг Тайваня. При этом беспилотные системы рассматриваются Токио сразу в нескольких измерениях: как средство разведки, как инструмент постоянного мониторинга и как ресурс высокоточного поражения целей на удалении. Подобная переоценка их роли показывает, что японское руководство все менее склонно ограничиваться прежней сдержанной оборонительной моделью и все активнее связывает военную модернизацию с технологическим обновлением и повышением оперативной гибкости²⁴⁴.

Особый интерес в Токио вызывает и опыт современных вооруженных конфликтов, прежде всего в части массового и разнообразного применения беспилотных аппаратов. Именно поэтому японская сторона проявляет внимание к украинским наработкам в данной области²⁴⁵. В политическом и экспертном поле обсуждаются варианты закупки, локализации или совместного

²⁴³ Japan considers mass drone use for coastal defense // The Japan Times. 2026. URL: <https://www.japan-times.co.jp/news/2026/03/13/japan/japan-coastal-defense-drones/> (accessed: 15.03.2026).

²⁴⁴ Japan FY2026 Defense Budget Positions SHIELD Drones as Core Pillar of Southwestern Island Defense // Army Recognition. URL: <https://armyrecognition.com/focus-analysis-conflicts/army/analysis-defense-and-security-industry/japan-fy2026-defense-budget-positions-shield-drones-as-core-pillar-of-southwestern-island-defense> (accessed: 15.03.2026).

²⁴⁵ Takahashi K. Japan Accelerates Defense Buildup With Record Budget and Expanded Unmanned Capabilities // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2025/12/japan-accelerates-defense-buildup-with-record-budget-and-expanded-unmanned-capabilities/> (accessed: 15.03.2026).

производства отдельных типов беспилотных систем, что свидетельствует о стремлении Японии не просто следить за изменением характера войны, а как можно быстрее встроить соответствующие технологические решения в собственную военную практику. Здесь важен именно прикладной аспект: японское руководство интересуется не абстрактная демонстрация новизны, а реальный опыт ведения боевых действий с использованием широкой номенклатуры беспилотных средств различного назначения.

Реализация таких планов неизбежно подталкивает и к пересмотру существующих ограничений в сфере передачи вооружений и оборонных технологий. На этом фоне обсуждение двустороннего соглашения между Японией и Украиной о передаче оборонного оборудования выглядит не эпизодическим сюжетом, а частью более широкой тенденции. В рамках подобной схемы Киев мог бы выступать источником технологических решений и практического опыта, тогда как Токио получал бы дополнительные юридические основания для расширения собственного участия в обмене военной техникой и профильными разработками²⁴⁶. Тем самым военная модернизация начинает затрагивать уже не только сферу закупок, но и нормативно правовую базу японской политики безопасности.

Примечательно, что рост военных расходов происходит в условиях крайне тяжелой долговой нагрузки, превышающей 230% ВВП. Тем не менее правительство обосновывает эти траты логикой национального выживания в новой стратегической среде. В такой постановке вопроса увеличение оборонного бюджета приобретает не разовый, а системный характер, поскольку именно финансовое расширение создает материальную основу для всей последующей трансформации, от перевооружения и технологических программ до институционального пересмотра роли Японии в региональной архитектуре безопасности.

²⁴⁶ Ukraine Ready to Share Marine Drone and UAV Interceptor Technologies with Japan // Militarnyi. URL: <https://militarnyi.com/en/news/ukraine-share-marine-drone-and-uav-interceptor-technologies-with-japan/> (accessed: 15.03.2026).

Наиболее чувствительным индикатором происходящего сдвига стала оживившаяся дискуссия о месте ядерного фактора в японской политике. Сравнительно недавно сама постановка вопроса о любом пересмотре неядерных ограничений воспринималась как почти недопустимая из-за исторической памяти о Хиросиме и Нагасаки, а также действия трех неядерных принципов, исключающих обладание, производство и допуск ядерного оружия на японскую территорию^{247,248}. Однако на фоне северокорейских ракетных запусков и роста китайского ядерного потенциала прежний консенсус начал постепенно размываться. Первый заметный импульс этой дискуссии был дан еще в феврале 2022 г., когда Синдзо Абэ публично предложил обсудить возможность участия Японии в механизме, сходном с практикой совместного ядерного сдерживания США и их союзников, так называемого «ядерного шеринга»²⁴⁹.

С приходом к власти кабинета С. Такаити подобные идеи получили дополнительную поддержку со стороны консервативного крыла правящей партии. Внутри японского политического пространства все отчетливее звучат призывы, по меньшей мере, допустить обсуждение сценариев, при которых мог бы быть смягчен запрет на размещение американских ядерного оружия на японской территории. Аргументация сторонников такого подхода строится вокруг того, что жесткое сохранение прежних самоограничений потенциально ослабляет надежность американского «ядерного зонтика», тогда как частичный пересмотр позволил бы усилить сдерживание за счёт присутствия американского ядерного вооружения в японских портах (например, на военных кораблях или подлодках из состава 7 оперативного флота ВМС США)²⁵⁰. Даже сам факт выхода этой темы в более открытую парламентскую и экспертную

²⁴⁷ Trading Economics. Japan General Government Gross Debt to GDP // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/government-debt-to-gdp> (accessed: 15.03.2026).

²⁴⁸ 令和 8 年 1 月 19 日 高市内閣総理大臣記者会見 // Prime Minister's Office of Japan. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/104/statement/2026/0119kaiken.html> (accessed: 15.03.2026).

²⁴⁹ Бывший премьер Японии предложил обсудить размещение ядерного оружия в стране // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/27/jap/> (accessed: 15.03.2026).

²⁵⁰ Nuclear Weapon in Changing World // RECNA. 2023. URL: <https://www.recna.nagasaki-u.ac.jp/recna/bd/files/recpp-19.pdf> (accessed: 30.03.2026).

полемику показывает, насколько далеко продвинулся процесс переоценки прежних основ японской безопасности.

Следует отметить, что официальная позиция правительства пока остаётся приверженной безъядерному статусу: Япония подтверждает выполнение ДНЯО и не отказывается от трёх принципов. Тем не менее, сама тональность обсуждения изменилась: тема, которая ещё десятилетие назад считалась маргинальной, теперь открыто звучит на высшем уровне. В ноябре 2025 г. С. Такаити уклонилась от прямого подтверждения, что её кабинет не будет пересматривать неядерные принципы при подготовке новой стратегии обороны²⁵¹. Данное заявление вызвало широкий резонанс: его расценили как сигнал готовности власти переопределить давние ограничения. Кроме того, в декабре 2025 г. разразился скандал после того, как высокопоставленный сотрудник офиса премьер-министра, отвечающий за безопасность вне протокола заявил журналистам, что Японии необходимо собственное ядерное оружие ввиду ухудшающейся международной обстановки²⁵². Хотя правительство затем поспешило заверить, что политика не изменилась и оно по-прежнему «никогда не будет обладать ядерным оружием», сам факт таких слов, прозвучавших из уст представителя власти, показателен. Оппозиция потребовала его отставки, а Пекин назвал ситуацию «крайне серьёзной», обвинив Токио в «ошибочных действиях в военной сфере».

Общественное мнение в Японии пока остаётся в большинстве против ядерного вооружения, что служит серьёзным внутренним сдерживающим фактором. Согласно опросу Jiji Press в январе 2026 г., 62,6% японцев выступают против обладания страной ядерным оружием, лишь 16,7% поддерживают эту идею. Даже среди сторонников кабинета С. Такаити 57,6% не согласны с необходимостью обзавестись ядерным арсеналом, при этом около 28%

²⁵¹ Johnson J. Takaichi Sidesteps Commitment to Japan's Three Non-Nuclear Principles // The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/11/12/japan/politics/takaichi-nonnuclear-principles/> (accessed: 15.03.2026).

²⁵² White H. Japan Edges Towards Hosting Nuclear Weapons // The Strategist (Australian Strategic Policy Institute). URL: <https://www.aspistrategist.org.au/japan-edges-towards-hosting-nuclear-weapons/> (accessed: 15.03.2026).

опрошенных допускают пересмотр запрета на ввод иностранного ядерного оружия²⁵³. Фактически, любое движение к практической реализации ядерного вооружения встретит существенное сопротивление населения и оппозиции. Не случайно сам скандальный чиновник оговорился, что создание арсенала – «не вопрос ближайшего будущего», признавая политическую тяжесть такого шага²⁵⁴.

Тем не менее, структурные предпосылки для пересмотра ядерного курса усиливаются. Анализ мирового экспертного сообщества указывает, что Япония обладает уникальным статусом порогового ядерного государства: технологий, материалов и компетенций ей достаточно, чтобы при политическом решении быстро создать значительный арсенал. Около 44,5 т накопленного плутония (большой частью пригодного для оружейных целей) и освоенный полный ядерный топливный цикл означают, что первую ядерную боеголовку Токио мог бы изготовить примерно за 12 месяцев, а порядка 100 зарядов – за пару лет²⁵⁵. Доставить такие боеголовки могли бы уже имеющиеся средства: сотни установок ракет Тип-12, проектируемые гиперзвуковые системы HVGP, модернизированные истребители F-15 и F-35, способные нести крылатые ракеты, и даже перспективные подлодки с крылатыми ракетами большой дальности. Главные же ограничения носят политико-правовой характер – действие статьи 9 Конституции, международных обязательств по нераспространению и давление со стороны союзников (прежде всего США).

В перспективе существуют три возможных пути развития ситуации:

а) сохранение текущего безъядерного статуса, – остаётся наиболее предпочтительным при условии, что Япония укрепит классические силы сдерживания с опорой на союз с США;

²⁵³ Over 60% in Japan Oppose Possessing Nuclear Weapons: Jiji Poll // The Japan Times. URL: <https://www.japan-times.co.jp/news/2026/01/16/japan/nuclear-weapons-opposition-poll/> (accessed: 15.03.2026).

²⁵⁴ Arab News Japan. Japan Reaffirms No-Nukes Pledge After Senior Official Suggests Acquiring Weapons. URL: <https://www.reuters.com/world/china/japan-reaffirms-no-nukes-pledge-after-senior-official-suggests-acquiring-weapons-2025-12-19/> (accessed: 15.03.2026).

²⁵⁵ Hiroshima Report 2025: Evaluation of Achievement in Nuclear Disarmament, Non-Proliferation and Nuclear Security in 2024 // Hiroshima Organization for Global Peace; Japan Institute of International Affairs. URL: https://www.pref.hiroshima.lg.jp/soshiki_file/hiroshimaforpeace-en/attachment/h-report/2025-full.pdf (accessed: 15.03.2026).

б) частичный пересмотр антиядерной политики (наиболее вероятный), – постепенное размывание принципа неразмещения, возможно, соглашение о размещении американских ядерных средств на японской территории в чрезвычайной ситуации или создание инфраструктуры двойного назначения. Такой путь не нарушает формально ДНЯО, но расширяет спектр стратегических опций и психологически готовит почву для возможного обретения ядерного компонента в будущем;

в) полномасштабная национальная ядерная программа, – на данный момент оценивается как маловероятный и политически крайне затратный (потребовал бы выхода из ДНЯО, пересмотра или отмены статьи 9 и т.д.). Однако даже эта опция больше не выглядит невыполнимой в долгосрочной перспективе: сами японские стратеги подчёркивают, что нельзя полностью исключать подобный поворот, учитывая нарастающий кризис существующей системы нераспространения и непредсказуемость будущих угроз. В этом смысле вопрос о ядерном статусе Японии вышел за рамки чисто внутреннего дела – он стал маркером глубинной трансформации международного порядка безопасности.

Другим не менее важным поворотом на путь милитаризации является решение о необходимости институционального укрепления разведки и безопасности. Япония исторически не имела единой структуры внешней разведки, аналогичной американскому ЦРУ или британской МИ6: сбор информации был раздроблен между Министерством обороны, МИД и др. В новых условиях признана необходимость кардинальных перемен. Правительство С. Такаити провозгласило создание Национального разведывательного совета во главе с премьер-министром, призванного координировать разведсообщество и аккумулировать данные из всех источников²⁵⁶. Этот орган фактически станет мозговым центром при кабинете для анализа угроз, выработки превентивных мер и консультирования по вопросам безопасности.

²⁵⁶ Japan Government Pushes Plan to Establish National Intelligence Committee // Xinhua. URL: <https://english.news.cn/20260313/49a47facfdc643f9b5593d5c2693d271/c.html> (accessed: 15.03.2026).

Более того, планируется формирование первой в истории Японии отдельной национальной разведывательной службы. Согласно правительственному плану, к середине 2026 г. должна быть учреждена новая структура, вероятно, по образцу ЦРУ: сосредоточенная на внешней разведке и противодействии шпионажу. Параллельно разрабатывается Национальная разведывательная стратегия, которая впервые системно определит приоритеты и задачи разведывательной деятельности (ранее данный раздел был лишь частью общей стратегии безопасности)²⁵⁷. Предполагается также создание отдельного консультативного совета по разведке и внесение нового закона о противодействии шпионажу, чтобы устранить правовые пробелы, например, сейчас в Японии нет строгого аналога западным антишпионским законам, что вызывало озабоченность на фоне инцидентов с утечками информации²⁵⁸.

Фокус реорганизации находится прежде всего на китайском направлении. После череды инцидентов (нарушения японских вод китайскими кораблями, активность разведывательных аэростатов, кибератаки) возник консенсус, что необходимо наращивать силы и средства разведки. Министерство обороны уже в 2025 г. учредило новый аналитический отдел, отслеживающий военную активность КНР и её новейшие вооружения. Правительство же на более высоком уровне планирует консолидировать усилия всех ведомств. С. Такаити прямо указала в программной речи, что Япония будет «фундаментально укреплять национальные разведывательные возможности», рассматривая это как необходимое условие проактивной внешней политики²⁵⁹. Действительно, без эффективной разведки невозможны ни упреждающие меры против ракетной угрозы КНДР, ни защита передовых военных технологий от промышленного шпионажа, ни эффективное участие в коалиционной деятельности QUAD, AUKUS и других форматов, где одним из ключевых элементов является обмен

²⁵⁷ Japan Govt Submits Bill to Create National Intelligence Bureau // The Japan Times. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/news-services/jiji-press/20260314-316417/> (accessed: 15.03.2026).

²⁵⁸ New Japanese Espionage Law Would Need to Respect Rights // Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/news/2025/12/09/new-japanese-espionage-law-would-need-to-respect-rights> (accessed: 15.03.2026).

²⁵⁹ Japan approves bill to set up intelligence body; move stirs debate // Global Times. URL: <https://www.global-times.cn/page/202603/1356942.shtml> (accessed: 15.03.2026).

разведданными. В итоге реформа разведывательных структур дополняет милитаризацию внешней политики на институциональном уровне, расширяя инструментарий Японии для защиты своих интересов.

Наконец, центральным политико-правовым вопросом, отражающим милитаризацию курса, стали новые попытки пересмотреть статью 9 Конституции – саму основу японского пацифизма. Статья 9, принятая в 1947 г. под влиянием послевоенной оккупации, провозглашает отказ от войны и запрещает содержание вооружённых сил. На практике, начиная с 1950-х, её толкование расширялось до дозволения Сил самообороны Японии, но с жёсткими ограничениями, исключительно для обороны собственной территории, без наступательного вооружения и ядерных средств. Тем не менее юридически Силы самообороны до сих пор не упомянуты в тексте Конституции, что порождает известный парадокс статьи 9. Либерально-демократическая партия на протяжении десятилетий ставила целью внести разъясняющую поправку, которая бы юридически закрепила статус Сил самообороны, однако для этого не хватало необходимого парламентского большинства, а в обществе сохранялись сильные пацифистские настроения^{260,261}.

Сложившаяся после выборов февраля 2026 г. политическая конфигурация открыла окно возможностей для конституционных реформ. Победа ЛДП под руководством С. Такаити стала триумфальной: партия получила впервые со времён Второй мировой войны более двух третей мест нижней палаты самостоятельно (316 из 465), а вместе с новым коалиционным партнёром правой партией Ниппон Ишин но Кай контролирует 352 места^{262,263}. Это превышает квалифицированное большинство, необходимое для инициирования поправок.

²⁶⁰ Fackler D. K. Defining Pacifism: Article 9's Role in Japan's National Defense and Global Commitments // *Hastings International and Comparative Law Review*. 2025. Vol. 48. No. 1. P. 65-102. URL: https://repository.uclawsf.edu/hastings_international_comparative_law_review/vol48/iss1/3 (accessed: 15.03.2026).

²⁶¹ Japan: A Future Constitutional Reform of Article 9? // Brussels: NATO Defense College Foundation. URL: <https://www.natofoundation.org/wp-content/uploads/2025/09/NDCF-Mocchegiani-Japan-post-electoral-options.pdf> (accessed: 15.03.2026).

²⁶² D'Ambrogio E. Japan: Takaichi Sanae Secures a Landslide Victory. Brussels: European Parliamentary Research Service, 2026. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2026/782667/EPRS_BRI%282026%297826_67_EN.pdf (accessed: 15.03.2026).

²⁶³ Japan's 2026 Lower House Election Results // Edelman Global Advisory. URL: <https://www.edelmanglobaladvisory.com/insights/japans-2026-lower-house-election-results> (accessed: 15.03.2026).

В правительственном коалиционном соглашении сразу прописали создание постоянного комитета по разработке поправок к Конституции. Главная из них предусматривает включение в текст основного закона упоминание Сил самообороны, тем самым легитимируя их существование и устранив противоречие между конституционным запретом и реальностью наличия армии²⁶⁴. Фактически предлагается формула, по которой Япония не отказывается от идеалов мира, но признаёт право на самооборону и наличие соответствующих сил.

С. Такаити и близкие к ней политические деятели (наследники курса Синдзо Абэ) давно отстаивали такой пересмотр, кроме того, ещё будучи претендентом на пост премьер-министра она выступала за исправление «испорченной послевоенной конституции» и восстановление полноценного статуса национальных вооружённых сил²⁶⁵. Приход С. Такаити к власти совпал с разрывом союза ЛДП с умеренной партией Комэйто (традиционно блокировавшей радикальные инициативы в сфере обороны) и формированием альянса с националистически настроенными силами, что устранило главные политические препятствия на пути пересмотра конституции. Более того, жёсткая реакция Китая на заявления нового премьер-министра по Тайваню, в частности, введённые Пекином санкции и ограничения на экспорт в Японию, во многом сыграла ей на руку внутри страны, усилив ощущение внешней угрозы и сплотив электорат вокруг идеи укрепления обороны. Фактически, внутренний и внешнеполитический контекст к 2026 г. сложился благоприятно для продвижения давней повестки правящих консерваторов.

Тем не менее, процедура конституционных изменений остаётся крайне сложной задачей. Помимо одобрения двумя третями обеих палат парламента, требуется ещё и всенародный референдум, где настроения избирателей не гарантируют успех реформаторам²⁶⁶. Палата советников (верхняя палата) хотя и

²⁶⁴ Post-Election Push for Constitutional Revision by Takaichi Warrants Vigilance // Xinhua. URL: <https://english.news.cn/20260213/f375d2e3fc2f4828a151bce89275c1a5/c.html> (accessed: 15.03.2026).

²⁶⁵ Assertion and Alignment: Sanae Takaichi and Japan's New Strategic Posture // Central European Institute of Asian Studies (CEIAS). URL: <https://ceias.eu/assertion-and-alignment-sanae-takaichi-and-japans-new-strategic-posture/> (accessed: 15.03.2026).

²⁶⁶ Smith S. A. Japan's 2026 Election: National Security // Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/articles/japans-2026-election-national-security> (accessed: 15.03.2026).

контролируется коалицией лишь частично, но до её перевыборов в 2028 г. вопрос вряд ли будет поставлен на голосование. Опросы также показывают неоднозначное отношение граждан к пересмотру статьи 9, например, согласно опросу *Yomiuri Shimbun*, идея легализовать Силы самообороны в Конституции поддерживали около 60%, а 36% опрошенных были против²⁶⁷. Оппозиционные партии и антивоенное гражданское общество готовы противодействовать референдуму, опасаясь, что любое изменение статьи 9 станет прецедентом для последующей милитаризации страны²⁶⁸. Сама формулировка поправки тоже вызывает споры: консерваторы хотели бы не просто упомянуть Силы самообороны, но и закрепить их дополнительные функции (например, участие в коллективной безопасности), тогда как представители умеренных взглядов предлагают минимальные поправки²⁶⁹.

Несмотря на эти препоны, сам факт, что вопрос конституционной реформы снова на повестке и продвигается правительством, свидетельствует о радикальном сдвиге: то, что считалось политически невозможным в предыдущие десятилетия, теперь рассматривается как реалистичная перспектива. Милитаризация внешнеполитического курса проявляется здесь в стремлении юридически снять последние ограничения на применение военной силы. В случае, если поправки будут приняты, это станет символической точкой отсчёта новой эпохи в японской политике безопасности.

Политический разворот затронул и другие сферы: ужесточается миграционная политика, акцентируется патриотическое воспитание, ревизуются некоторые положения послевоенного порядка²⁷⁰. В совокупности это означает отход от наследия пацифизма и более уверенную проекцию японской силы

²⁶⁷ Yomiuri Poll: 60% in Favor of Amending Japan Constitution // The Japan News. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/politics-government/20250503-252349/> (accessed: 15.03.2026).

²⁶⁸ Machida S. "Peace" or National Interest? Factors Determining Japanese Citizens' Views toward the Use of Force against Foreign States // Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies. URL: <https://www.japanesestudies.org.uk/ejcs/vol25/iss3/machida.html> (accessed: 15.03.2026).

²⁶⁹ Is Japan Giving Up on Pacifism? // Central European Institute of Asian Studies (CEIAS). URL: <https://ceias.eu/is-japan-giving-up-on-pacifism/> (accessed: 15.03.2026).

²⁷⁰ Chai P. Japan's Takaichi Pushes Stricter Rules on Foreign Nationals // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2025/11/japans-takaichi-pushes-stricter-rules-on-foreign-nationals/> (accessed: 15.03.2026).

вовне. Международные партнёры реагируют по-разному: союзники по QUAD (США, Австралия, Индия) в целом приветствуют возрождение Японии как полноценной военной державы, в то время как Китай и КНДР используют новую риторику Токио для собственной пропаганды, обвиняя его в возвращении к милитаристскому прошлому²⁷¹. РК, несмотря на исторические трения, на фоне северокорейской угрозы пошла на сближение с кабинетом С. Такаити: уже в первые месяцы её правления состоялись взаимные визиты и заключены договорённости об углублении оборонного сотрудничества между Сеулом и Токио.

Подводя итог, можно констатировать, что Япония в 2025-2026 гг. переживает системную эволюцию внешнеполитического курса, где военная составляющая выходит на первый план. Пересмотр стратегий, рекордное финансирование армии, подготовка к разведывательной и конституционной реформам, а также осторожное обсуждение ядерного вопроса – все эти процессы взаимно усиливают друг друга. Они продиктованы объективными изменениями в региональной архитектуре безопасности, которая стала более конфликтной и непредсказуемой, но также и субъективным фактором – приходом к власти решительно настроенного руководства. Пока Япония остаётся верна союзническим отношениям и международным договорам, однако границы самоограничений заметно раздвинулись. Формируется новый консенсус: для обеспечения национальных интересов в эпоху глобальной турбулентности Токио готов использовать полный спектр инструментов от дипломатии до силы. Хотя реализация крайних сценариев (таких как обретение ядерного оружия) в ближайшей перспективе маловероятна, сама готовность их обсуждать является индикатором глубокой трансформации, происходящей в стране. Исход этой трансформации будет иметь долговременные последствия не только для самой

²⁷¹ Japan PM Takaichi warns of China 'coercion', vows security overhaul // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/china/japan-pm-takaichi-warns-china-coercion-vows-security-overhaul-2026-02-20> (accessed: 15.03.2026).

Японии, но и для баланса сил во всём АТР, включая интересы России, которой предстоит учитывать новые военные возможности Японии.

3.2. Япония, Китай и США в оценках стран АСЕАН: сравнительный анализ стратегических предпочтений

ЮВА в середине 2020-х годов представляет собой регион сложного и постоянно корректируемого балансирования, в рамках которого государства АСЕАН стремятся использовать конкуренцию внешних центров силы для сохранения собственной автономии. Китай, США и Япония присутствуют в регионе одновременно, но их роль различна как по объективным возможностям, так и по характеру восприятия со стороны политических и экспертных элит стран АСЕАН. Поэтому сравнительный анализ должен исходить не только из объёма торговли, инвестиций или военных ресурсов, но и из того, какие политические риски и преимущества ассоциируются в регионе с каждой из этих держав. Именно восприятие, а не одна лишь материальная мощь, определяет, какой партнёр оказывается для стран ЮВА более приемлемым в условиях усиления напряжённости в АТР.

С точки зрения количественных показателей Китай сохраняет наиболее мощные позиции во внешнеэкономической структуре АСЕАН. По официальным данным объединения, в 2024 г. общий товарооборот АСЕАН с Китаем достиг 772,4 млрд долл., что составило 20,1% всей внешней торговли блока стран²⁷². Товарооборот с США в тот же период составил 453,19 млрд долл., а с Японией 236,4 млрд долл. Фактически, Китай остаётся главным торговым партнёром АСЕАН, США занимают второе место, а Япония продолжает входить в число ключевых внешнеэкономических контрагентов региона²⁷³. Эта расстановка сама по себе важна, поскольку она показывает: Япония уступает

²⁷² ASEAN–China Economic Relations // ASEAN Official Website. URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/integration-with-global-economy/asean-china-economic-relation/> (accessed: 15.03.2026).

²⁷³ Joint Media Statement of the Twenty-Fourth AEM–MOFCOM Consultation // ASEAN Secretariat. URL: <https://rainfo.org/2025/09/24/joint-media-statement-of-the-twenty-fourth-aem-mofcom-consultationasean-main-portal/> (accessed: 15.03.2026).

двум другим акторам по масштабу торгового взаимодействия, но продолжает сохранять значимое место в региональной экономике, а значит, её сравнительная привлекательность не может объясняться только количественными параметрами внешней торговли.

Не менее показательна и инвестиционная картина. По данным ASEAN Investment Report 2024, в 2023 г. объём прямых иностранных инвестиций в АСЕАН достиг рекордных 230 млрд долл., несмотря на общий спад глобальных потоков ПИИ²⁷⁴. При этом Соединённые Штаты сохранили позиции крупнейшего инвестора в регионе, а Япония вошла в число основных источников инвестиционного капитала. Уже по обновлённым данным, зафиксированным в документах АСЕАН в 2025 г., Япония в 2024 г. заняла пятое место среди внешних источников ПИИ в АСЕАН, обеспечив 17,5 млрд долл. вложений²⁷⁵. Иначе говоря, даже при отставании от Китая по торговому весу и от США по силовому статусу Япония остаётся структурно значимым участником региональной экономики. Кроме того, в региональном восприятии японская значимость оказывается выше, чем можно было бы ожидать, исходя только из её доли в торговле или инвестициях.

Именно здесь вступает в действие качественный фактор, который радикально меняет картину стратегических предпочтений. Согласно опросу The State of Southeast Asia 2024-2025, проведённому ISEAS-Yusof Ishak Institute, Япония вновь стала самым доверяемым крупным внешним актором среди стран ЮВА: ей доверяли 66,8% респондентов (рисунок 3.3). В предыдущем, 2024 г., Япония также занимала первое место по уровню доверия с показателем 58,9%, опережая и США, и Китай²⁷⁶. Динамика последних двух лет показывает не случайный эпизод, а устойчивую тенденцию: Япония воспринимается в регионе как наиболее надёжный и наименее угрожающий внешний партнёр,

²⁷⁴ ASEAN Investment Report 2024: Sustaining ODA Growth in a Changing World // ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/publication/asean-investment-report-2024/> (accessed: 15.03.2026).

²⁷⁵ Foreign Direct Investment Statistics Database // ASEAN Secretariat. URL: <https://data.aseanstats.org> (accessed: 15.03.2026).

²⁷⁶ ISEAS Annual Report 2024 // ISEAS-Yusof Ishak Institute. – Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2025. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/08/20250919-ISEAS-AR2024-5.pdf> (accessed: 15.03.2026).

несмотря на то что по объективным параметрам её влияние в отдельных сферах уступает влиянию двух других центров силы.

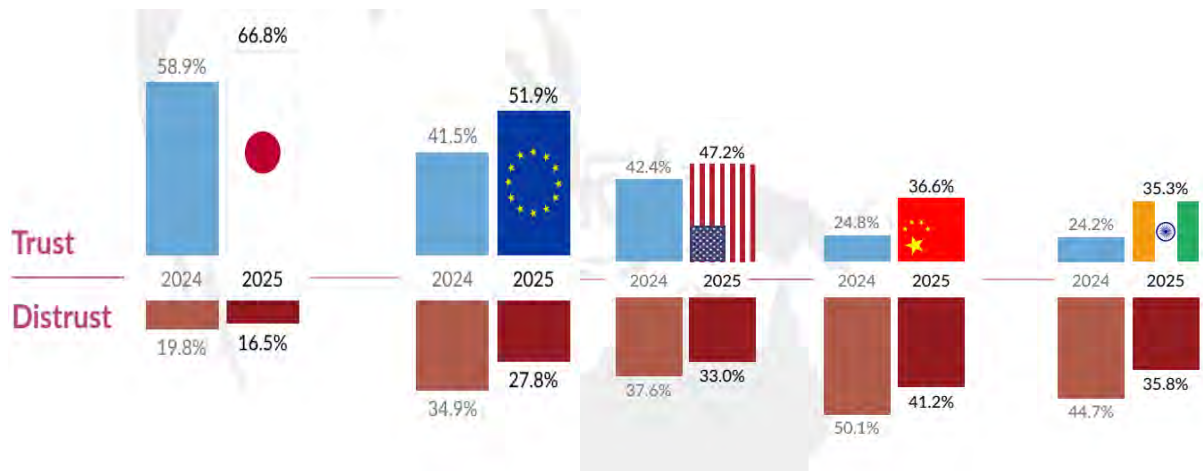

Рисунок 3.3: Сравнительные показатели доверия и недоверия к Японии, ЕС, США, Китаю и Индии в восприятии респондентов из стран Юго-Восточной Азии в 2024-2025 гг.

Источник: Seah S. et al. *The State of Southeast Asia: 2025 Survey Report*. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2025. 78 p. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/03/The-State-of-SEA-2025-1.pdf> (accessed: 22.03.2026).

Подобное расхождение между материальным весом и политическим доверием имеет принципиальное значение. Китай объективно сильнее Японии как торговый центр притяжения, а США обладают несопоставимо большим военным потенциалом и сетью союзнических механизмов. Однако именно Япония оказывается для государств АСЕАН наиболее комфортным партнёром. Причина состоит в том, что регион оценивает внешние державы не только с точки зрения выгод, но и с точки зрения издержек зависимости. Китай ассоциируется с риском политического давления, прежде всего в контексте ЮКМ и более широкой проблемы асимметричной взаимозависимости²⁷⁷. США воспринимаются как необходимый внешний балансир, но одновременно как источник более жёсткой конфронтационной линии и политической волатильности. Япония же предлагает иную модель присутствия: значимую, но не

²⁷⁷ Политика США в отношении АСЕАН и её последствия // Завтра. URL: https://zavtra.ru/books/politika_ssha_v_otnoshenii_asean_i_eyo_posledstviya_dlya_torgovih_otnoshenij_v_re_gione (дата обращения: 15.03.2026).

подавляющую, экономически весомую, но не монополистическую, политически активную, но не навязывающую окончательного стратегического выбора.

Особенно важно, что для АСЕАН Япония не ассоциируется с прямой угрозой утраты автономии. В материалах ISEAS за 2024-2025 гг. подчёркивается, что доверие к Японии опирается не только на её экономические возможности, но и на представление о ней как об ответственном участнике международных отношений, поддерживающем международное право и не склонном к одностороннему давлению²⁷⁸. Для государств ЮВА это имеет самостоятельную ценность. Региональная дипломатическая культура строится на стремлении избежать ситуации, при которой внешнее партнёрство автоматически означает жёсткое присоединение к чужой стратегии. Именно поэтому Япония, даже усиливая своё участие в вопросах безопасности и региональной политики, остаётся более приемлемой, чем США, и менее тревожащей, чем Китай²⁷⁹. Здесь кроется один из ключевых парадоксов современного баланса сил в ЮВА: сильнейшие акторы не обязательно оказываются наиболее предпочтительными (таблица 3.1).

Таблица 3.1. Причины доверия к Японии в странах АСЕАН, 2024-2025 гг., %

²⁷⁸ ISEAS Annual Report 2024 // ISEAS-Yusof Ishak Institute. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2025. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/08/20250919-ISEAS-AR2024-5.pdf> (accessed: 15.03.2026).

²⁷⁹ Россия и АСЕАН: поиски экономической синергии // Carnegie. URL: <https://carnegie.ru/publications/63618> (дата обращения: 15.03.2026).

Страна	Я уважаю Японию и восхищаюсь её цивилизацией и культурой		Япония располагает значительными экономическими ресурсами и политической волей для обеспечения глобального лидерства		Япония является ответственным участником международных отношений, который уважает и отстаивает международное право		Военная сила Японии является ресурсом глобального мира и безопасности		Политическая культура и мировоззрение моей страны совместимы с японскими	
	2024	2025	2024	2025	2024	2025	2024	2025	2024	2025
АСЕАН-10	21.1	18.8	27.7	19.2	36.5	40.5	5.8	10.5	8.9	11.0
Бруней	35.0	18.7	25.0	10.3	35.0	41.1	2.5	16.8	2.5	13.1
Камбоджа	19.7	10.2	42.7	20.5	28.2	36.2	1.7	20.5	7.7	12.6
Индонезия	12.3	15.5	33.1	33.5	35.1	36.8	8.4	5.2	11.0	9.0
Лаос	12.1	21.4	42.4	7.8	27.3	29.1	7.6	19.4	10.6	22.3
Малайзия	25.9	26.1	23.3	25.4	38.8	38.4	4.3	5.1	7.8	5.1
Мьянма	29.8	25.8	18.1	11.7	40.4	41.4	3.2	13.3	8.5	7.8
Филиппины	20.3	16.4	33.9	33.3	33.3	34.5	8.5	7.0	4.0	8.8
Сингапур	14.9	13.6	10.1	12.8	57.4	60.0	4.7	4.8	12.8	8.8
Таиланд	25.2	17.7	19.1	23.8	29.0	34.6	8.4	6.2	18.3	17.7
Вьетнам	16.0	22.6	29.2	13.2	40.3	52.8	9.0	6.6	5.6	4.7
Восточный Тимор	н/д	31.7	н/д	34.1	н/д	24.4	н/д	2.4	н/д	7.3

Источник: The State of Southeast Asia: 2025 Survey Report // ASEAN Studies Centre, ISEAS-Yusof Ishak Institute. 2025. 78 p. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/03/The-State-of-SEA-2025-1.pdf> (accessed: 22.03.2026).

Сравнительный характер оценок особенно заметен в тех вопросах, где респондентов прямо ставят перед необходимостью выбора между Китаем и США. В 2024 г. опрос ISEAS зафиксировал небольшой перевес в пользу Китая: 50,5% респондентов предпочли бы Китай, а 49,5% США в случае вынужденного геополитического выбора. Уже в 2025 г. картина изменилась: 52,3% выбрали США и 47,7% Китай²⁸⁰. Однако даже этот разворот не привёл к тому, что США приблизились к Японии по уровню доверия. Следовательно, в региональном сознании Япония фактически занимает особую позицию вне прямой бинарной развилки «Китай или США». Государства АСЕАН могут считать Вашингтон более полезным силовым балансиrom против Пекина, но всё равно продолжать воспринимать Токио как более удобного и предсказуемого

²⁸⁰ Там же.

внешнего партнёра, что и делает Японию уникальным актором в системе стратегических предпочтений региона²⁸¹.

При этом важно подчеркнуть, что различия между тремя державами в оценках АСЕАН связаны не только с их текущим поведением, но и с разными типами политического предложения региону. Китай предлагает экономические инициативы, инфраструктурную связанность и производственную интеграцию, но одновременно вызывает страх зависимости. США предлагают военное сдерживание и внешнюю опору против китайского давления, но повышают риск втягивания региона в жёсткое соперничество. Япония предлагает комбинацию значимой экономической вовлечённости, институциональной совместимости с асеаноцентричной моделью и гораздо меньшего уровня политической конфликтности²⁸². В результате её сравнительное преимущество формируется не за счёт максимума ресурсов, а за счёт наиболее выгодного для стран АСЕАН соотношения между полезностью партнёрства и издержками такого выбора.

Переходя от общерегионального уровня к более детальному сопоставлению, становится очевидно, что Китай и США воспринимаются в АСЕАН не просто как два конкурирующих полюса силы, а как два разных типа стратегического выбора, каждый из которых связан с существенными издержками²⁸³. Китай в наибольшей степени воплощает экономическое притяжение, встроенность в производственные цепочки и близость рынков. В опросе ISEAS 2025 г. 56,4% респондентов назвали Китай наиболее влиятельной экономической державой в регионе, тогда как США по этому показателю получили 14,3%, а Япония 10,7%. В политико-стратегическом измерении Китай также занял первое место с 37,9%, опередив США, которые получили 31,2%, и Японию,

²⁸¹ АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая // ВШЭ. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/879401714.pdf> (дата обращения: 15.03.2026).

²⁸² Кикоть И. Н. Влияние Китая на страны АСЕАН: экономические и политические аспекты взаимодействия // Молодой ученый. 2024. № 44 (543). С. 230-233. URL: <https://moluch.ru/archive/543/118759> (дата обращения: 15.03.2026).

²⁸³ Мосяков Д. В., Шпаковская М. А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2018. № 3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-pereigrывает-ssha-v-otnosheniyah-s-asean> (дата обращения: 15.03.2026).

набравшую заметно меньший показатель. Однако тот же самый опрос зафиксировал, что уровень доверия к Китаю составил лишь 36,6%, а уровень недоверия 63,4% соответственно²⁸⁴. Иначе говоря, именно Пекин воспринимается как наиболее влиятельный, но не как наиболее комфортный или наиболее приемлемый внешний партнёр.

Столь явный разрыв между признанием мощи и дефицитом доверия объясняется характером китайского присутствия в регионе. Для государств АСЕАН Китай является крупнейшим торговым партнёром, а в ряде случаев и главным источником импортной, производственной и логистической зависимости (рисунок 3.3). Но именно такая степень вовлечённости усиливает опасения по поводу асимметричной взаимозависимости. По данным ISEAS 2025 г., среди тех, кто не доверяет Китаю, 47,6% прямо указали, что опасаются использования Пекином своей экономической и военной мощи для давления на интересы и суверенитет их стран. Ещё 17,7% связывали своё недоверие с тем, что Китай способен продвигать собственную сферу влияния в ущерб региональной автономии²⁸⁵. Следовательно, проблема для стран ЮВА состоит не в отсутствии китайской полезности, а в высокой политической цене слишком тесной зависимости от неё. Это особенно важно в контексте ЮКМ, где для значительной части респондентов агрессивные действия в спорных акваториях остаются одним из главных региональных вызовов.

²⁸⁴ Политика США в отношении АСЕАН // Завтра. 2023. URL: https://zavtra.ru/books/politika_ssha_v_otnoshenii_asean_i_eyo_posledstviya_dlya_torgovih_otnoshenij_v_regiоне (дата обращения: 15.03.2026).

²⁸⁵ ISEAS Annual Report 2024 // Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2025. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/08/20250919-ISEAS-AR2024-5.pdf> (accessed: 15.03.2026).

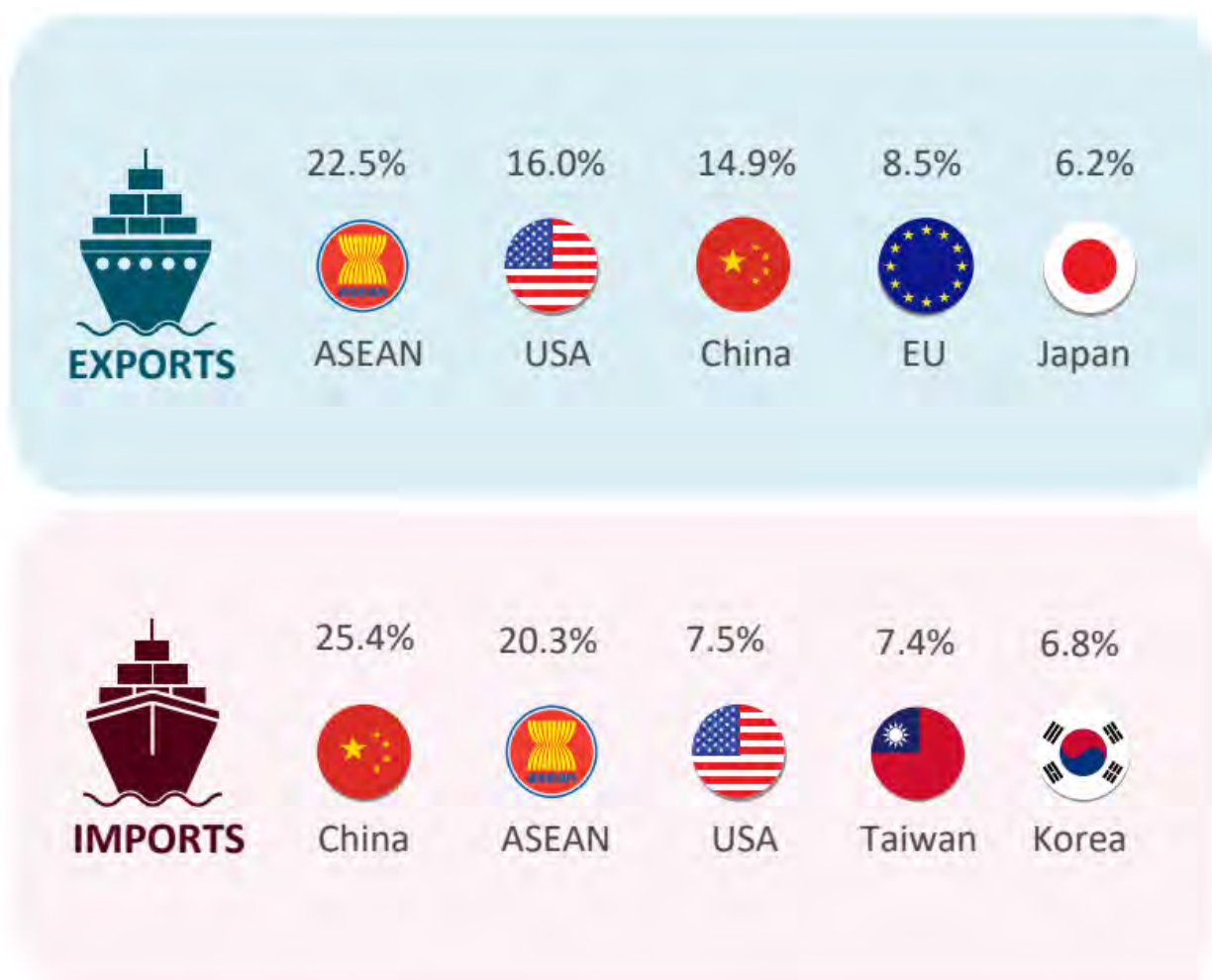

Рисунок 3.3: Основные внешнеторговые партнёры АСЕАН: сравнительное место Китая, США и Японии.

Источник: *ASEAN Statistical Highlights 2025 // ASEAN Secretariat. 2025. 7 p.* URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASH2025.pdf> (accessed: 22.03.2026).

Американское восприятие строится по другой логике. Соединённые Штаты не доминируют в торговле с АСЕАН так, как это делает Китай, однако сохраняют значительную экономическую роль и гораздо более весомый военно-политический статус. Товарооборот АСЕАН с США в 2024 г. составил 453,19 млрд долл., а в сфере накопленных прямых инвестиций американское присутствие остаётся одним из крупнейших в регионе²⁸⁶. Это позволяет Вашингтону сохранять для многих стран ЮВА статус внешнего силового балансира, необходимого для сдерживания Китая. Однако и в данном случае речь

²⁸⁶ США подписали первые окончательные тарифные соглашения с четырьмя странами АСЕАН // РГ. URL: <https://rg.ru/2025/10/26/ssha-podpisali-pervye-okonchatelnye-tarifnye-soglasheniia-s-chetyrmia-stranami-asean.html> (дата обращения: 15.03.2026).

идёт не о безусловном росте доверия к Вашингтону, а скорее о признании его полезности как противовеса Китаю.

Собственно доверие к США остаётся значительно ниже доверия к Японии. В 2025 г., согласно ISEAS, США доверяли 47,2% респондентов, а не доверяли 52,8% соответственно. Среди причин недоверия первое место заняло представление о том, что Соединённые Штаты отвлечены внутренними проблемами и в меньшей степени способны последовательно заниматься глобальными делами; так ответили 40,8% тех, кто относится к США настороженно²⁸⁷. Для стран АСЕАН этот вопрос особенно чувствителен, поскольку проблема американской предсказуемости носит не теоретический, а практический характер. Регион уже сталкивался с колебаниями внешнеэкономической линии Вашингтона, включая выход из ТТП, изменения торговой политики и резкую смену риторики при смене администраций, поэтому США могут восприниматься как стратегически нужный, но политически менее устойчивый партнёр, чем Япония. Именно это и создаёт для Токио сравнительное преимущество: Япония не обладает американским военным весом, но значительно выигрывает по критерию предсказуемости²⁸⁸.

Сравнение Японии с Китаем и США становится особенно показательным, если перейти от средних региональных значений к различиям между самими странами АСЕАН. Именно здесь видно, что АСЕАН не является единым субъектом с одинаковыми стратегическими предпочтениями. Филиппины и Вьетнам демонстрируют наиболее выраженную готовность опираться на внешних балансировщиков в условиях давления Китая. В 2025 г. среди филиппинских респондентов 86,4% в случае вынужденного выбора предпочли бы США, а доверие к Японии достигло 83% – это был самый высокий показатель по региону. Во Вьетнаме 73,5% опрошенных выбрали США в американско-

²⁸⁷ United Nations Conference on Trade and Development. World Investment Report 2024: Investment Facilitation and Sustainable Development. Geneva: UNCTAD, 2024. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (accessed: 15.03.2026).

²⁸⁸ Goh E. Great Powers and Hierarchical Order in Southeast Asia: Analyzing Regional Security Strategies // International Security. 2008. Vol. 32. No. 3. P. 113-157. DOI: <https://doi.org/10.1162/isec.2008.32.3.113>.

китайском соперничестве, тогда как доверие к Японии составило 68,3%²⁸⁹. Такая конфигурация важна сама по себе: для наиболее уязвимых в морском измерении государств региона Япония оказывается не заменой США, а тем партнёром, который позволяет расширять пространство внешнего манёвра, не сводя всю стратегию к единственному каналу опоры на Вашингтон.

Индонезия и Малайзия демонстрируют более сложную, но не менее показательную картину. Эти страны традиционно осторожнее относятся к любым формам жёсткого вовлечения в соперничество сверхдержав и в целом стремятся сохранить максимальную стратегическую автономию. В 2025 г. в Индонезии лишь 43,3% респондентов при вынужденном выборе предпочли США, а 56,7% Китай. В Малайзии разрыв был ещё сильнее: 31,5% выбрали США, а 68,5% Китай²⁹⁰. При этом ни Китай, ни США не пользовались там безусловным уровнем доверия. Для Малайзии и Индонезии Япония в этой ситуации представляет особую ценность именно как партнёр, позволяющий не принимать бинарную конфронтационную логику. Токио не требует жёсткого политического присоединения, не навязывает радикальную антикитайскую повестку и не создаёт ощущения чрезмерного принуждения через экономические рычаги. Поэтому в странах, где потребность в автономии выражена особенно сильно, японская позиция часто оказывается устойчивее, чем американская и политически безопаснее, чем китайская.

Особый интерес представляет Сингапур. В отличие от Филиппин и Вьетнама, для него вопрос внешнего выбора в меньшей степени сводится к поиску силового защитника. Сингапурская логика заключается в поддержании такого регионального порядка, где сохраняются открытость торговых потоков, устойчивость цепочек поставок и институциональная предсказуемость. Поэтому здесь важна не только способность партнёра сдерживать Китай, но и его совместимость с правилами регионального порядка. В 2025 г. в Сингапуре 55,6%

²⁸⁹ ISEAS Annual Report 2024 // ISEAS-Yusof Ishak Institute. – Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2025. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/08/20250919-ISEAS-AR2024-5.pdf> (accessed: 15.03.2026).

²⁹⁰ Там же.

респондентов при вынужденном выборе предпочли бы США, однако уровень доверия к Японии оставался более высоким и устойчивым, чем доверие к Вашингтону или Пекину. Для Сингапура Токио ценен как внешняя сила, не разрушающая асеаноцентричную модель и не требующая переопределения внешнеполитической линии в терминах жёсткого лагерного присоединения²⁹¹. Это позволяет Японии занимать особую позицию даже в тех государствах, которые поддерживают сохранение американского присутствия, но не хотят превращения региона в арену прямой биполярной конфронтации.

На этом фоне становится возможным более точное определение сравнительного места Японии в системе стратегических предпочтений АСЕАН²⁹². Китай остаётся крупнейшим экономическим полюсом притяжения и наиболее влиятельной силой в торговом и производственном измерении. США остаются главным внешним участником, способным поддерживать жёсткий баланс сил против Китая. Однако Япония занимает иную и во многом более выигрышную нишу: она сочетает достаточный потенциал для взаимовыгодного сотрудничества с более низким уровнем политического риска. В глазах государств АСЕАН Япония не является ни главным источником зависимости, как Китай, ни главным источником риска втягивания в блоковую конфронтацию, как США²⁹³. Именно в этом состоит её сравнительное преимущество. Регион не рассматривает Токио как замену двум другим полюсам, но охотно воспринимает его как наиболее удобный и надёжный внешний элемент собственной стратегии балансирования.

Как итог, сравнительный анализ стратегических предпочтений стран АСЕАН показывает, что Япония выигрывает не в борьбе за количественное доминирование, а в борьбе за политическую приемлемость. Она уступает Китаю

²⁹¹ Премьер Сингапура заявил о необходимости поиска новых партнеров из-за протекционизма США // ТАСС. URL: <https://fomag.ru/news-stream/premer-singapura-zayavil-o-neobkhodimosti-poiska-novykh-partnerov-iz-za-protteksionizma-ssha/> (дата обращения: 15.03.2026).

²⁹² Экономика АСЕАН: Бум инвестиций и «страны-специалисты» // Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/materials/ekonomika-asean-bum-investitsiy-i-strany-spetsialisty/> (дата обращения: 15.03.2026).

²⁹³ АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая // ВШЭ. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/879401714.pdf> (дата обращения: 15.03.2026).

по масштабу торгового влияния и не способна заменить США как силового гаранта, но именно благодаря сочетанию доверия, предсказуемости и институциональной совместимости Япония оказывается для большинства стран региона наиболее комфортным внешним партнёром²⁹⁴. В условиях, когда государства ЮВА стремятся минимизировать издержки зависимости и одновременно сохранить пространство внешнеполитического манёвра, такая позиция превращает Японию в один из ключевых столпов регионального балансирования.

При этом устойчивость японских позиций в оценках стран АСЕАН объясняется не только более благоприятным политическим образом Токио, но и тем, что японское присутствие воспринимается как структурно совместимое с асеаноцентричной моделью регионального порядка²⁹⁵. Для государств ЮВА принципиально важно сохранять такую архитектуру, в которой ни одна внешняя держава не получает возможности полностью подчинить себе механизмы регионального взаимодействия. АСЕАН, несмотря на внутреннюю неоднородность, последовательно стремится удерживать за собой роль центральной площадки, через которую внешние акторы включаются в обсуждение вопросов безопасности, экономики и развития²⁹⁶. В этой логике Китай нередко воспринимается как слишком мощный и потенциально склонный к перерастанию экономического влияния в политическое давление, тогда как США чаще связываются с риском жёсткого геополитического деления региона. Япония, напротив, в большей степени ассоциируется с поддержанием уже существующей институциональной среды, а не с попыткой заменить её собственной моделью. Именно поэтому её привлекательность выходит за пределы собственно

²⁹⁴ Япония укрепляет экономическое сотрудничество с государствами ЮВА // Eurasia Today. URL: <https://eurasia.today/actual/yaponiya-ukreplyaet-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-s-gosudarstvami-yugo-vostochnoy-azii/> (дата обращения: 15.03.2026)

²⁹⁵ Япония укрепляет экономическое сотрудничество с АСЕАН // Nippon.com. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2025071000682/> (дата обращения: 15.03.2026).

²⁹⁶ О центральной роли АСЕАН в современной Юго-Восточной Азии // Journal NEO. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/10/26/asean-i-ee-czentralnaya-rol-v-sovremennoj-yugo-vostochnoj-azii/> (дата обращения: 15.03.2026).

экономического сотрудничества и становится частью более широкого представления о желательном региональном порядке²⁹⁷.

Существенно и то, что высокий уровень доверия к Японии сохраняется на фоне роста её внешнеполитической и военной активности. Если бы японская линия воспринималась в регионе как переход к более жёсткой, силовой и ревизионистской модели поведения, это должно было бы привести к снижению доверия, особенно в тех странах, где сохраняется чувствительность к любым проявлениям милитаризации крупных держав²⁹⁸. Однако данные ISEAS за 2024 и 2025 гг. показывают обратное: рост стратегической активности Токио не сопровождался падением положительных оценок. Напротив, доверие к Японии увеличилось с 58,9% до 66,8%. Это означает, что страны АСЕАН в целом интерпретируют усиление японского участия в региональных делах не как попытку создать новый центр давления, а как укрепление баланса в условиях роста китайского влияния и политической волатильности Соединённых Штатов. Для Токио это крайне важный результат, поскольку он свидетельствует о способности наращивать политическую роль без потери статуса наиболее приемлемого внешнего партнёра²⁹⁹.

Не менее важна и динамика доверия к Японии по отдельным странам. В 2025 г., помимо уже упомянутых Филиппин и Вьетнама, высокий уровень доверия к Токио был зафиксирован в Камбодже 73,8%, Брунее 71,8%, Таиланде 68,7% и Лаосе 67,2%. Даже в тех странах, где позиции Китая объективно сильны, японское восприятие оставалось более благоприятным, чем можно было бы ожидать исходя из простого сопоставления объёмов торговли или инвестиционной зависимости. Это показывает, что японская привлекательность в ЮВА не ограничивается группой государств, наиболее тесно связанных с

²⁹⁷ Why Japan is Southeast Asia's most trusted power // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3306892/stabiliser-why-japan-most-trusted-power-southeast-asia> (accessed: 15.03.2026).

²⁹⁸ Япония – один из старейших и наиболее надёжных партнёров АСЕАН // Vietnam.vn. URL: <https://www.vietnam.vn/ru/nhat-ban-la-mot-trong-cac-doi-tac-lau-doi-va-tin-cay-nhat-cua-asean> (дата обращения: 15.03.2026)

²⁹⁹ New Southeast Asia survey shows greater trust in the U.S. than China – but there's a catch // TIME. URL: <https://time.com/7274803/southeast-asia-2025-survey-us-china-trust-asean-iseas-trump/> (accessed: 15.03.2026).

США или наиболее обеспокоенных морскими спорами с Китаем. Она носит более широкий характер и связана с тем, что Токио воспринимается как партнёр, позволяющий расширять внешнеполитический выбор, а не сужать его.

Однако столь благоприятная позиция Японии не означает отсутствия ограничений. Во-первых, японское влияние в ЮВА остаётся зависимым от более широкой конфигурации соперничества между США и Китаем³⁰⁰. Если Вашингтон и Пекин продолжают радикализировать региональную повестку, пространство для японской умеренной линии может сузиться, поскольку государства АСЕАН будут всё сильнее сталкиваться с давлением бинарного выбора³⁰¹. Во-вторых, сама Япония не обладает ресурсами, которые позволили бы ей заменить Китай как ведущего торгового партнёра или США как военного гаранта. Это означает, что её сравнительное преимущество носит в первую очередь качественный, а не количественный характер. Оно может быть устойчивым, но не всемогущим. В-третьих, внутри самой АСЕАН сохраняются разные режимы восприятия внешних держав, и в ряде стран Китай по-прежнему выглядит предпочтительнее с точки зрения краткосрочных экономических выгод, тогда как США сохраняют незаменимость в вопросах жёсткой безопасности³⁰².

Тем не менее именно при наличии этих ограничений значение Японии оказывается особенно заметным. Если бы регион был жёстко структурирован только вокруг китайского экономического ядра и американского силового зонтика, пространство для самостоятельной политики стран АСЕАН было бы значительно уже. Япония усиливает многообразие внешних опор, поддерживает политическую и институциональную гибкость региона и тем самым способствует сохранению того типа порядка, который наиболее соответствует интересам Ассоциации. В этом проявляется её стратегическая роль, значительно

³⁰⁰ Japan and ASEAN are 'natural partners' in complex global environment // The Business Times. 2024. URL: <https://www.businesstimes.com.sg/international/asean/japan-and-asean-are-natural-partners-work-together-increasingly-complex-global-environment> (accessed: 15.03.2026).

³⁰¹ Japan hosts coast guard drills with U.S. and Philippines as sea tensions rise // Associated Press. 2024. URL: <https://apnews.com/article/48c5c64e8df7a97c8a32b1181767163e> (accessed: 15.03.2026).

³⁰² Majority of Southeast Asians favour China over U.S., survey finds // Financial Times. 2024. URL: <https://www.ft.com/content/f02ec7ad-e977-466d-9b72-c80c069da03b> (accessed: 15.03.2026).

выходящая за рамки простой торговли, инвестиций или символической дипломатической поддержки.

Подводя итог, следует констатировать, что сравнительный анализ оценок Японии, Китая и США в странах АСЕАН выявляет качественно особое положение Токио в современной региональной системе³⁰³. Китай выступает главным экономическим центром притяжения и наиболее влиятельной силой в торгово-производственном измерении, но вызывает наиболее выраженные опасения по поводу политического давления и зависимости. США сохраняют значение основного внешнего силового балансира, однако воспринимаются как менее предсказуемый и более конфронтационный актор. Япония не обладает ни масштабом китайского влияния, ни силовыми возможностями Соединённых Штатов, но именно она оказывается наиболее доверяемым, политически комфортным и институционально совместимым партнёром для большинства государств АСЕАН^{304,305}. Это делает её не альтернативой двум другим центрам силы, а наиболее предпочтительным элементом регионального балансирования.

Следовательно, политико-экономическая значимость Японии для ЮВА состоит в том, что она позволяет государствам региона одновременно минимизировать издержки чрезмерной зависимости от Китая и не сводить свою безопасность к единственной опоре на Соединённые Штаты. Именно благодаря сочетанию экономической вовлечённости, высокого доверия, уважения к асеаноцентричной модели и сравнительно низкого уровня восприятия как агрессивного актора Япония занимает в системе стратегических предпочтений стран АСЕАН особое место. В условиях продолжающейся трансформации АТР это делает Токио одним из ключевых внешних участников, чьё значение определяется не максимальной силой, а оптимальным балансом между

³⁰³ Two-way exchanges are crucial for deepening ASEAN–Japan relations // East Asia Forum. 04.09.2024. URL: <https://eastasiaforum.org/2024/09/04/two-way-exchanges-are-crucial-for-deepening-asean-japan-relations/> (accessed: 15.03.2026).

³⁰⁴ State of Southeast Asia Survey 2025: taking Southeast Asia's pulse // ThinkChina. 2025. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/state-southeast-asia-survey-2025-taking-southeast-asias-pulse-geopolitics> (accessed: 15.03.2026).

³⁰⁵ ASEAN's image fades but expectations remain high // Asialink Insights. 2024. URL: <https://asialink.unimelb.edu.au/diplomacy/aseans-image-fades-expectations-remain-high/> (accessed: 15.03.2026).

взаимовыгодным потенциалом сотрудничества, предсказуемостью и политической приемлемостью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования установлено, что трансформация отношений Японии со странами ЮВА в условиях усиления напряжённости в АТР представляет собой длительный и системный процесс, в рамках которого экономические механизмы взаимодействия постепенно приобрели выраженное политическое и стратегическое значение. Анализ показал, что современная политика Токио в отношении государств ЮВА не может быть сведена исключительно к задачам торгово-инвестиционного сотрудничества, содействия развитию или поддержания благоприятного международного имиджа. Она выступает составной частью более широкой внешнеполитической стратегии, направленной на обеспечение собственных интересов Японии, укрепление её региональных позиций и адаптацию к изменяющемуся балансу сил в АТР.

Достижение поставленной в диссертации цели позволило выявить основные направления трансформации японской политико-экономической стратегии в ЮВА, определить характер используемых инструментов и установить их функциональную связь с задачами внешнеполитического и стратегического характера. Проведённое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что взаимодействие Японии со странами АСЕАН строится не только как форма содействия их социально-экономическому развитию, но, в первую очередь, как инструмент последовательного продвижения собственных интересов Токио в условиях обострения региональной конкуренции. Официальная помощь развитию, инвестиции, инфраструктурные инициативы, торгово-экономические соглашения, образовательные и технологические проекты выполняют двойную функцию: с одной стороны, способствуют модернизации и повышению устойчивости государств ЮВА, с другой – расширяют экономическое присутствие Японии, укрепляют её политическое влияние и формируют благоприятную внешнюю среду для реализации её долгосрочных стратегических задач.

В ходе исследования было установлено, что историческая эволюция японской политики в ЮВА прошла несколько взаимосвязанных этапов. На начальном этапе, в послевоенный период, взаимодействие Японии со странами региона было обусловлено необходимостью восстановления политического доверия и возвращения на азиатские рынки после поражения во Второй мировой войне. Репарационные механизмы, первые кредитные и инвестиционные проекты, а затем и развитие программ официальной помощи создали институциональную и экономическую основу для возвращения Японии в регион. В последующие десятилетия данная линия эволюционировала в более сложную модель, основанную на сочетании помощи развитию, инвестиционной активности, институционального диалога и стратегического партнёрства. Тем самым был обеспечен переход от преимущественно компенсационной логики присутствия к политико-экономической стратегии, ориентированной на долгосрочное закрепление Японии и последовательную реализацию ее интересов в ЮВА.

Проведённый анализ показал, что собственные интересы Японии являются базовым фактором, определяющим содержание её политики в отношении стран ЮВА. Особое значение для Токио имеют обеспечение безопасности морских коммуникаций, устойчивый доступ к сырьевым и энергетическим ресурсам, диверсификация производственно-логистических цепочек, расширение рынков сбыта и сдерживание чрезмерного усиления конкурирующих центров силы. Именно в этом контексте следует рассматривать японскую активность в инфраструктурной, инвестиционной, технологической и институциональной сферах. Экономическая дипломатия в данном случае выступает не периферийным дополнением к внешней политике, а её ключевым инструментом. Она позволяет Японии добиваться укрепления своих позиций в регионе без прямого силового давления, используя механизмы взаимовыгодного сотрудничества, долгосрочной вовлечённости и институциональной сопряжённости.

Важным результатом исследования стало выявление того, что на современном этапе экономические инструменты Японии в ЮВА всё в большей

степени переплетаются с военно-политическим компонентом её внешней политики. Рост военной активности Китая, развитие ракетно-ядерной программы КНДР, усиление неопределённости в региональной стратегии США, а также общая трансформация архитектуры АТР обусловили пересмотр традиционной японской линии. В исследовании доказано, что курс на усиление военного потенциала и расширение функций Японии в военной сфере, особенно активизированный в период правительства Санаэ Такаити с 2025 г., не отменяет прежнюю модель политико-экономического взаимодействия, а накладывается на неё, усиливая её стратегическое измерение. В результате японская политика в ЮВА приобретает комплексный характер: механизмы развития и сотрудничества всё чаще сочетаются с формами содействия в военной сфере, военно-логистическим взаимодействием и институциональным продвижением собственных политических интересов.

Одновременно исследование показало, что усиление военно-политической составляющей японского курса не привело к подрыву доверия к Японии со стороны государств АСЕАН. Напротив, сравнительный анализ оценок Японии, Китая и США в восприятии стран ЮВА позволил установить, что Токио сохраняет особое положение как один из наиболее приемлемых, предсказуемых и политически комфортных партнёров региона. В значительной степени это объясняется тем, что японская политика по-прежнему строится под эгидой сотрудничества, институционального диалога и уважения к суверенитету партнёров. В отличие от Китая, вызывающего опасения в связи с возможной асимметричной зависимостью и силовым давлением, и США, часто воспринимаемых как более конфронтационный и менее предсказуемый актор, Япония занимает промежуточную, но для многих государств региона более приемлемую позицию за счет созданного имиджа неконфликтного государства.

В диссертации обосновано, что устойчивость японской стратегии в ЮВА определяется не только объёмом финансовых ресурсов и масштабом экономического участия, но и особенностями институционального оформления её политики. Токио стремится не подменять собой существующую региональную

архитектуру, а действовать внутри неё, опираясь на асеаноцентричные форматы, принципы инклюзивности и многосторонности. Сопряжение концепции FOIP с AOIP, участие Японии в региональных торгово-экономических режимах, развитие двусторонних и минилатеральных форматов, поддержка инфраструктурной, энергетической и цифровой связности формируют ту институциональную среду, в которой японское присутствие воспринимается как легитимное и полезное. Тем самым Япония укрепляет свои позиции не через жёсткое доминирование, а через сочетание кооперации, нормативной совместимости и стратегической гибкости.

Существенным выводом является и то, что японская политика в отношении стран ЮВА не направлена на вытеснение других внешних акторов из региона, а выполняет функцию балансирования. Токио стремится создать для государств АСЕАН такую модель взаимодействия, которая позволяла бы им снижать риски односторонней зависимости от Китая, не разрывая экономических связей с ним, и одновременно компенсировать неопределённость, связанную с переменчивостью американской политики. В этом смысле японская стратегия способствует не устранению конкуренции в регионе, а смягчению её последствий для стран ЮВА. Данный аспект позволяет рассматривать Японию как одного из ключевых элементов современной системы регионального балансирования в АТР.

Научное значение полученных результатов состоит в уточнении представлений о политико-экономической стратегии государства как о форме сочетания механизмов развития, дипломатического влияния и защиты национальных интересов в условиях нарастающей геополитической конкуренции. На примере политики Японии в ЮВА показано, что экономические инструменты не являются политически нейтральными и не сводятся к задачам хозяйственного сотрудничества. Они могут выступать важнейшими средствами формирования благоприятной внешней среды, институционального закрепления присутствия, снижения стратегических рисков и долгосрочного балансирования сил, необходимых для продвижения и реализации собственной политики и

интересов актора в условиях жесткой региональной конкуренции. Кроме того, исследование позволяет уточнить характер взаимосвязи между экономической дипломатией и военно-политической адаптацией государства в условиях изменения региональной архитектуры безопасности.

Практическая значимость работы определяется тем, что её выводы могут быть использованы при дальнейшем анализе политики Японии в АТР, при подготовке материалов по проблематике региональной безопасности, а также при выработке подходов к взаимодействию с государствами ЮВА. Проведённое исследование показывает, что устойчивое присутствие в регионе не обязательно строится на прямом силовом давлении или на исключительно торгово-инвестиционной активности. Более результативной оказывается модель, сочетающая экономическую вовлечённость, институциональную адаптивность, уважение к интересам партнёров и подчинённость внешних инструментов реализации собственных национальных задач. В этом отношении японский опыт представляет интерес и для оценки возможностей других государств, включая Россию, в сфере долгосрочного позиционирования в АТР.

Таким образом, по итогам диссертационного исследования можно заключить, что Япония сформировала в ЮВА особую модель политико-экономического взаимодействия, в рамках которой такие инструменты как: помощь развитию, инвестиции, инфраструктурные проекты, технологическое сотрудничество и институциональное участие служат в интересах обеспечения собственных внешнеполитических интересов Токио. В условиях трансформации регионального порядка эта модель не утрачивает актуальности, а, напротив, приобретает всё более эффективный характер за счёт усиления её военно-политического измерения. При этом Япония сохраняет прежний уровень партнёрств со странами АСЕАН, что свидетельствует о высокой адаптивности её стратегии и о способности сочетать продвижение собственных интересов с поддержанием кооперативной формы присутствия. Всё это позволяет рассматривать Японию как одного из ключевых акторов формирования современной политико-экономической и стратегической конфигурации ЮВА.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ADB (Asian Development Bank) – Азиатский банк развития

AOIP (ASEAN Outlook on the Indo-Pacific) – стратегическая инициатива
«Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион»

ASEAN (Association of Southeast Asian Nations) – Ассоциация государств
Юго-Восточной Азии

AZEC (Asia Zero Emission Community) – Азиатское сообщество нулевых
выбросов

BIRD (Japan-Bangsamoro Initiative for Reconstruction and Development) –
Японо-Бангсаморская инициатива по восстановлению и развитию

ОПОП (Belt and Road Initiative) – Инициатива «Один пояс, один путь»

COVID-19 (Coronavirus Disease 2019) – Коронавирусная инфекция 2019
года

CPTPP (Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Part-
nership) – Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о ТТП

DFFT (Data Free Flow with Trust) – Свободное движение данных с дове-
рием

EPA (Economic Partnership Agreement) – Соглашение об экономическом
партнёрстве

ERIA (Economic Research Institute for ASEAN and East Asia) – Институт
экономических исследований АСЕАН и Восточной Азии

ESG (Environmental, Social, and Governance) – Экологические, социаль-
ные и управленческие стандарты

ПИИ (Foreign Direct Investment) – Прямые иностранные инвестиции

FOIP (Free and Open Indo-Pacific) – Свободный и открытый Индо-Тихо-
океанский регион

FTA (Free Trade Agreement) – Соглашение о свободной торговле

GDP (Gross Domestic Product) – Валовой внутренний продукт

GPM (Green Partnership Model) – Модель зелёного партнёрства

III (Indo-Pacific Industrial Initiative) – Индо-Тихоокеанская промышленная инициатива

IPEF (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity) – Индо-Тихоокеанская экономическая структура во имя процветания

ISEAS (Institute of South-East Asian Studies) – Институт исследований Юго-Восточной Азии имени Юсуфа Ишака

ISIS (Institute of Strategic and International Studies) – Институт стратегических и международных исследований

JACI (Japan-ASEAN Centre for Innovation) – Центр инновационного сотрудничества Японии и АСЕАН

JAIC (Japan-ASEAN Integration Center) – Центр интеграции Японии и АСЕАН

JAIF (Japan-ASEAN Integration Fund) – Интеграционный фонд Японо-АСЕАН

JASSO (Japan Student Services Organization) – Организация студенческого сервиса Японии

JBIC (Japan Bank for International Cooperation) – Японский банк международного сотрудничества

JENESYS (Japan-East Asia Network of Exchange for Students and Youths) – Японо-восточноазиатская программа студенческих обменов

JET (Japan Exchange and Teaching Programme) – Программа преподавания и обменов в Японии

JETRO (Japan External Trade Organization) – Японская организация внешней торговли

JICA (Japan International Cooperation Agency) – Японское агентство международного сотрудничества

JIА (Japan Institute of International Affairs) – Японский институт международных дел

JMAS (Japan Mine Action Service) – Японская служба по разминированию

JOGMEC (Japan Oil, Gas and Metals National Corporation) – Национальная корпорация нефти, газа и металлов Японии

JR (Japan Railways Group) – Японские железные дороги

METI (Ministry of Economy, Trade and Industry) – Министерство экономики, торговли и промышленности Японии

MEXT (Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology) – Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии

MOFA (Ministry of Foreign Affairs) – Министерство иностранных дел Японии

NEXI (Nippon Export and Investment Insurance) – Японское агентство экспортного страхования и инвестиций

NIDS (National Institute for Defense Studies) – Национальный институт оборонных исследований

ОПР (Official Development Assistance) – Официальная помощь в целях развития

OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development) – Организация экономического сотрудничества и развития

PQI (Partnership for Quality Infrastructure) – Партнёрство за качественную инфраструктуру

PT (Pertamina) – Индонезийская национальная нефтегазовая компания

QUAD (Quadrilateral Security Dialogue) – Четырёхсторонний диалог по безопасности

RCEP (Regional Comprehensive Economic Partnership) – Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство

SCRI (Supply Chain Resilience Initiative) – Инициатива устойчивости цепочек поставок

ТОА (Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia) – Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии

TPP (Trans-Pacific Partnership) – Транстихоокеанское партнёрство

UN (United Nations) – Организация Объединённых Наций

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Международные договоры и документы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1860586/ (дата обращения: 04.01.2025).

2. Quad Leaders' Joint Statement // The White House. URL: <https://biden-whitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/20/quad-leaders-joint-statement/> (дата обращения: 12.04.2025).

Официальная информация и сообщения

3. Доклад о мировых инвестициях 2023 г. // Конференция Организации объединенных наций по торговле и развитию. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_overview_ru.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

4. Инвестирование в процветающие, инклюзивные, жизнестойкие и устойчивые страны АТР: презентация // Азиатский банк развития. URL: https://kase.kz/files/presentations/ru/ABD_presentation_16_03_22.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

5. Программы Японского фонда // Центр Японской Культуры «The Japan Foundation» URL: <https://jpfmw.ru/ru/programmyi/programmyi-уаронского-fonda.html> (дата обращения: 12.04.2025).

6. Стратегия 2030: Процветающий, инклюзивный, жизнестойкий и устойчивый АТР // Азиатский банк развития. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/528646/strategy-2030-brochure-ru.pdf> (дата обращения: 04.03.2025).

7. 日 ASEAN 経済共創ビジョン [Видение совместного экономического развития Японии и АСЕАН] // 経済産業省 [Министерство экономики, торговли и промышленности Японии]. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2023/08/20230822005/20230822005.html> (дата обращения: 05.12.2024).

8. 国家安全保障戦略 [Стратегия национальной безопасности Японии] // 内閣官房 [Секретариат кабинета министров Японии]. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения: 05.12.2024)..

9. 令和 8 年 1 月 19 日 高市内閣総理大臣記者会見 [Электронный ресурс] // Prime Minister's Office of Japan. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/104/state-ment/2026/0119kaiken.html> (дата обращения: 15.03.2026).

10. 基調講演「我が国の経済外交の推進に向けて」 [Основной доклад: «Содействие экономической дипломатии Японии»] // 外務省 [MOFA]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/ecn/ec/page24_000859.html (дата обращения: 04.03.2025).
11. (社)経済団体連合会 [Японская федерация бизнеса] // 通商政策の新たな展開に向けて [К новым изменениям в торговой политике]. URL: <http://www.keidanren.or.jp/japanese/policy/2000/033/index.html> (дата обращения: 04.03.2025).
12. 福田ドクトリン 30周年と日本・ASEAN 関係 [30-летие доктрины Фукуды и отношений Японии и АСЕАН] // 国際問題 [Международные вопросы]. URL: https://www2.jiia.or.jp/kokusaimondai_archive/2000/2007-10_006.pdf?noprint= (дата обращения: 24.03.2025).
13. 2nd Meeting of the East Asia Summit Group convenes at the ASEAN Headquarters // ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/2nd-meeting-of-the-east-asia-summit-group-convenes-at-the-asean-headquarters-asean-secretariat/> (accessed: 03.12.2024).
14. Activity report 2024 // Institute of Strategic and International Studies (ISIS) Malaysia. URL: <https://www.isis.org.my/wp-content/uploads/2025/07/Activity-report-2024-v2.pdf> (accessed: 05.12.2024).
15. Australia-India-Japan Trade Ministers' Joint Statement on Launch of Supply Chain Resilience initiative // Government of India Press Information Bureau. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1714362> (accessed: 12.04.2025).
16. ASEAN-China Economic Relations // ASEAN Official Website. URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/integration-with-global-economy/asean-china-economic-relation/> (accessed: 15.03.2026).
17. Badan Pusat Statistik. Investment Realization Foreign Investment by Country/Region/Certain Entity [Электронный ресурс]. Jakarta: BPS Statistics Indonesia, 27.03.2025. URL: <https://www.bps.go.id/en/statistics-table/2/MTg0MyMy/investment-realization-foreign-investment-by-country.html> (accessed: 14.03.2026).
18. Defense of Japan 2025 // Digest Version. Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/j/press/wp/wp2025/pdf/DOJ2025_Digest_EN.pdf (дата обращения: 05.12.2024).
19. Diplomatic Bluebook 2024 // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2024/pdf/pdfs/2024_all.pdf (accessed: 12.04.2025).
20. East-West Center Annual Report 2024 // East-West Center. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/east-west-center-annual-report-2024> (accessed: 05.12.2024).
21. Event Report // The Japan Institute of International Affairs. URL: <https://www.jiia.or.jp/en/eventreport/> (accessed: 03.12.2024).

22. Implementation Plan of the Joint Vision Statement on ASEAN-Japan Friendship and Cooperation Trusted Partners // The ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/12/Final-Implementation-Plan-of-the-ASEAN-Japan-Joint-Vision-Statement.pdf> (accessed: 05.12.2024).

23. Jakarta Joint Declaration of ADMM for Peace Prosperity and Security // The ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/11/2023-Jakarta-Joint-Declaration-of-ADMM-for-Peace-Prosperity-and-Security.pdf> (accessed: 05.12.2024).

24. Japan's EPA/FTA and Related Initiatives // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100786377.pdf> (дата обращения: 04.03.2025).

25. Japan Friendship Ties Programs «JENESYS» (Japan-East Asia Network of Exchange for Students and Youths) // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page24e_000354.html (accessed: 12.04.2025).

26. Human Development Report 2025 // United Nations Development Programme. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025> (accessed: 03.12.2024).

27. Greater Mekong Subregion Economic Cooperation Program: Overview // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29387/gms-ecp-overview-2015.pdf> (accessed: 03.12.2024).

28. G7 Ise-Shima Principles for Promoting Quality Infrastructure Investment // 外務省. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000160272.pdf> (accessed: 04.03.2025).

29. G20 Principles for Quality Infrastructure Investment // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/g20/osaka19/pdf/documents/en/annex_01.pdf (accessed: 04.03.2025).

30. Friendshoring в глобальных цепочках поставок // Центр экспертизы ВТО. URL: <https://wto.ru/our-blog/friendshoring-v-globalnykh-tsepochkakh-postavok/> (accessed: 01.02.2025).

31. Master Plan on ASEAN Connectivity 2025 // The ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-2025.pdf> (accessed: 04.03.2025).

32. Nippon Export and Investment Insurance. Annual Report 2024 // NEXI. URL: <https://www.nexi.go.jp/corporate/booklet/pdf/annual2024-e.pdf> (accessed: 14.03.2026).

33. Net bilateral aid flows from DAC donors, Japan (current US\$) // The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/DC.DAC.JPNL.CD> (accessed: 05.12.2024).

34. New Plan for a «Free and Open Indo-Pacific (FOIP)» // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000430632.pdf> (accessed: 03.12.2024).

35. Philippine Development Plan (PDP) 2023-2028 // Philippine Development Plan. URL: <https://pdp.depdev.gov.ph/philippine-development-plan-2023-2028/> (accessed: 03.12.2024).

36. RCEP Statements // Regional Comprehensive Economic Partnership. URL: <https://rcepsec.org/wp-content/uploads/2024/07/RCEP-PSR-in-HS-2022-adopted-by-RJC-30June2022-corrected20Aug2022.pdf> (accessed: 03.12.2024).

37. RCEP text // Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/in-force/rcep/rcep-text> (accessed: 05.12.2024).

38. Socio-economic development plan for 2021-2025 // Vietnam government portal. URL: <https://vietnam.gov.vn/socio-economic-development-plans/socio-economic-development-plan-for-2021-2025-12056314> (accessed: 03.12.2024).

39. Southeast Asia Economic Data // CEIC Data. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicators> (accessed: 05.12.2024).

40. Speech by Prime Minister of Japan Junichiro Koizumi // MOFA. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0201/speech.html> (дата обращения: 04.03.2025).

41. Sport for Tomorrow // The Government of Japan. URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/winter2018/sport_for_tomorrow.html (accessed: 12.04.2025).

42. Thailand Strengthening Digital Ties with Japan and Vietnam // OpenGov Asia – CIO Network. URL: <https://opengovasia.com/2025/01/21/thailand-strengthening-digital-ties-with-japan-and-vietnam/> (accessed: 12.04.2025).

43. The Eighth Mekong-Japan Summit Meeting // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page3e_000567.html (accessed: 12.04.2025).

44. The State of Southeast Asia 2025 Survey // Yusof Ishak Institute. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/03/The-State-of-SEA-2025-1.pdf> (accessed: 05.12.2024).

45. Towards Free and Open Indo-Pacific // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000407643.pdf> (accessed: 12.04.2025).

46. Training Programs // JICA. URL: <https://www.jica.go.jp/english/activities/issues/gender/background/training.html> (дата обращения: 12.04.2025).

47. UN Comtrade database // UN Comtrade Analytics. URL: <https://comtrade.un.org/labs/data-explorer/> (accessed: 05.12.2024).

48. White Paper on Development Cooperation 2023 Japan's International Cooperation // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/100783436.pdf> (accessed: 04.03.2025).

49. World Investment Report // United Nations Conference on Trade and Development. URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (accessed: 03.12.2024).

Доклады международных и других организаций

50. A New Normal? Navigating Japan's Shifting Political Currents // Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/new-normal-navigating-japans-shifting-political-currents> (accessed: 19.04.2025).

51. Annual Report 2024 // The ASEAN Secretariat.
URL: <https://asean.org/serial/annual-report-2024-enhancing-connectivity-and-resilience/> (accessed: 05.12.2024).

52. Annual Report 2024 // United Nations.
URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_annual_report_2024_ru.pdf (accessed: 05.12.2024).

53. APEC Leaders' Machu Picchu Declaration // APEC Secretariat.
URL: <https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2024/2024-apec-leaders%27-machu-picchu-declaration> (accessed: 05.12.2024).

54. ASEAN Economic Community Blueprint 2025 // The ASEAN Secretariat.
URL: <https://asean.org/book/asean-economic-community-blueprint-2025/> (accessed: 03.12.2024).

55. ASEAN Investment Report 2024: Sustaining Growth in a Changing World // ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/publication/asean-investment-report-2024/> (accessed: 15.03.2026).

56. ASEAN's image fades but expectations remain high // Asialink Insights. 2024. URL: <https://asialink.unimelb.edu.au/diplomacy/aseans-image-fades-expectations-remain-high/> (accessed: 15.03.2026).

57. ASEAN outlook on the Indo-Pacific // The ASEAN Secretariat.
URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed: 12.04.2025).

58. Asia Zero Emission Community (AZEC) // METI.
URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/global_warming/azec/azec_en.html (accessed: 12.04.2025).

59. Asia Zero Emission Community Joint // METI.
URL: <https://www.meti.go.jp/press/2022/03/20230306005/20230306005-24.pdf> (дата обращения: 14.03.2026).

60. Asian Economic Integration Report 2024 // Asian Development Bank.
URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/945596/asian-economic-integration-report-2024.pdf> (accessed: 12.04.2025).

61. Chairman's statement of the 43rd ASEAN summit Jakarta, Indonesia // The ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/09/charman-statement-of-the-43rd-asean-summit-fin.pdf> (accessed: 04.03.2025).

62. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2024 // Center of the Fanhai International School of Finance URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2024> (accessed: 12.04.2025).

63. Construction of Soekarno-Hatta International Airport Access Railway Project in the Republic of Indonesia // JICA. URL: https://www.jica.go.jp/english/our_work/social_environmental/id/asia/southeast/indonesia/c8h0vm000090vnrw.html (accessed: 14.03.2026).

64. Country Analysis Paper for the Republic of the Philippines // JICA.
URL: https://www.jica.go.jp/english/overseas/philippine/_icsFiles/afieldfile/2025/01/28/JCAP-Philippines_March2024.pdf (accessed: 14.03.2026).

65. Critical Minerals Market Review 2023 // Organization for Economic Cooperation and Development. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/07/critical-minerals-market-review-2023_9dcfb1a7/9cdf8f39-en.pdf (accessed: 14.03.2026).
66. D'Ambrogio E. Japan: Takaichi Sanae Secures a Landslide Victory. Brussels: European Parliamentary Research Service, 2026. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2026/782667/EPRS_BRI%282026%29782667_EN.pdf (accessed: 15.03.2026).
67. Development Cooperation Charter (Provisional Translation) // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100514705.pdf> (accessed: 14.03.2026).
68. Diplomatic Bluebook 2025 // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2025/pdf/pdfs/2025_all.pdf (accessed: 14.03.2026).
69. Digital Trade Agreements in Asia and the Pacific // The Asia Foundation. URL: https://asiafoundation.org/wp-content/uploads/2024/05/Digital-Trade-Agreements-in-Asia-and-the-Pacific_Tech-Policy.pdf (accessed: 12.04.2025).
70. Download World Economic Outlook database: October 2024 // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October/weo-report> (accessed: 12.04.2025).
71. Economic Diplomacy // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2024/pdf/pdfs/3-3.pdf> (accessed: 14.03.2026).
72. Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2024 // Organisation for Economic Cooperation and Development. URL: https://www.oecd.org/en/publications/economic-outlook-for-southeast-asia-china-and-india/volume-2024/issue-1_3bbe7dfe-en.html (accessed: 03.12.2024).
73. Economic Implications Of The Regional Comprehensive Economic Partnership For Asia And The Pacific // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/740991/ewp-639-regional-comprehensive-economic-partnership.pdf> (accessed: 05.12.2024).
74. Estimating the Economic and Distributional Impacts of the Regional Comprehensive Economic Partnership // The World Bank Group. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/485751644957468051/pdf/Estimating-the-Economic-and-Distributional-Impacts-of-the-Regional-Comprehensive-Economic-Partnership.pdf> (accessed: 05.12.2024).
75. Five-Point Plan for Critical Minerals Security // METI. URL: <https://www.meti.go.jp/information/g7hirosima/energy/pdf/Annex005.pdf> (accessed: 14.03.2026).
76. IEA. Japan 2021: Energy Policy Review. Paris: IEA, 2021. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2021/03/japan-2021-energy-policy-review_e1e90eab/72bb987a-en.pdf (accessed: 14.03.2026).
77. IEA. The Role of Critical Minerals in Clean Energy Transitions. Paris: IEA, 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/the-role-of-critical-minerals-in-clean-energy-transitions> (accessed: 14.03.2026).

78. ISEAS Annual Report 2024 // ISEAS-Yusof Ishak Institute. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/08/20250919-ISEAS-AR2024-5.pdf> (accessed: 15.03.2026).

79. Initiative for ASEAN integration (IAI) Work plan IV (2021-2025) // The ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/IAI-workplan-IV.pdf> (accessed: 12.04.2025).

80. GDP (current US\$) // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed: 03.12.2024).

81. Japan Aligns with IFRS: SSBJ Rolls Out New Sustainability Disclosure Standards // IRIS Business Services. URL: <https://irisbusiness.com/japan-aligns-with-ifrs-ssbj-rolls-out-new-sustainability-disclosure-standards> (accessed: 12.04.2025).

82. Japan Organization for Metals and Energy Security. Indonesia's Tangguh Expansion Project Commences LNG Shipment // JOGMEC. URL: https://www.jogmec.go.jp/english/news/release/release_00247.html (accessed: 14.03.2026).

83. Japan's Critical Leadership Role on Free and Fair Trade // Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/japans-critical-leadership-role-free-and-fair-trade> (accessed: 12.04.2025).

84. Japan's Diplomacy Towards ASEAN from the Perspective of its «Indo-Pacific Strategy» // APEC and East Asian Cooperation Center. URL: <https://www.worldscientific.com/doi/pdf/10.1142/S273755792250005X> (accessed: 19.04.2025).

85. Japan's 2025 Geopolitical Strategy: Balancing US-China Risks and Regional Stability // PRDUA Research & Media. URL: <https://www.marketreportanalytics.com/news/article/japans-2025-geopolitical-strategy-balancing-us-china-risks-and-regional-stability-16058> (accessed: 12.04.2025).

86. Japan's Strategic Interests in the Global South: Indo-Pacific Strategy // Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/japans-strategic-interests-global-south-indo-pacific-strategy> (accessed: 19.04.2025).

87. Japan: A Future Constitutional Reform of Article 9? // Brussels: NATO Defense College Foundation. URL: <https://www.natofoundation.org/wp-content/uploads/2025/09/NDCF-Mocchegiani-Japan-post-electoral-options.pdf> (accessed: 15.03.2026).

88. JETRO Global Trade and Investment Report 2025 // Japan External Trade Organization. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/hungary/pdf/globaltradeandinvestmentreport2025.pdf (accessed: 14.03.2026).

89. FY 2024 Survey on the International Operations of Japanese Firms // JETRO. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/hungary/pdf/surveyontheinternational.pdf (accessed: 14.03.2026).

90. 2024 Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Asia and Oceania // JETRO. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2024/EN_Asia_and_Oceania_2024_r4.pdf (accessed: 14.03.2026).

91. JICA and MMDA commence a project on Intelligent Transportation System in line with the Comprehensive Traffic Management Plan for Metro Manila // JICA. URL: <https://www.jica.go.jp/english/overseas/philippine/information/press/2024/rdsigningctmp02212025.html> (accessed: 14.03.2026).

92. JICA Report 2024 // JICA. URL: https://www.jica.go.jp/english/about/disc/report/2024/_icsFiles/afieldfile/2025/07/17/2024-EN-all_1.pdf (accessed: 04.03.2025).

93. Joint Media Statement of the Twenty-Fourth AEM-MOFCOM Consultation // ASEAN Secretariat. 2025. URL: <https://rainfo.org/2025/09/24/joint-media-statement-of-the-twenty-fourth-aem-mofcom-consultationasean-main-portal/> (accessed: 15.03.2026).

94. Hanoi, Tokyo deepen cooperation with new defense agreements, equipment transfers // Indo-Pacific Defense FORUM. URL: <https://ipdefenseforum.com/2024/08/hanoi-tokyo-deepen-cooperation-with-new-defense-agreements-equipment-transfers/> (accessed: 12.04.2025).

95. Hiroshima Report 2025: Evaluation of Achievement in Nuclear Disarmament, Non-Proliferation and Nuclear Security in 2024 // Hiroshima Organization for Global Peace; Japan Institute of International Affairs. Hiroshima: Hiroshima Organization for Global Peace. URL: https://www.pref.hiroshima.lg.jp/soshiki_file/hiroshimaforpeace-en/attachment/h-report/2025-full.pdf (accessed: 15.03.2026).

96. Foreign Direct Investment Statistics Database // ASEAN Secretariat. URL: <https://data.aseanstats.org> (accessed: 15.03.2026).

97. Military and security developments involving the People's Republic of China 2024. Annual report to Congress // U.S. Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2024/Dec/18/2003615520/-1/-1/0/military-and-security-developments-involving-the-peoples-republic-of-china-2024.pdf> (accessed: 12.04.2025).

98. Once Again, Leadership Transitions Challenge US-Japan Alliance // Pacific Forum. URL: <https://cc.pacforum.org/2024/12/once-again-leadership-transitions-challenges-us-japan-alliance/> (accessed: 12.04.2025).

99. Occasional Paper // Observer Research Foundation. URL: <https://www.orfonline.org/public/uploads/posts/pdf/20240801072822.pdf> (accessed: 04.03.2025).

100. Official Security Assistance (OSA) // MOFA. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/ipc/page4e_001366.html (accessed: 14.03.2026).

101. Overview of Basic Hydrogen Strategy // METI. URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/enecho/shoene_shinene/suiso_seisaku/pdf/20230606_4.pdf (accessed: 14.03.2026).

102. Overview of ASEAN-Japan Comprehensive Strategic Partnership // The ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/07/Overview-of-ASEAN-Japan-CSP-full-version-as-of-July-2024.pdf> (accessed: 12.04.2025).

103. Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000081298.pdf> (accessed: 14.03.2026).

104. Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future // MOFA, MOF, METI, Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000081299.pdf> (accessed: 14.03.2026).

105. Progress Report on Japan's Cooperation for the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100253488.pdf> (accessed: 14.03.2026).

106. Philippines, Japan and US conclude four days of joint exercise near Bashi Channel // The Japan Times. URL: <https://www.japan-times.co.jp/news/2026/02/28/japan/japan-us-philippines-military-bashi-channel/> (accessed: 05.03.2026).

107. Planning to Study in Japan // Japan Student Services Organization. URL: <https://www.studyinJapan.go.jp/en/planning/scholarships/> (accessed: 12.04.2025).

108. Policy Speech by Prime Minister Kishida Fumio to the G20 Bali Summit side-event on Partnership for Global Infrastructure and Investment // Prime Minister's Office of Japan. URL: https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/statement/202211/_00005.html (accessed: 02.12.2024).

109. Project for Enhancing ASEAN-Japan Capacity Building Program for Cybersecurity and Trusted Digital Services – ASEAN-Japan Cybersecurity Capacity Building Centre (AJCCBC) Phase 2 // Cybil Portal. URL: <https://cybilportal.org/projects/project-for-enhancing-asean-japan-capacity-building-program-for-cybersecurity-and-trusted-digital-services> (accessed: 12.04.2025).

110. Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/publication/new-centre-gravity-regional-comprehensive-economic-partnership-and-its-trade-effects> (accessed: 05.12.2024).

111. RECNA Nagasaki University. Nuclear Weapons in Changing World // Research Center for Nuclear Weapons Abolition. URL: <https://www.recna.nagasaki-u.ac.jp/recna/bd/files/REC-PP-19.pdf> (accessed: 15.03.2026).

112. Research and commentary // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/centers/center-for-asia-policy-studies/research-and-commentary/> (accessed: 05.12.2024).

113. Strategic Consequences of U.S. Withdrawal from TPP // RAND. URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2017/03/strategic-consequences-of-us-withdrawal-from-tpp.html> (accessed: 19.04.2025).

114. The state of Southeast Asia 2024 survey report // ISEAS - Yusof Ishak Institute. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2024/03/The-State-of-SEA-2024.pdf> (accessed: 04.03.2025).

115. Trading Economics. Japan General Government Gross Debt to GDP // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/government-debt-to-gdp> (accessed: 15.03.2026).

116. Trade Statistics of Japan // Customs and Tariff Bureau of Japan. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/info/tsdl_e.htm (accessed: 03.12.2024).

117. United Nations Conference on Trade and Development. World Investment Report 2024: Investment Facilitation and Sustainable Development // Geneva:

UNCTAD. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (accessed: 15.03.2026).

118. White Paper on International Economy and Trade 2025 // METI. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2025/pdf/0627_001a.pdf (accessed: 14.03.2026).

119. White Paper on Development Cooperation 2022 Japan's International Cooperation // MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2022/html/index.html> (accessed: 04.03.2025).

120. World Development Indicators // World Bank Group. URL: <https://data-bank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 03.12.2024).

Монографии, диссертации

121. Аргирова В.Г. Политика в Юго-Восточной Азии после провала американской агрессии в Индокитае (1973-1983 гг.): дис. канд. полит. наук: 07.00.03. М., 1985. 221 с.

122. Батакова А. А. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии: дис. канд. истор. наук: 07.00.15. М., 2017. 260 с.

123. Вода К.Р. Политика Японии в Тихоокеанской Азии в начале XXI века: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2016. 202 с.

124. Добринская О.А. Эволюция политики Японии в области обеспечения национальной безопасности после крушения биполярной системы международных отношений: дис. канд. истор. наук: 07.00.03. М., 2005. 234 с.

125. Елкин М.Е. Концепция комплексного национального обеспечения безопасности Японии: дис. канд. истор. наук: 07.00.03. Томск, 2020. 243 с.;

126. Зеликсон Д. И. Экономическая дипломатия как инструмент внешней политики Греции на Балканах: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 150 с.

127. Золкин И.С. Внешнеэкономическая безопасность Российской Федерации в условиях ее членства во Всемирной Торговой Организации: авторефер. дис. канд. эконом. наук: 08.00.14. М., 2016. 30 с.

128. Канаев Е.А. Безопасность на основе сотрудничества в Восточной Азии и конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: дис. д-р истор. наук: 07.00.03. М., 2008. 430 с.

129. Киреева А.А. Роль великих держав (Китай, Япония, Индия, США, Россия) в структурировании макрорегионального пространства Восточной Азии: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2013. 261 с.

130. Кожин Е. Г. Влияние сотрудничества и соперничества в АТР на модели институционального регионализма (международно-политические аспекты): дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2020. 215 с.

131. Лихачев А. Е. Экономическая дипломатия России в условиях глобализации: дис. д-р. экон. наук: 08.00.14. М., 2006. 435 с.

132. Нарышкин А.А. Экономическая дипломатия во внешнеполитической деятельности Российской Федерации в период современной трансформации международных отношений: дис. д-р. полит. наук: 23.00.04. М., 2023. 322 с.
133. Носова И.А. Внешнеполитические аспекты энергетической безопасности Японии (1973 г. - 2011 г.): дис. канд. истор. наук: 07.00.15. М., 2012. 178 с.
134. Севастьянов С. В. Модели регионализма и регионализации Восточной Азии: дис. д-р. полит. наук: 23.00.04. М., 2009. 370 с.
135. Татарина А.В. Образ России в Японии, Китае и Юго-Восточной Азии: дис. канд. истор. наук: 07.00.15. М., 2022. 210 с.
136. Улитина М.О. Формирование международного имиджа России в условиях информационной глобализации: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 199 с.
137. Шувалов И. И., Хабриева Т. Я., Капустин А. Я. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): моногр. / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин. М., 2016. 320 с.

Статьи в периодических изданиях и научных сборниках

138. 若月 秀和. 福田ドクトリン: ポスト冷戦外交の「予行演習」 [Хидэкадзу Вакацуки. Доктрина Фукуды: «Репетиция» дипломатии после окончания холодной войны] // 国際政治 [Международная политика]. 2000. № 125. С. 197-217. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/kokusaiseiji1957/2000/125/2000_125_197/_article/-char/ja/ (дата обращения: 24.03.2025).
139. 総合安全保障と外交 [Комплексная безопасность и дипломатия] // 経済と外交 [Экономика и дипломатия]. 1981. № 705. С. 211. URL: <https://ci.nii.ac.jp/ncid/AN00223319> (дата обращения: 28.03.2026).
140. 北岡 伸一. 日本政治史 外交と権力 [Синъити Китаока. Политическая история Японии: внешняя политика и власть]. 東京: 有斐閣 [Токио: Юхикаку]. 2011. 342 с.
141. Акимов Н. Н. Взаимодействие норм права ВТО и региональных интеграционных объединений // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-norm-prava-vto-i-regionalnyh-integratsionnyh-obedineniy> (дата обращения: 03.03.2025).
142. Асланова О. С. Япония и США в XXI веке: региональные факторы упрочения альянса // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponiya-ssha-v-xxi-veke-regionalnye-factory-uprocheniya-alyansa> (дата обращения: 18.03.2026).

143. Арапова Е.Я. Регионализация в Восточной Азии в условиях диверсификации источников экономического роста / Е.Я. Арапова. М.: Проспект, 2016. 232 с.

144. Арин О.А. Япония и теории международных отношений // Ежегодник Япония. 2014. № 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponiya-i-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 07.03.2025).

145. Баротов И. И. Место и роль дипломатии в формировании международного имиджа государства // Вестник ТГУПБП. 2019. № 2 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-diplomatii-v-formirovanii-mezhdunarodnogo-imidzha-gosudarstva> (дата обращения: 04.03.2025).

146. Барковский А.Н. Научно-институциональные основы экономической дипломатии России. М.: Институт экономики РАН, 2011. 31 с.

147. Буклина П. А. Факторы развития валютной и банковской системы Китая. Чиангмайская инициатива // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-razvitiya-valyutnoy-i-bankovskoy-sistemy-kitaya-chiangmayskaya-initsiativa> (дата обращения: 13.08.2025).

148. Каррон де ла Каррьер Г. Экономическая дипломатия. Дипломат и рынок. 1-е изд. М.: Издательство Символ-Плюс, 2003. 296 с.

149. Гринберг Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2008. № 2. С. 1-12.

150. Даба Д. Влияние «мягкой силы» на современную дипломатию // ResearchGate. 2025. URL: https://www.researchgate.net/publication/387739872_Vlianie_magkoj_sily_na_sovremennuu_diplomatiu (дата обращения: 04.03.2025).

151. Дегтерев Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. М.: МГИМО (У), 2010. 176 с. ISBN 978-5-91798-011-9.

152. Добринская О.А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО. 2020. № 3 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ofitsialnoy-pomoschi-razvitiyu-v-strategii-yaponii-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 18.03.2026).

153. Добринская О.А. Теоретические подходы к международным отношениям в Японии // Японские исследования. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-mezhdunarodnym-otnosheniyam-v-yaponii> (дата обращения: 18.03.2026).

154. Дробот Г.А. Либерализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizm-v-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy-istoriya-zarubezhnaya-i-otechestvennaya-shkoly> (дата обращения: 07.03.2025).

155. Загашвили В.С. Мировая торговля через 100 лет // Российский совет по международным делам. 2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

comments/analytics/mirovaya-torgovlya-cherez-100-let/ (дата обращения: 03.03.2025).

156. Зонова Т.В. Экономическая дипломатия // Внешнеэкономические связи. 2005. № 6. С. 54-62. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/34240/> (дата обращения: 13.11.2024).

157. Иванов А. В. Состояние и перспективы решения территориальных споров между Японией и ее соседями: Республикой Корея и Китайской Народной Республикой // Ежегодник ИМИ. 2012. № 12. С. 401-414.

158. Иванов И.Д. Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия. 1-е изд. М.: РОССПЭН, 2001. 318 с. ISBN: 5-8243-0264-2.

159. Игнатъева И.Ф., Исаев Б.А. Геоэкономика как структурный элемент геополитики // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoekonomika-kak-strukturnyy-element-geopolitiki> (дата обращения: 10.08.2025).

160. Канаев Е. А., Падерина С. А. Региональному Форуму АСЕАН – 25 лет // Запад-Восток-Россия 2019. Ежегодник. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 137-141. URL: <https://publications.hse.ru/view/410110139> (дата обращения: 14.04.2025).

161. Кант И. К вечному миру // Сочинения: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

162. Карabanова М.А. Проблема экономической дипломатии в современной политической науке: теоретический аспект // Проблемы Науки. 2016. № 4 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ekonomicheskoy-diplomatii-v-sovremennoy-politicheskoy-nauke-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 04.12.2024).

163. Кикоть, И. Н. Влияние Китая на страны АСЕАН: экономические и политические аспекты взаимодействия // Молодой ученый. 2024. № 44 (543). С. 230-233. URL: <https://moluch.ru/archive/543/118759> (дата обращения: 15.03.2026).

164. Козлов К. В. Подход «умной силы» во внешней политике США и её трансформация в XXI веке // Политика и общество. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhod-umnoy-sily-smart-power-vo-vneshney-politike-ssha-i-eyo-transformatsiya-v-xxi-veke> (дата обращения: 12.08.2025).

165. Колдунова Е. В. Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI в.: опыт для России // Японские исследования. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-transformatsii-otnosheniy-yaponii-i-stran-yugo-vostochnoy-azii-vo-vtoroy-polovine-xx-nachale-xxi-v-opyt-dlya-rossii> (дата обращения: 13.08.2025).

166. Колдунова Е. В. АСЕАН на современном этапе и проблемы региональной стабильности // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2015. № 28.

167. Королёв А. С. Переосмысление опыта построения сообществ безопасности. Пример АСЕАН // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 3 (58). С. 80-98.

168. Косоруков А.А. Особенности принятия внешнеполитических решений в современном государстве // Международные отношения. 2012. № 1. С. 6-24. URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=21300 (дата обращения: 03.01.2025).

169. Кузнецов М. К. Торгово-экономическая стратегия Китая в Юго-Восточной Азии: исторический контекст и современные тенденции // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2024. № 4 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskaya-strategiya-kitaya-v-yugo-vostochnoy-azii-istoricheskiiy-kontekst-i-sovremennyye-tendentsii> (дата обращения: 13.08.2025).

170. Кукеева Ф.Т., Дюсебаев Д.К., Ордабаев А.К., Утегенова М.А. Теоретические аспекты китайской инициативы «Пояс и путь» // Вестник КазНУ. Серия «История. Философия». 2020. № 2 (98). С. 111-121.

171. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. № 3 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-silaponyatie-i-podhody> (дата обращения: 04.03.2025).

172. Лябухов И. В. Формирование позитивного имиджа Российской Федерации на международной арене: возможности и потенциал МИД России // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pozitivnogo-imidzharossiyskoy-federatsii-na-mezhdunarodnoy-arene-vozmozhnosti-i-potentsial-midrossii> (дата обращения: 04.03.2025).

173. Манькин А. С., Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений // Минск: Белорусская электронная библиотека. URL: <https://biblioteka.by/m/articles/view/А-Д-Богатуров-Н-А-Косолапов-М-А-Хрусталева-очерки-теории-и-политического-анализа-международных-отношений> (дата обращения: 10.08.2025).

174. 松浦 正孝. アジア主義に多方面から光を [Масакацу Мацуура. Рассматривая с разных сторон проявления азиатизма] // 外交フォーラム [Дипломатический форум]. 2008. № 245. С. 38-40.

175. Меламед И.И., Терентьева Е.А., Абрамов А.Л. [и др.] Организации и объединения стран Тихоокеанского кольца: монография // Владивосток: издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. 624 с.

176. Милеев Д. А. Невоенные методы внешней политики Японии // Восточная аналитика. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevoennyye-metody-vneshney-politiki-yaponii> (дата обращения: 24.03.2025).

177. Михеев В.В. Китай-Япония. Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М., Издательство Руслана Элинина. 2009. 360 с.

178. Мосяков Д. В., Шпаковская, М. А. Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2018. № 3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-pereigryvaet-ssha-v-otnosheniyah-s-asean> (дата обращения: 15.03.2026).

179. Муратшина К. Г. Страны АСЕАН и американо-японская инициатива Транстихоокеанского партнерства // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strany-asean-i-amerikano-yaponskaya-initsiativa-transtihookeanskogo-partnerstva> (дата обращения: 09.12.2024).

180. Нейман А.М. Э. Х. Карр: от «политического реализма» к «новому обществу» // История и историки: Историогр. ежегодник, 1978. М., 1981. С. 96-112.

181. Орнатский И.А. Экономическая дипломатия // Междунар. отношения, 1980. 272 с.

182. Паксютов Г. Д. Экономическая активность Японии в АТР: эволюция стратегии в меняющихся условиях // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-aktivnost-yaponii-v-atr-evolyutsiya-strategii-v-menyayuschih-usloviyah> (дата обращения: 12.04.2025).

183. Петроченко М.В. Политика «мягкой силы» Японии: оценка эффективности // Российский совет по международным делам. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/polit-ekspert/politika-myagkoj-sily-yaponii-otsenka-effektivnosti/> (дата обращения: 04.03.2025).

184. Плащинский А. А. Экономическая дипломатия США. План Маршалла и доктрина Трумэна // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 4. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2003-4/2003-4-plashinski> (дата обращения: 14.02.2025).

185. Рахович Н. В. Деятельность Японии в АСЕАН (1987-2015 гг.) // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 1. Философия. Политология. Социология. 2023. № 1. С. 66-70.

186. Савойский А.Г. Экономическая дипломатия современной России в отношении США на международной арене: моногр. 2-е изд. М.; Пятигорск: РИА-КМВ. 2011. 368 с.

187. Савойский А. Г. Экономическая дипломатия как феномен международной жизни // Международная жизнь. 2013. № 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/807> (дата обращения: 13.12.2024).

188. Салицкий А.И., Семенова Н.К. США-Китай: анатомия торгового конфликта // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2019. № 4. С. 60-72. URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/ssha-kitay-anatomiya-torgovogo-konflikta> (дата обращения: 01.02.2025).

189. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; перевод с английского П. Н. Клюкин. Москва: Эксмо, 2023. 1056 с.

190. Столяров Ю. С. Япония в системе мирохозяйственных связей. М.: Наука, 1977. 345 с.

191. Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Япония. 2014. № 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-istoricheskogo-proshlogo-v-poslevoennyh-otnosheniyah-yaponii-so-stranami-vostochnoy-azii> (дата обращения: 24.03.2025).

192. Стрельцов Д. В. Российский вектор японской внешнеполитической стратегии в АТР // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. М.: Вост. лит. 2009. С. 28-42.

193. Толстухина А. Ю. Технологическая политика США в условиях соперничества с Китаем // Российский совет по международным делам URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tekhnologicheskaya-politika-ssha-v-usloviyakh-sopernichestva-s-kitaem/> (дата обращения: 04.03.2025).

194. Шилин С.С., Лихацкая Н.В., Вендина А.М. Стратегия энергетической дипломатии Российской Федерации // Молодежная наука как фактор и ресурс инновационного развития: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука». 2021. С. 118-122.

195. Шурыгина О. А. К вопросу о культурной дипломатии в Японии // V Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Олега Марковича Готлиба, Иркутск, 19-21 октября 2021 г. Иркутск: Иркутский государственный университет. 2021. С. 269-276.

196. Чугров С.В. Корни и тренды японских теорий международных отношений // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2020. Т. 64, № 5. С. 71-81. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/05_2020/08-CHUGROV.pdf (дата обращения: 07.03.2025).

197. Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order. NY: Routledge. 2001. 234 p.

198. Assertion and Alignment: Sanae Takaichi and Japan's New Strategic Posture // Central European Institute of Asian Studies (CEIAS). 2025. URL: <https://ceias.eu/assertion-and-alignment-sanae-takaichi-and-japans-new-strategic-posture/> (accessed: 15.03.2026).

199. Baldwin D.A. Interdependence and Power: A Conceptual Analysis // International Organization. 1980. № 4. P. 471-506.

200. Bayne N., Woolcock S. The New Economic Diplomacy: Decision-Making and Negotiation in International Economic Relations. Ashgate Publishing. 2011. 276 p.

201. Bradford J. F. Understanding Fifty Years of Japanese Maritime Security Capacity Building Activities in Southeast Asia // National Institute for Defense Studies. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/363661324_Understanding_Fifty_Years_of_Japanese_Maritime_Security_Capacity_Building_Activities_in_Southeast_Asia (accessed: 05.03.2026).

202. Crucé E., Willing T. *The new Cyneas of Émerie Crucé*. Philadelphia: University of California Libraries. 2019. 406 p.
203. Crescenzi M. *Economic Interdependence and Conflict in World Politics*. Oxford: Lexington Books. 2005. 173 p.
204. Dent M. *East Asian Regionalism*. New York: Routledge. 2008. 340 p.
205. Dent M. *The new economic bilateralism in Southeast Asia: Region-convergent or region-divergent? // International Relations of the Asia-Pacific*. 2005. № 6. P. 81-111.
206. Doyle M. *Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs // Philosophy & Public Affairs*. 1983. № 12. P. 205-235.
207. Ikenberry G. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press, 2001. 293 p.
208. Fackler D. K. *Defining Pacifism: Article 9's Role in Japan's National Defense and Global Commitments // Hastings International and Comparative Law Review*. 2025. Vol. 48. No. 1. P. 65-102. URL: https://repository.uclawsf.edu/hastings_international_comparative_law_review/vol48/iss1/3 (accessed: 15.03.2026).
209. Finnemore M. *National interests in international society*. NY: Cornell University Press, 1996. 176 p.
210. Gartzke E. *The Capitalist Peace // American Journal of Political Science*. 2007. № 51 (1). P. 166-191. URL: <https://ideas.repec.org/a/wly/amposc/v51y2007i1p166-191.html> (accessed: 14.04.2025).
211. Goh E. *Great Powers and Hierarchical Order in Southeast Asia: Analyzing Regional Security Strategies // International Security*. 2008. Vol. 32. No. 3. P. 113-157. DOI: <https://doi.org/10.1162/isec.2008.32.3.113>.
212. Gong X. *Non-Traditional Security Cooperation between China and South-East Asia: Implications for Indo-Pacific Geopolitics // International Affairs*. 2020. № 96. P. 29-48.
213. Emmers R. *ASEAN and the Institutionalization of East Asia*. London: Routledge. 2013. 248 p.
214. Emmers R. *Cooperative Security and the Balance of Power in ASEAN and the ARF*. NY: Routledge. 2003. 216 p.
215. Emmers R. *ASEAN minus X: Should This Formula be Extended? // RSIS Commentary*. 2017. URL: <https://rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/co17199-asean-minus-x-should-this-formula-be-extended> (дата обращения: 03.04.2020).
216. Herrmann Ch., Krajewski M., Terhechte J. *European Yearbook of International Economic Law 2015*. Berlin: Heidelberg. 2015. 448 p.
217. Higgott R., Stubbs R. *Competing Conceptions of Economic Regionalism: APEC versus EAEC in the Asia Pacific // Review of International Political Economy*. 1995. № 2. P. 516-535.
218. Higgott R., Robison R. *Southeast Asia (Routledge Revivals) Essays in the Political Economy of Structural Change*. New York: Routledge. 2014. 348 p.
219. Hirschman A. *National Power and the Structure of Foreign Trade*. Berkeley: University of California Press. 1980. 172 p.

220. Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown. 1977. 268 p.
221. Keohane R., Nye J. *Transnational relations and world politics*. Cambridge: Harvard University Press. 1972. 398 p.
222. Koga K. *Withering FOIP? Japan's Evolving Indo-Pacific Vision from Kishida to Ishiba* // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2025. Vol. 13, Issue 1. DOI: 10.1177/23477970251404237.
223. Krasner S.D. *International Regimes*. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 372 p.
224. Liff A. P. *Proactive Stabilizer: Japan's Role in the Asia-Pacific Security Order* // *The Crisis of Liberal Internationalism: Japan and the World Order*. Washington, DC: Brookings Institution Press. 2020. 39-78 p.
225. Luttwak E. *From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce* // *The National Interest*. 1990. № 20. P. 17-23.
226. Machida S. "Peace" or National Interest? Factors Determining Japanese Citizens' Views toward the Use of Force against Foreign States // *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies*. 2025. Vol. 25. No. 3. URL: <https://www.japanesestudies.org.uk/ejcs/vol25/iss3/machida.html> (accessed: 15.03.2026).
227. Morita-Jaeger M. *Evolving Geopolitics and Japan's Economic Security—Trade Nexus: "New Capitalism" as a Balancing Act?* // *Global Policy*. 2025. P. 1-10. DOI: 10.1111/1758-5899.70108.
228. Nye J. *Soft Power and European-American Affairs*. Issue 1. London: Routledge, 2006. 12 c.
229. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs. 2004. 192 p.
230. Ratus J. *Japan, China and Networked Regionalism in East Asia*. Issue 1. London: Palgrave Macmillan. 2011. 235 p.
231. Ratus J. *Indonesia and ASEAN Plus Three Financial Cooperation: Domestic Politics, Power Relations, and Regulatory Regionalism* // *Bulletin of Indonesian Economic Studies*. 2018. № 54. P. 131-133.
232. Sato J. *Yōsei-Shugi: The Mystery of the Japanese Request-Based Aid*. Issue 1. Singapore: Springer. 2024. P. 113-128.
233. Schraeder P., Hook S., Taylor B. «Clarifying the Foreign Aid Puzzle: A Comparison of American, Japanese, French and Swedish Aid Flows» // *World Politics*. 1998. T. 50, № 2. P. 294-323.
234. Yasutomo D. *The Manner of Giving: Strategic Aid and Japanese Foreign Policy*. Lexington Books, 1986. 147 p.
235. Yoshimatsu H. *Japan's Economic Security: Policy Development Under the Influence of Security Identity and Key Players' Policy Initiatives* // *Politics & Policy*. 2025. Vol. 53 (5). URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/polp.70074> (accessed: 13.02.2026).
236. Yoshimatsu H. *China, Japan and the South China Sea Dispute: Pursuing Strategic Goals Through Economic and Institutional Means* // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2017. № 4. P. 294-315.

237. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979. 251 p.

238. Wagner H. Economic interdependence, bargaining power, and political influence // International Organization. 1988. № 42. P. 461-483.

239. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 452 p.

240. Wilkins T. Middle power hedging in the era of security/economic disconnect: Australia, Japan, and the «Special Strategic Partnership» // International Relations of the Asia-Pacific. 2021. № 23. P. 93-127.

Материалы СМИ и сайтов сети Интернет

241. 【ベトナム】 パナ、住宅向け太陽光に参入 政策追い風に年5割成長目指す [Вьетнам: Panasonic выходит на рынок солнечной энергетики для жилого сектора] // NNA アジア経済ニュース [Азиатские экономические новости NNA]. 2025. URL: <https://www.chiba-tv.com/plus/detail/202510851726> (дата обращения: 14.03.2026).

242. 日本の防衛態勢における戦略的転換：2022年から2026年に至る「防衛力の抜本的強化」と戦略3文書見直し [Стратегический поворот в оборонной системе Японии: коренное усиление оборонного потенциала с 2022 по 2026 год и пересмотр трех стратегических документов] // Note. 2026. URL: https://note.com/_takumi_inoue/_n/nf7d0581fc285 (дата обращения: 15.03.2026).

243. 新「安保3文書」、成長戦略・骨太と一体議論 防衛を経済政策の柱に [Новые «три документа по безопасности»: комплексное обсуждение вместе со стратегией роста и базовым курсом экономической политики, превращение обороны в опорное направление экономической политики] // 日本経済新聞 [Нихон кэйдзай симбун]. 2025. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA19ATZ0Z11C25A2000000/> (дата обращения: 15.03.2026).

244. 戦略3文書見直しへ議論を加速化 安全保障調査会が勉強会開催 [Электронный ресурс] // 自民党. URL: <https://www.jimin.jp/news/information/211893.html> (дата обращения: 15.03.2026).

245. АСЕАН-Япония: достижения во многих сферах сотрудничества // Иллюстрированный журнал Вьетнам URL: <https://vietnam.vnanet.vn/russian/асеан-япония-достижения-во-многих-сферах-сотрудничества/420652.html> (дата обращения: 12.04.2025).

246. АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая // ВШЭ. 2023. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/879401714.pdf> (дата обращения: 15.03.2026).

247. Больше не наблюдатель? Япония наращивает поставки военной продукции в регионе // Российский совет по международным делам URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bolshe-ne-nablyudatel-yaponiya-narashchivaet-postavki-voennoy-produktsii-v-regione/> (дата обращения: 12.04.2025).

248. Бывший премьер Японии предложил обсудить размещение ядерного оружия в стране // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/27/jap/> (дата обращения: 15.03.2026).

249. Все санкции США и Евросоюза в отношении России с 2014 года // Настоящее Время. URL: <https://www.currenttime.tv/a/russia-american-european-sanctions/29449693.html> (дата обращения: 01.02.2025).

250. Инициатива «Один пояс - один путь»: Фундаментальный камень стратегии растущей силы Китая // Anadolu Ajansı (AA). URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/инициатива-один-пояс-один-путь-фундаментальный-камень-стратегии-растущей-силы-китая/3022632> (дата обращения: 24.03.2025).

251. Мурашкин Н.А. Япония – АСЕАН: неизбежное партнерство для нового азиатского порядка? // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-asean-neizbezhnoe-partnerstvo-dlya-novogo-aziatskog/> (дата обращения: 12.04.2025).

252. Общий итог – 3 трлн 660 млрд йен: завершение 42-летней истории японской ОПП Китая // Nippon Communications Foundation. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00828/> (дата обращения: 04.03.2025).

253. О центральной роли АСЕАН в современной Юго-Восточной Азии // Journal NEO. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/10/26/asean-i-ee-czentralnaya-rol-v-sovremennoj-yugo-vostochnoj-azii/> (дата обращения: 15.03.2026).

254. Политика США в отношении АСЕАН // Завтра. 2023. URL: https://zavtra.ru/books/politika_ssha_v_otnoshenii_asean_i_eyo_posledstviya_dlya_torgovih_otnoshenij_v_regione (дата обращения: 15.03.2026).

255. Премьер Сингапура заявил о необходимости поиска новых партнеров из-за протекционизма США // ТАСС. URL: <https://fomag.ru/news-stream/premer-singapura-zayavil-o-neobkhodimosti-poiska-novykh-partnerov-iz-za-protexsionizma-ssha/> (дата обращения: 15.03.2026)

256. Россия и АСЕАН: поиски экономической синергии // Carnegie. 2020. URL: <https://carnegie.ru/publications/63618> (дата обращения: 15.03.2026).

257. США подписали первые окончательные тарифные соглашения с четырьмя странами АСЕАН // РГ. URL: <https://rg.ru/2025/10/26/ssha-podpisali-pervye-okonchatelnye-tarifnye-soglasheniia-s-chetyrmia-stranami-asean.html> (дата обращения: 15.03.2026).

258. Филиппины закупают у Японии еще 5 патрульных кораблей // АО «АЭИ «ПРАЙМ» URL: <https://1prime.ru/20240515/filippiny-848217417.html> (дата обращения: 12.04.2025).

259. Что такое инициатива «Пояс и путь», зачем она Китаю и полезна ли России? // РБК Тренды URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6308bea09a7947ff4889b9b6> (дата обращения: 12.04.2025).

260. Экономика АСЕАН: Бум инвестиций и «страны-специалисты» // Росконгресс. 2024. URL: <https://roscongress.org/materials/ekonomika-asean-bum-investitsiy-i-strany-spetsialisty/> (дата обращения: 15.03.2026).

261. Эксперты РСМД и ИМЭМО обсудили отношения России с Индией и КНР // Российский совет по международным делам URL: https://russiancouncil.ru/news/eksperty-rsmd-i-imemo-obsudili-otnosheniya-rossii-s-indiey-i-knr/?sphrase_id=220924471 (дата обращения: 12.04.2025).

262. Япония, Восточная и Юго-Восточная Азия: возможно ли повторение японского проекта сопроцветания в XXI веке? // Завтра. URL: https://zavtra.ru/books/yaponiya_vostochnaya_i_yugo-vostochnaya_aziya_vozmozhno_li_povtorenie_yaponskogo_proekta_soprotcvetaniya_v_hhi_veke?ysclid=lp69cih1t832847117 (дата обращения: 24.03.2025).

263. Япония выделит около 7,4 млрд долл. экономической помощи странам Меконга // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/567930> (дата обращения: 12.04.2025).

264. Япония – один из старейших и наиболее надёжных партнёров АСЕАН // Vietnam.vn. 2025. URL: <https://www.vietnam.vn/ru/nhat-ban-la-mot-trong-cac-doi-tac-lau-doi-va-tin-cau-nhat-cua-asean> (дата обращения: 15.03.2026).

265. Япония укрепляет экономическое сотрудничество с АСЕАН // Nippon.com. 2025. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2025071000682/> (дата обращения: 15.03.2026).

266. Япония укрепляет экономическое сотрудничество с государствами ЮВА // Eurasia Today. 2025. URL: <https://eurasia.today/actual/yaponiya-ukreplyaet-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-s-gosudarstvami-yugo-vostochnoy-azii/> (дата обращения: 15.03.2026).

267. «America first» cannot mean «America alone»: Engaging Southeast Asia // The Brookings Institution URL: <https://www.brookings.edu/articles/america-first-cannot-mean-america-alone-engaging-southeast-asia/> (accessed: 12.04.2025).

268. Arab News Japan. Japan Reaffirms No-Nukes Pledge After Senior Official Suggests Acquiring Weapons. 2025. URL: <https://www.reuters.com/world/china/japan-reaffirms-no-nukes-pledge-after-senior-official-suggests-acquiring-weapons-2025-12-19/> (accessed: 15.03.2026).

269. ASEAN Statistical Highlights 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat. 2025. URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/11/ASH2025v251112.pdf> (accessed: 15.03.2026).

270. ASEAN Plus Three. Leaders' Statement on Strengthening the Connectivity of Regional Supply Chains. Vientiane. 2024. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100742876.pdf> (accessed: 14.03.2026).

271. «Belt and Road» vs. «Free and Open Indo-Pacific»: Competition over Regional Order and ASEAN's Responses // The National Institute for Defense

Studies. URL: <https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/security/pdf/2021/01/04.pdf> (accessed: 04.03.2025).

272. Chai P. Japan's Takaichi Pushes Stricter Rules on Foreign Nationals // The Diplomat. 2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/11/japans-takaichi-pushes-stricter-rules-on-foreign-nationals/> (accessed: 15.03.2026).

273. China's Economic Coercion Strengthens Takaichi's Hand // East Asia Forum. 2026. URL: <https://eastasiaforum.org/2026/03/11/chinas-economic-coercion-strengthens-takaichis-hand/> (accessed: 15.03.2026).

274. China-Japan Competition in Infrastructure Investment in Southeast Asia: A Two-Level Analysis. 2022. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9550592/> (accessed: 14.03.2026).

275. Global Issues Water // United Nations URL: <https://www.un.org/en/global-issues/water> (accessed: 02.12.2024).

276. Gomez J., Nuga H. Japan and the Philippines Sign Defense Pact in the Face of Shared Alarm Over China // The Diplomat. 2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/07/japan-and-the-philippines-sign-defense-pact-in-the-face-of-shared-alarm-over-china/> (accessed: 19.04.2025).

277. Is Japan Giving Up on Pacifism? // Central European Institute of Asian Studies (CEIAS). 2024. URL: <https://ceias.eu/is-japan-giving-up-on-pacifism/> (accessed: 15.03.2026).

278. Japan Accelerates Defense Buildup With Record Budget and Expanded Unmanned Capabilities // The Diplomat. 2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/12/japan-accelerates-defense-buildup-with-record-budget-and-expanded-unmanned-capabilities/> (accessed: 15.03.2026).

279. Japan and the Development of Quadrilateral Cooperation // Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales URL: <https://www.cries.org/wp-content/uploads/2022/02/011-Koga-ok-.pdf> (accessed: 04.03.2025).

280. Japan-ASEAN Cooperation as Security Partners // Japan Up Close URL: https://japanupclose.web-japan.org/policy/p20240510_1.html (accessed: 04.03.2025).

281. Japan approves bill to set up intelligence body; move stirs debate // Global Times. 2026. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202603/1356942.shtml> (accessed: 15.03.2026).

282. Japan and ASEAN are 'natural partners' in complex global environment // The Business Times. 2024. URL: <https://www.businesstimes.com.sg/international/asean/japan-and-asean-are-natural-partners-work-together-increasingly-complex-global-environment> (accessed: 15.03.2026).

283. Japan considers mass drone use for coastal defense // The Japan Times. 2026. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2026/03/13/japan/japan-coastal-defense-drones/> (accessed: 15.03.2026).

284. Japan Forward. Takaichi Clear on Priority: Strengthen Defense Capabilities // Japan Forward. 2025. URL: <https://japan-forward.com/takaichi-clear-on-priority-strengthen-defense-capabilities/> (accessed: 15.03.2026).

285. Japan FY2026 Defense Budget Positions SHIELD Drones as Core Pillar of Southwestern Island Defense // Army Recognition. 2026. URL: <https://armyrecognition.com/focus-analysis-conflicts/army/analysis-defense-and-security-industry/japan-fy2026-defense-budget-positions-shield-drones-as-core-pillar-of-southwestern-island-defense> (accessed: 15.03.2026).

286. Japan Govt Submits Bill to Create National Intelligence Bureau // The Japan Times. 2026. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/news-services/jiji-press/20260314-316417/> (accessed: 15.03.2026).

287. Japan's Cabinet OKs Record Defense Budget That Aims to Deter China // Defense News. 2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/asia-pacific/2025/12/26/japans-cabinet-oks-record-defense-budget-that-aims-to-deter-china/> (accessed: 15.03.2026).

288. Japan hosts coast guard drills with U.S. and Philippines as sea tensions rise // Associated Press. 2024. URL: <https://apnews.com/article/48c5c64e8df7a97c8a32b1181767163e> (accessed: 15.03.2026).

289. Japan's 2026 Lower House Election Results // Edelman Global Advisory. 2026. URL: <https://www.edelmanglobaladvisory.com/insights/japans-2026-lower-house-election-results> (accessed: 15.03.2026).

290. Japan's Defense Budget Tops Record 9 Trillion Yen for Fiscal 2026 // Xinhua. 2025. URL: <https://english.news.cn/20251226/daaa6b17f9b64ea4a0b2916b140f8252/c.html> (accessed: 15.03.2026).

291. Japan's outward foreign direct investment (FDA) stock in ASEAN from 2014 to 2023 (in billion U.S. dollars) // Statista: official site. 2025. URL: <https://www.statista.com/statistics/1327586/japan-outward-FDI-position-asean/> (accessed: 14.03.2026).

292. Japan Releases Inaugural IFRS-Aligned Sustainability Reporting Standards // ESG Today. URL: <https://www.esgtoday.com/japan-releases-inaugural-ifrs-aligned-sustainability-reporting-standards/> (accessed: 12.04.2025).

293. Japan's Role for Southeast Asia Amidst the Great Power Competition and its Implications for the EU-Japan Partnership // Konrad-Adenauer-Stiftung. URL: <https://www.kas.de/en/web/japan/single-title/-/content/japan-asean-study-1> (accessed: 19.04.2025).

294. Japan's Values-Free and Token Indo-Pacific Strategy // Diplomat Media. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/japans-values-free-and-token-indo-pacific-strategy/> (accessed: 04.03.2025).

295. Japan Government Pushes Plan to Establish National Intelligence Committee // Xinhua. 2026. URL: <https://english.news.cn/20260313/49a47facfdc643f9b5593d5c2693d271/c.html> (accessed: 15.03.2026).

296. Japan's Takaichi Says China Seeks to Change Status Quo by Force // Al Arabiya. 2026. URL: <https://english.alarabiya.net/News/world/2026/02/20/japan-s-takaichi-says-china-seeks-to-change-status-quo-with-force-or-coercion> (accessed: 15.03.2026).

297. Japan and ASEAN plan joint strategy on auto production // Reuters. 2024. URL: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/japan-asean-plan-joint-strategy-auto-production-nikkei-reports-2024-05-19/> (accessed: 14.03.2026).
298. Future Design and Action Plan for Innovative and Sustainable ASEAN-Japan Economic Co-Creation 2023-2033 // METI. 2024. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2024/09/20240924003/20240924003-h.pdf> (accessed: 14.03.2026).
299. Lynas Rare Earths Ltd. Annual Report 2020. Perth: Lynas Rare Earths, 2020. URL: https://lynasrareearths.com/wp-content/uploads/2020/10/LYC_AR20-30Sep20-LODGE-2122450-1.pdf (accessed: 14.03.2026).
300. Majority of Southeast Asians favour China over U.S., survey finds // Financial Times. 2024. URL: <https://www.ft.com/content/f02ec7ad-e977-466d-9b72-c80c069da03b> (accessed: 15.03.2026).
301. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Mekong-Japan Cooperation Strategy 2024. 2024. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100703926.pdf> (дата обращения: 14.03.2026).
302. New Japanese Espionage Law Would Need to Respect Rights // Human Rights Watch. 2025. URL: <https://www.hrw.org/news/2025/12/09/new-japanese-espionage-law-would-need-to-respect-rights> (accessed: 15.03.2026).
303. New Southeast Asia survey shows greater trust in the U.S. than China – but there’s a catch // TIME. 2025. URL: <https://time.com/7274803/southeast-asia-2025-survey-us-china-trust-asean-iseas-trump/> (accessed: 15.03.2026).
304. Official Development Assistance // Ministry of Finance Japan URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/ODA/index.html> (accessed: 23.12.2023).
305. Over 60% in Japan Oppose Possessing Nuclear Weapons: Jiji Poll // The Japan Times. 2026. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2026/01/16/japan/nuclear-weapons-opposition-poll/> (accessed: 15.03.2026).
306. Post-Election Push for Constitutional Revision by Takaichi Warrants Vigilance // Xinhua. 2026. URL: <https://english.news.cn/20260213/f375d2e3fc2f4828a151bce89275c1a5/c.html> (accessed: 15.03.2026).
307. Russia's adaptability to US sanctions stymied their effectiveness, economists say // Associated Press. URL: <https://apnews.com/article/sanctions-russia-ukraine-war-foreign-policy-bbc3f8df0211f2305b6ca7a2f602fd5a> (accessed: 01.02.2025).
308. SE Daily. Japan's Takaichi Signals Defense Overhaul, Eyes 2% GDP Milestone // Seoul Economic Daily. 2026. URL: <https://en.sedaily.com/international/2026/03/14/japans-takaichi-signals-defense-overhaul-eyes> (accessed: 15.03.2026).
309. Smith S. A. Japan’s 2026 Election: National Security // Council on Foreign Relations. 2026. URL: <https://www.cfr.org/articles/japans-2026-election-national-security> (accessed: 15.03.2026).

310. State of Southeast Asia Survey 2025: taking Southeast Asia's pulse // ThinkChina. 2025. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/state-southeast-asia-survey-2025-taking-southeast-asias-pulse-geopolitics> (accessed: 15.03.2026).

311. Takaichi's Conservative Agenda and Japan's Defense Buildup // International Institute for Strategic Studies. 2026. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2026/02/japans-takaichi-cements-conservative-agenda/> (accessed: 15.03.2026).

312. Takaichi Sidesteps Commitment to Japan's Three Non-Nuclear Principles // The Japan Times. 2025. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/11/12/japan/politics/takaichi-nonnuclear-principles/> (accessed: 15.03.2026).

313. Trump joins tariff talks with Japan as US seeks deals amid trade wars // AP News. URL: <https://apnews.com/article/9134808d0e4aaf30bc60b28d7adc9b32> (accessed: 12.04.2025).

314. Trump withdrawing from the Trans-Pacific Partnership // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/articles/trump-withdrawing-from-the-trans-pacific-partnership> (accessed: 12.04.2025).

315. Two-way exchanges are crucial for deepening ASEAN-Japan relations // East Asia Forum. 2024. URL: <https://eastasiaforum.org/2024/09/04/two-way-exchanges-are-crucial-for-deepening-asean-japan-relations/> (accessed: 15.03.2026).

316. Ukraine Ready to Share Marine Drone and UAV Interceptor Technologies with Japan // Militaryni. 2026. URL: <https://militaryni.com/en/news/ukraine-share-marine-drone-and-uav-interceptor-technologies-with-japan/> (accessed: 15.03.2026).

317. Welcome to the JET Programme // The Japan Exchange and Teaching Programme. URL: <https://jetprogramme.org/en/about-jet/> (accessed: 12.04.2025).

318. White H. Japan Edges Towards Hosting Nuclear Weapons // The Strategist (Australian Strategic Policy Institute). 2025. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/japan-edges-towards-hosting-nuclear-weapons/> (accessed: 15.03.2026).

319. Why ASEAN should not be a US-China battleground // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/articles/why-asean-should-not-be-a-us-china-battleground/> (accessed: 12.04.2025).

320. Why Japan is Southeast Asia's most trusted power // South China Morning Post. 2025. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3306892/stabiliser-why-japan-most-trusted-power-southeast-asia> (accessed: 15.03.2026).

321. Yomiuri Poll: 60% in Favor of Amending Japan Constitution // The Japan News. 2025. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/politics-government/20250503-252349/> (accessed: 15.03.2026).